

0-38

КРАСНОДА

№ 3 · 1977

ИЮЛЬ СЕНТЯБРЬ

ОГНИ

КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

0-38

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 29-й

№ 3 (56)

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

390394

В Н О М Е Р Е

СТИХИ

ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ. Хлеб-соль 3
ЛЕОНИД БЕРЕЗИН. Таволга. «Под гитару пел я с чув-
ством...» Тайга. «Бродит в поле ночью тихою...» 51

ПРОЗА

АНАТОЛИИ КРУГЛЯКОВ. Та заводская проходная. По-
весть 16
ВЛАДИМИР КОНЬКОВ. Рябина у крыльца. Рассказ . . . 53
МИХАИЛ БЕРКОВИЧ. Чем жив человек? Очерк 4
АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ. Старейшина большевиков Кузбасса.
Очерк 69

ИСКУССТВО

М. КУШНИКОВА. Это большое «малое искусство». . . 77

СЛОВО-КРИТИКЕ

ВЛАДИМИР КОПЫЛОВ. Литературы веская строка . . . 86
ВЛАДИМИР МАТВЕЕВ. «Где видимость? Где суть?» . . . 95

СТИХИ ДЕТЯМ

ЮРИЙ МОГУТИН. Ингодá. Шишкопад. Два медведя. Звезды
в котелке. Часы. Комары. Отчего океан соленый? Обед. . . 92

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

М. СИРОТКИН. Очевидная напраслина. В одном учреждении.
Шапочное знакомство. Новаторы от эстрады. Нерасторжимые
узы. Стихи о божественной Натали 102

Редактор В. М. МАЗАЕВ.

Редакционная коллегия: В. М. Баянов, А. Н. Волошин,
Г. А. Емельянов, О. П. Павловский, В. В. Махалов (отв. сек-
ретарь), З. А. Чигарева, Г. Е. Юров

Адрес редакции: 650099, г. Кемерово, 99, Советский пр., 94
Тел. 6-85-14

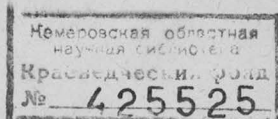
Рукописи не возвращаются.

Ведущий редактор Л. В. Глестова; художественный редак-
тор А. С. Ротовский; технический редактор Г. В. Адова;
корректор В. Ф. Алагузова

Сдано в набор 27.IV.1977 г. Подписано к печати 26.VIII.1977 г.
Формат 70×90 1/16. Бумага типографская № 3. Усл. печ. л. 7,61.
Уч.-изд. л. 8,32. ОП00020. Заказ № 5446. Тираж 5000. Цена
45 коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово, 59, Но-
градская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово, Но-
градская, 5.

О 0732—37 25—77
М145(03)—77

© Кемеровское книжное издательство, 1977 г.

Валентин Махалов

Хлеб-соль

Ничем в своей судьбе не обделен,
Я вырос под российским
Светлым небом.
Был материнским молоком вскормлен
И самым добрым в мире
Русским хлебом.
Я пережил военную нужду,
И потому
Мне до конца понятно,
Что хлеб отвел
Смертельную беду —
Мякинный,
Черствый,
Мерзлый,
Суррогатный.
Земная радость
И земная боль
В нем воедино смешаны не даром.
Поэтому, наверно,
Хлеб и Соль —
Для друга самый дорогой подарок.
В любой деревне
И в любом селе,

Как повелось в родной моей
сторонке,
На рушнике
Выносят гостью хлеб,
Щепотку соли
В расписной солонке.
Я гордости душевной не уйму
За то,
Что так надежно и привычно
Живет, Россия, у тебя в дому
Народный нестареющий обычай.
Он не рожден,
А выстрадан тобой.
Я знаю —
Нет другой страны на свете
С такою многотрудною судьбой,
С таким высоким долгом на планете.
За все морщинки на твоём челе
Мы по-сыновьи
Жизнью отвечаем.
Так пусть пребудут вечно на земле
И Хлеб, и Соль,
И Доброта людская.

ЧЕМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК?

Ерпылев Виктор Михайлович. Родился в 1933 году в городе Троицке Челябинской области. Образование высшее. Работает директором шахты «Нагорная» производственного объединения Южкузбассуголь. Кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

1 Директор пришел неожиданно. Поставил ногу на редуктор и молча смотрел, как слесарь подтягивал гайку. Почувствовав на себе взгляд, тот поднял глаза. Директор смотрел на него молча и сосредоточенно.

— Хороший комбайн делаем? — кивнув на стоящую рядом машину, спросил он.

Слесарь пожал плечами:

— Кто его знает?

— Ну как, кто знает, ты же был проходчиком! Смотри, вон и щиты для безопасности, есть и крепильщик автоматический, а главное, по крутым пластам будет ходить. Во всем Союзе нет такой машины. Полезная штука, правда?

— Стоящая, — согласился слесарь.

— Ну, а как думаешь, можно кого попало ставить на сборку такого комбайна?

— Да нет, тут нужны добрые руки...

— Значит, и платить надо по-доброму?

— Само собой...

— Вот я так и сделал, и, ты знаешь, нашелся какой-то «друг», анонимку

написал прокурору. Не слышал?

Слесарь опустил взгляд. Ерпылев будто не заметил его смущения, продолжал:

— Не для себя ведь стараемся. Ты же знаешь, что такое хорошая машина в шахте. Это и безопасность, и заработок, и облегчение труда. А он на меня, будто на преступника, прокурору. Писать-то — оно никому не запрещено, но сперва разобраться надо. Так ведь, по-людски должно быть?

Слесарь не поднял взгляда, ему было стыдно: анонимку писал он. Только после того, как она попала к прокурору, он узнал, что на повышенную оплату слесарям экспериментальной группы директор получил согласие комбината...

Это была первая неприятность из-за проходческого комбайна СРПК-1, изобретенного и построенного на шахте «Нагорная».

Собственно, почему вдруг горняки взялись за создание машин, когда их дело — добывать уголь?

Техническая революция не могла обойти стороной угольную промышленность. В Кузбассе, например, многие

шахты буквально преобразились за последние десять лет. Появились очистные комплексы, избавившие горняка от лопаты и обушка, мощные ленточные транспортеры, доставляющие уголь из забоя прямо на-гора, дистанционно управляемые механизмы, телемеханика, электронно-вычислительные машины — все, что делает труд горняка современным.

Но пока далеко не все проблемы механизации шахтерского труда решены. Если добычная техника отвечает современному уровню угледобычи, то подготовительная отстает от нее, по крайней мере, лет на пятнадцать, а то и на двадцать. Для месторождений, где угольные пласты залегают полого или наклонно, созданы проходческие комбайны, для круто залегающих пластов пока нет сколько-нибудь надежных машин. Даже лучшие из них не могут работать на уклонах более 15 градусов.

Да и в смысле безопасности на подготовительных работах дела не так хороши, как в добычных лавах. Гидрофицированная крепь, которую устанавливают в очистном забое, предохраняет рабочего от вывалов угля и породы стальными щитами. У проходчика же над головой оголенная кровля. И как бы ни были совершенны правила техники безопасности, угроза травмы здесь всегда большая.

Короче говоря, нужны хорошие проходческие комбайны, а их нет. Можно возмущаться по этому поводу, винить конструкторов, машиностроителей, но зачем сотрясать воздух, все сразу сделать невозможно...

О создании нового проходческого комбайна Ерпылев мечтал давно. Не только мечтал, но и постоянно думал, толстенный блокнот изрисовал различными набросками, эскизами, но ничего толкового не получалось. Эскизы можно отложить, спрятать в дальний ящик рабочего стола. Мысль не спря-

чешь. От нее не избавишься, тем более, если проблема донашивает ежедневно...

Однажды, дело было в 1969 году, когда Ерпылев работал главным инженером, тяжело травмировался проходчик, молодой работающий парень. Ерпылев возвращался с расследования несчастного случая потрясенным. Перед глазами маячило перекошенное болью лицо проходчика. Ерпылев шел молча. Молчал и идущий несколько поодаль главный механик Гончаров. Еле слышимый вдали вентилятор гнал по штреку прохладный ветер. Холодные капли подземной воды срывались с огнив, попадая на лицо, на спецовку. Узкий, словно шпага, луч шахтерского светильника выхватывал из кромешной темноты корявую почву штрека. По выработке плыли запахи плесени, смолы, битума...

А Ерпылев все думал свою неотвязную думу: как убрать проходчиков из опасной зоны, как добиться того, чтобы они крепили выработку сзади комбайна? И вдруг на глаза попала секция гидрофицированного комплекса. Сотни, тысячи раз он видел эти секции в шахте и на-гора, а тут словно осенило: «Крепы!» Если она держит кровлю в лаве, то почему ей не защитить и проходчика? Он даже остановился от неожиданной простоты мысли.

— Что такое? — догнав, спросил Гончаров.

— Ничего особенного, — ответил он. — Поднимемся наверх, зайдем ко мне на минутку.

В мойке к ним присоединился Черных, заместитель Гончарова по забойному оборудованию. Втроем они вошли в кабинет главного инженера. Ерпылев несколькими точными штрихами начертил секцию комплекса «Тула», протянул через нее перегружатель, пристроил фрезу проходческого комбайна, получился технический гибрид очистного комплекса с проходческим комбайном.

Тут же принялись обсуждать.

— Секция нужна от другой крепи, — сказал Гончаров. — Удобней и надежней.

— А как стол перегружателя будет выглядеть? — спросил Черных.

Разговоры, обсуждения продолжались еще несколько месяцев. Но уже на следующий день Черных с Ерпылевым поехали на соседнюю шахту просить секции крепи КМ-81. Так и сказали: «Комбайн делать будем...» Коллеги приняли их слова за шутку, но секции дали. Дело оставалось за рабочим органом проходческого комбайна, которого на «Нагорной» в запасе не оказалось. Вся надежда была на комбинат. «Под такую идею должны дать», — думал Ерпылев.

С эскизом «скользящего распорного проходческого комбайна», как наспех назвали машину, Ерпылев явился к одному из руководителей комбината.

— Ну, и сколько он весит? — спросил тот.

— Тонн четырнадцать, — приброесил в уме Ерпылев.

— Ничего не выйдет: легкий.

— Так он потому и называется распорный. Упрется домкратами в почву и кровлю и — посчитай, сколько он весит.

— Все равно ничего не выйдет...

В грустном настроении появился Ерпылев в приемной начальника комбината, ни на что особых надежд не питая. Начальника он не знал: человек новый, да и сам комбинат только что образовался. Некоторое время колебался, а потом махнул рукой: не выигнать же!

— Василий Сергеевич, я главный инженер с «Нагорной», — представился Ерпылев и положил на стол эскиз. — Вот такую машину делаем.

Евсеев склонился над рисунком, долго и внимательно рассматривал его.

— А что, должна работать!

— Не можем рабочий орган найти...

— Что-нибудь придумаем.

Евсеев снял телефонную трубку. Позвонил в отдел, но там ответили, что у комбината такого узла нет.

— Что же делать? — задумался он.

— Есть у нас комбайн 4-ПУ, — робко обронил Ерпылев.

— А что же мы тогда ищем?

— Разукomплектовывать-то нельзя.

— Да, задачка... А сколько он проработал?

— Года полтора.

— Разбирайте, — махнул рукой начальник комбината.

2 Радость удачи, горечь непонимания, бюрократические лабиринты, тщету утомительных переписок — все, что выпадает на долю рядового изобретателя, Ерпылев прошел стойко и мужественно. К тому времени, когда он с Гончаровым и Черных изобрел свой комбайн, особых изменений в мире разрешающих организаций не произошло: новое по-прежнему пробивало себе дорогу с боем. Поэтому, несмотря на то, что СРПК-1 был собран из узлов применяемого в шахтах оборудования, в забой его не допускали долго, ссылаясь на технику безопасности.

Лишь спустя несколько месяцев нашелся смелый человек, разрешивший подобную проходку — 40 метров. Правда, бригада Ивана Александровича Зеленова, которой доверили обслуживать комбайн, немножко увлеклась: за четыре часа отмахала 80 метров. Получился отличный результат: скорость раз в пять больше, чем у серийных комбайнов. И — никакой беды, если не считать выговора техническому инспектору, разрешившему испытания. Но бывают взыскания, которыми можно гордиться.

Еще немало воды утекло, пока межведомственная комиссия признала СРПК-1 экспериментальным образцом и дала «добро» на эксплуатацию. Потом московский ЦНИПодземмаш

взялся изготовить чертежи и выпустить серию таких машин для промышленных испытаний...

В прошлом году две машины из этой серии поступили на «Нагорную». Теперь они получили официальное название «Кузбасс». Производительность труда на них в пять-шесть раз больше, чем в среднем по объединению Юж-кузбассуголь. Но главное достоинство «Кузбасса» в том, что он позволил вывести проходчиков из опасной зоны и может работать на пластах с углом залегания до 55 градусов!

Тот факт, что машина создана не в институте, не в конструкторском бюро, а прямо на шахте, вряд ли кого удивит. В эпоху технической революции такое случается нередко. Горняки помнят знаменитого Якова Гуменника, работавшего на шахтах Новокузнецка, создавшего прекрасный для своего времени проходческий комбайн. Более свежий пример — гидрошахта «Юбилейная», где благодаря механизации комбайна К-56МГ бригада Геннадия Смирнова стала добывать до 1—1,5 миллиона тонн угля в год.

Но бесспорно, что такое случается только в творческих коллективах. А если плановое задание напряженное, то без творческого поиска его не выполнить. Шахтерский труд полон неожиданностей. Никто не может предсказать, где и когда усилится горное давление, произойдет выброс газа, угля... Словом, аварийные ситуации здесь случаются часто, и тогда приходится напрягать всю энергию, все силы.

В июле 1970 года горное давление вдруг раздавило очистной комплекс бригады Героя Социалистического Труда Егора Ивановича Дроздецкого. Из строя вышел забой производительностью 1300 тонн угля в сутки — почти третья часть всей добычи шахты. Исправить положение было невозможно. Накопленный сверхплановый «жирок» стал таять на глазах. Заткнуть брешь

можно только вводом новой лавы. И стояла подготовленная лава, да вот беда, не было ни одного резервного комплекса.

Комбинат, обком партии добились в министерстве выделения внефондового комплекса, но получить его можно было только через месяц. Месяц ждать, да месяц уйдет на монтаж оборудования. Где уж тут выполнить план! Нужно ли объяснять, что за этим следует?

Ерпылев созвал совещание. В его просторном кабинете собрались бригадиры, начальники участков, инженеры. Директор объявил аврал. Конечно, он не имел ничего общего с тем авралом, когда людям приходится работать по 10—12 часов в день да еще без выходных. И все-таки это был аврал!

Задача ставилась сверхсложная: крепь КМ-81, которую никому не удавалось смонтировать меньше чем за двадцать дней, надо было установить в лаве в течение одной декады. Только в таком случае возможно было спасение годового плана. Все, кто присутствовал на совещании, понимали: нужны какие-то новые решения.

— Думайте, — требовал Ерпылев, — день и ночь думайте!

Особенность секций КМ-81 заключалась в том, что их возили в забой в разборном виде, в шахте собирали и только потом устанавливали. Неудобно и долго. Надо было найти способ возить секции в сборе — корень проблемы все видели в этом.

Но легко сказать «думайте». Как будто на других шахтах об этом не думали. Директор собирал людей через день и требовал предложений. Идеи вырастали и рушились одна за другой, все начиналось сызнова до тех пор, пока не нашли решение. Черных предложил специальную тележку для перевозки секций, Ерпылев — бесконсольный кран... К тому дню, когда на шахту прибыли первые вагоны с оборудованием, монтажное устройство было

готово. 400 тонн оборудования перевезли и установили в лаве в рекордно короткий срок — за десять дней.

Но разве дело в рекорде? Проблема перемонтажа и по сей день одна из наиболее сложных и актуальных в отрасли. Глаз радуется, когда видишь, как рубит уголек очистной комбайн под гидрофицированной крепью: рекой течет угольное крошево по лаве, по штреку поскрипывает транспортер, тонко названивают шнеки — металлические жернова, перемалывающие пласт. Это больше похоже на фабрику по добыче угля, чем на шахту.

А вот когда закончат лаву, всю эту громаду металла придется перевезти на новый участок. В узких штреках не особенно развернешься с громоздкими секциями, масляными станциями, комбайнами. Даже на тех шахтах, которые славилась хорошей организацией труда, на эту работу уходило от двух до четырех месяцев.

А тут вот. нате готовое устройство и перебрасывайте любую крепь за 8—10 дней! Для всей угольной промышленности это была такая находка, которую переоценить трудно. Ухватиться бы за нее да как можно скорей запустить в серийное производство... Но не тут-то было. Авторитетная комиссия поручила изготовить чертежи прокопьевскому КузНИУИ. Но в институте не обрадовались поручению. Зачем институту возиться с чужими изобретениями, если такое устройство можно сделать самим? Но свое пока не получается, а «чужое» тоже не делается... Приезжают на «Нагорную» соседи, перерисовывают эскизы и, всяк по-своему, строят монтажные устройства...

3 Творческий поиск коллектива «Нагорной», поддержанный Кемеровским обкомом КПСС, дал отличные результаты. Если построить гра-

фики роста добычи угля и производительности труда за последние десять лет, то это будут прямые, круто устремленные вверх. В самом деле, если в 1967 году было добыто 1064500 тонн угля, то в прошлом — 1650000. Производительность труда достигала 52 тонн угля на одного рабочего в месяц, сейчас — 118 тонн. Что касается прибыли, то только за прошлую пятилетку она выросла более чем в два с половиной раза и в минувшем году превысила 16 миллионов рублей. Хорошие цифры? Есть повод радоваться? А Ерыпылев огорчен:

— Мы могли бы больше приносить пользы. Как обидно терять время на всякую чепуху. Ведь она коротка — наша жизнь: до тридцати становление, а в пятьдесят нашему брату-шахтеру на пенсию пора. Золотые годы тратим на пробивание, проталкивание, выколачивание.

Вот пример. Не успели заводы обеспечить современные шахты лебедками соответствующей мощности, поэтому приходится в двухкилометровом штреке ставить четыре лебедки и так доставлять в забой материалы. Неудобно, верно? А мы сделали у себя отличную лебедку: взяли у шахтостроителей их мощную, но тихоходную, заменили редуктор, двигатель, поставили надежный трос — работай на здоровье. Раньше четыре человека стояли в штреках, теперь один остался. А иначе как повысить производительность труда? Она же из таких деталей и складывается. Ну вот, приходим мы в институт со своей лебедкой. Нравится она им, а разрешения на эксплуатацию не дают, боятся ответственности.

Он достал пачку сигарет, положил на стол, закурил. Тонкое кольцо сизого дыма медленно поплыло к потолку.

— А как у нас было с пассажирской лентой? — возобновил разговор Виктор Михайлович. — Хорошо людей по

штреку возить, верно? Нужное дело? Смонтировали мы пассажирский транспортер, а пустить не могли. Кто-то когда-то в инструкции записал, что расстояние между верхней и нижней лентами должно быть не меньше метра, а у нас получается только 90 сантиметров. Убедились, проверили — никакой опасности. Никто, кроме заместителя министра, не мог решить такого пустячного вопроса. Так что жё, мне теперь с лебедкой к министру ехать?

Он не жаловался. Просто размышлял вслух и что-то рисовал на сером листе бумаги:

— Мало мы доверяем людям. План давать я имею право, а вот пустить эту треклятую ленту — не могли, лебедку испытать — не могли. Братцы! Я же инженер, я головой отвечаю за каждого человека, я здесь работаю и мне видней, как лучше выйти из трудного положения, так почему я должен согласовывать каждый пустяк с людьми, которые в забое-то раз в году бывают, а наших условий вообще не знают...

Приезжаешь в институт. Там свои планы, свои заботы. Моя пятилетка их совсем не касается, вот и не бросаются они нам на помощь. Нужно сделать так, чтобы организации, которые курируют нас, как-то делили с нами ответственность за план.

...Рационализация, творческий поиск стали на «Нагорной» явлением массовым. Однажды Ерпылев сказал:

— По двадцать баллонов кислорода в день сжигаем.

— Так много металла на шахте? — спросил я.

— Так много людей, которые хотят что-то переделать, улучшить.

И в этом его большая заслуга. Он не только заражает окружающих личным примером, но и создает условия для технического творчества. На шахте рационализатор — человек уважаемый. Его портрет рядом с портретом передовика производства. Тут же лице-

вой счет. Николай Григорьевич Черных за пятилетку дал 219 тысяч рублей экономии, Герой Социалистического Труда Александр Федорович Никитин — 137 тысяч. Вот такая арифметика.

Рационализатор не обязан сам изобретать то, что предложил. Для этого есть экспериментальная группа, которую возглавляет коммунист Леонтий Григорьевич Мельниченко.

4 Ерпылев окончил Коркинский горный техникум, оттуда получил направление в Ленинск-Кузнецкий.

— Мне повезло с распределением, — вспоминает Виктор Михайлович. — Начальником Грамотейнского разреза, куда я понал, был нынешний директор шахты «Зырянская» Герой Социалистического Труда Владлен Данилович Ялевский. Он многому меня научил. Но самая главная его наука — не бояться технических трудностей. Я усвоил истину: где есть настоящие инженеры, безвыходных ситуаций не бывает.

Потом Ерпылев окончил высшие инженерные курсы в Томске и опять попал под начало к Ялевскому, в то время тот был директором шахты «Полюсаевская». Здесь проходило становление молодого инженера.

Когда в 1967 году он получил назначение главным инженером «Абашевской-3-4», как тогда называлась «Нагорная», за плечами была не только отличная профессиональная школа, но и богатая житейская.

В жизни каждый человек открывает для себя истины, несмотря на то, что они отлиты в поговорки, афоризмы. «Честь по труду», «Не хлебом единым жив человек», «Что посеешь, то и пожнешь»... Сколько еще?.. Иногда эти истины кажутся такими простыми, что и задумываться над ними не стоит. И вдруг однажды жизнь повернет одну

из них такой стороной, что дух от удивления захватит.

Уж казалось, что сложного во взаимоотношениях начальника участка с рабочими? Будь вежлив, не оскорбляй людей дурацкими заданиями, умеи прощать слабости и вместе с тем будь требователен, обеспечить всем для работы, чтобы не было простоев, научись слушать подчиненных...

Но однажды на «Полысаевской» произошел случай, опрокинувший все его представления о рабочем человеке, о его действительных запросах, о духовном богатстве.

Районный инженер Ерпылев возвращался на-гора мимо участка, который недавно возглавлял. Видит, сидят в штрэке рабочие, разговаривают.

— Даем уходы? — подстрекнул он.

— Ждем третью смену, — ответил кто-то из темноты, — пойдем всей бригадой лес качать.

— Знаю я вас, — в том же духе продолжал Ерпылев, — вам что ждать, что догонять, лишь бы не работать.

— Это ты зря, — попытался возразить все тот же голос.

— Чего зря-то, птичьего молока у вас в забое не хватало, а уходов — чуть до плана дотягивали! Или я не помню...

Старый горняк, бригадир Павел Евстафьевич Клишкин принял шутку всерьез, подошел вплотную к инженеру и сказал:

— А ты ведь сам виноват, что уходов-то не было.

— Еще чего скажешь! — возмутился Ерпылев. — Я же у вас все препятствия с пути убрал, только работай — не ленись...

— Сколько тебе лет, Михалыч? — спросил Клишкин.

— Двадцать семь.

— А я в шахте тридцать. Так вот, послушай, что я тебе скажу. О нас, рабочих, нельзя заботиться сверх меры.

Тут, понимаешь, должно быть чика в чику. Иначе получится та самая каша, которую масло портит.

Ерпылев настороженно смотрел на ветерана: уж не разыгрывает ли?..

Нет, его слова звучали вполне серьезно:

— Вот у тебя не ладится дело, ты, говоришь, ночи не спишь? А я, по-твоему, должен всегда спать спокойно? Значит, ты личность, а я?.. Нет, Михалыч, пусть меня тоже забота гложет! Тебя — твоя, меня — моя. А если ты за меня все обдумал, все достал, так что мне и мозгой пошевелить негде, ты ж у меня всякий интерес к работе отнял.

От этих слов глаза у Михалыча округлились: вот ведь он какой, рабочий-то человек! Сколько раз потом вспоминал он этот случай. Как только начнет кого-нибудь всерьез уверять, будто работяге допреж всего деньгу подавай, до остального дела мало, перед глазами встает Клишкин. Будто он, Павел Евстафьевич, говорит: «Да, деньги — это не так мало, в конце концов, они — мера нашего труда, наших способностей, но чего они стоят без морального «припёка»?

Так устроен человек. Вот идет по штрэку он, а там транспортер гудит, тот самый транспортер, который он своими руками переделал. Он слышит его здоровый рабочий звук, видит стремительный бег широкой ленты, по которой, покачиваясь, плывет уголь. И душа у человека радуется. Вот ведь что ему нужно, вот ведь чего ему не хватает — рабочему человеку... А вы говорите, деньги.

5 Мне казалось, что директорская должность должна тяготить его. Ведь он — инженер, как говорится, божьей милостью. Тем и жив на свете. А тут такой воз хозяйственных забот, совещания, заседания в многочисленных общественных организациях, воспитательная работа. Но очень скоро

мне пришлось убедиться в том, что Ерпылев не меньше чем инженер — хозяйственник, общественник, педагог и даже психолог.

Алексей Ильич Гончаров, один из соавторов его по изобретениям, расказывал:

— Иду как-то мимо административно-бытового комбината. Группа рабочих собирается в колхоз. Слышу, разговаривают между собой: «Назначили бы нашего директора председателем колхоза, он бы на второй год от горожан отказался и план был бы».

Я поинтересовался, на чем держится такой авторитет?

— А вы бывали у него на приеме? — ответил вопросом на вопрос Гончаров.

Он задумался на минутку и снова заговорил, будто для самого себя:

— Горяч он иногда не в меру. Но людей любит. Люди это тонко чувствуют и потому прощают ему горячность. Людей не проведешь, они видят, когда их здоровьем действительно интересуются, а когда лишь для «вежливости» спрашивают, когда действительно хотят тебе помочь, а когда только вид делают... Тут ведь все связано. Иного руководителя боятся и работают, иного — уважают и тоже работают. Разницу эту из виду упускать нельзя...

На первом же собрании, когда он стал директором шахты, горняки (уже в который раз!) подняли вопрос о дороге. Шахта стоит на вершине крутой горы, на которую автобус подняться не может. Вот и останавливался он у подножья, и шахтеры пешком почти полкилометра поднимались наверх. Маркшейдеры подсчитали, что бригадир проходчиков Георгий Иванович Берг, семнадцать лет отработавший на шахте, прошагал по этой дороге путь от Новокузнецка до Варшавы и на обратном маршруте до Москвы добрался.

— Будет дорога, — сказал Ерпылев.

— Да ты, Михалыч, не первый обещаешь, — выкрикнул кто-то из зала.

— Клясться не умею, а дорога будет.

Он понимал, что взялся за нелегкое дело, что придется с огромным трудом выколачивать и технику, и рабочих, что действительно за эту дорогу принимались не один раз, но осилить не смогли. Тем не менее, слово дал и отступать было некуда.

Ох, и хватил же он с ней лиха. Хорошо, райком партии помог. А помощь нужна была всесторонняя: ничего, даже проекта, не было. Ерпылев вместе с первым секретарем всю гору исходили, выбирали место для дороги. Все добыли: и деньги, и дорожные машины, асфальт. Праздник был у горняков, когда открывали движение по этой дороге. Секретарь райкома ленту красную перерезал, оркестр туш играл. С тех пор слову директора стали верить.

Дорога — один из многих эпизодов. Ерпылев построил для людей дом рыбака, куда шахтком и администрация выдают путевки передовикам производства. Еще бы, четырехэтажный коттедж на берегу искусственного озера, где водятся килограммовые караси — мечта рыболовов. Столовая, бильярд, телевизор, шахматы...

6 Накануне нашего разговора с Гончаровым я видел, как ведет прием директор «Нагорной». Он сидел за своим рабочим столом и все приговаривал секретарю:

— Вера, не задерживай людей!

Вот пришли отец и сын.

— Виктор Михалыч, как бы сынка на шахту определить?

— Так он же у тебя, помнится, автомобилист. Ты кем на автобазе работаешь?

— Слесарем, — ответил парень.

— Нехорошо получается. Кончил ГПТУ, специальность неплохая, а работать не хочешь. — И, обращаясь к отцу: — Сам ты шахтер и старший сын тоже шахтер. Что же вы вдвоем не

могли убедить парня, иди, мол, по нашим стопам. Зачем было брать у государства деньги на учебу? Вот если бы из своего кармана платил, задумался бы, прежде чем выбрать училище, верно?

Отец молчал. Ерпылев решал, как поступить. Потом сказал:

— Пусть идет на автобазу и повышает свою квалификацию. Хорошая у него специальность.

Следующей вошла женщина:

— Посылают учиться, а мне ребенка куда определить.

— Вера, — нажал на кнопку Ерпылев, — запиши фамилию, надо устроить ребенка в детский сад. — И, обращаясь к посетительнице: — Только обязательно иди учиться.

Учеба. Для него это слово имеет особое звучание. Каждую планерку директор начинает с вопроса, как учатся молодые рабочие. И все начальники участков должны быть в курсе дел своих «школьников»...

Перед Ерпылевым стоял худощавый молодой человек, черноглазый и черноволосый, молча смотрел на директора и ждал его слова.

А тот поднял взгляд, широко улыбнулся, как улыбаются при встрече со старым другом:

— Ну, здравствуй, Володя!.. Вернулся все-таки! Я же знал — вернешься.

Когда этот парень увольнялся, Ерпылеву так не хотелось его отпускать! Способный, работать может, шахте нужен, но вот заладил: «Поеду в Алма-Ату», — и хоть кол на голове теши. Что только ни делал Виктор Михайлович — и с женой беседовал, и с родственниками, и с ним самим, ничто не помогло.

И вот он снова на «Нагорной».

— Вернулся, Виктор Михайлович, — твердо говорит он.

— Все получилось, как я тогда говорил?

— Да.

— Что же там у тебя произошло? Расскажи, покайся. Это ведь тоже нужно. Нужно, понимаешь? Ошибки надо признавать. Нельзя же отрубать и отбрасывать целые куски жизни, будто их совсем не было...

Он не ждал и не желал такого «раздeldывания на людях», достаточно было самих этих слов: пусть подумает.

— А ведь я следил за тобой все это время. Прошлый год ты, кажется, хотел на «Зырянговскую» поступать. Было дело?

— Было.

— Ну, да ладно, что теперь вспоминать? Хорошо, что пришел, значит, все правильно понял...

— Возьмите в забой, — попросил Володя.

— Нет, тебя нельзя в забой пускать. Вернее, пускать-то можно, но я жду от тебя большего. Сколько ты у нас не работал? Года два?

— Три.

— Как время летит! А ведь ты бы сейчас был начальником участка? А?

— Наверно, был бы.

Ерпылев разглядывал парня.

— Ладно, — сказал он, — иди пока в забой, когда понадобишься, я тебя позову. Договорились?

У каждого из нас свое, иногда сугубо личное отношение к делу, свои критерии. Каким же, с точки зрения Ерпылева, должен быть современный директор?

— Прежде всего самостоятельность, — ответил он. — Если ты дал слово, то не сдержатъ его не имеешь права. Какой ты руководитель, если у тебя слова нет? Но самостоятельность не только в этом. Абсолютно во всем. Выбрось тебя на необитаемый остров, чтобы ты и там выжил. Выжил, понимаете, добыл себе еду, воду, сделал крышу. Короче говоря, руководитель должен быть сильным и хорошо приспособленным к жизни человеком.

Кроме того, он должен отлично разбираться в технике. Век такой. Мы и шагу без нее не можем ступить. И еще, если говорить о руководителях, — не имеем мы права ошибаться. Дорого обходятся наши ошибки государству.

— Что же, — спрашиваю, — у вас не бывает ошибок?

— Бывают, конечно бывают, а не должно быть! Стараюсь. Ведь как оно получается? Ошибся рабочий — лава день простояла, дал маху начальник участка — месяц может угля не быть, а директор... тот всю шахту на год может посадить, весь коллектив...

7 Комната не больше двадцати квадратных метров. Диван, журнальный столик, пианино, телевизор. Ничего лишнего, только стены почти сплошь увешаны картинами. Написаны они маслом, но сразу видно, что кисть водила рука любителя. Я присмотрелся, в правом нижнем углу каждой картины подпись: В. Ерпылев.

Потом на столик легли этюды, много этюдов. Тема — тайга, реки, лесные и степные дороги. Я увидел его наблюдения, его любовь, его фантазию. И тем они интересны — эти этюды непрофессионального художника. Вот бурый перекат убегает в даль, затянутую грозowymi тучами. Томительное мгновение: вот-вот сорвется ослепительная молния и начнет безжалостно хлестать и это черное небо, и пенистую, всклокоченную воду, и зеленые берега. А вот плачущая береза печально смотрит с крутого обрыва в холодную гладь ленивого плеса... Я смотрю на нее и невольно вспоминается есенинское: «Зеленокосая, в юбчонке белой...» Почему вспомнилось? Потому что и перо большого поэта, и кисть художника-любителя движет одна сила, великая сила — любовь...

г. Новокузнецк

До того дня, пока я не побывал в его квартире, он казался мне таким технарем-однолюбом, для которого его работа — это и музыка, и поэзия, и живопись. Я встречал таких людей. Они преданы своему делу, могут говорить о нем всегда и везде: и с любимой женщиной, и за праздничным столом, и в театре, и на стадионе. Их называют технарями.

У Ерпылева круг интересов широк. Он большой любитель природы, заядлый рыбак. В тот вечер, когда мы сидели за его журнальным столиком, он все искал выход из сложившейся ситуации. Послезавтра в Москву лететь по поводу диссертации, а тут у окуня жор. Как совладать с таким соблазном!

— Хоть на полдня, но съезжу на курью, — сказал он.

Но рыбалка лишь отвлекает от постоянного напряжения, она — замечательный отдых. А главное — все равно шахта. Отсюда берут начало все интересы, здесь родилась и его кандидатская диссертация, которую скоро предстоит защищать. Называется она так: «Исследование и выбор рациональных технологических схем и средств перемонтажа механизированных комплексов в условиях южного Кузбасса». В ней не только теоретические поиски, но прежде всего опыт целого коллектива, переоценить который трудно.

8 За окном в тихом безветрии кружил пухлый октябрьский снег. Он накапливался в сугробы на просторных улицах Абашева, над которыми сгушались упругие сумерки. Мы вышли из дому, и над нами весело заплясали снежинки. Свет фонаря обнажал это безмолвное действо природы. В нескольких километрах от нас на копре ярко светились электрические лампы. Шахта работала...

М. БЕРКОВИЧ

ЛЕТОПИСЬ СОЗИДАНИЯ

В Кремлевском кабинете-музее Владимира Ильича Ленина в числе немногих экспонатов хранится миниатюрный обелиск, отлитый из чугуна, выплавленного в старенькой домне Гурьевского завода в марте 1922 года.

В этом слитке первого кузнецкого металла Владимир Ильич видел почин созидания, неукротимое стремление рабочего класса воплотить в жизнь заветную его мечту сделать Россию мощной индустриальной социалистической державой.

В своей работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин указывает на необходимость разработки гигантских запасов железной руды на Урале и каменного угля в Западной Сибири. В конце марта 1918 года в соответствии с указаниями Владимира Ильича Высший Совет Народного Хозяйства объявил конкурс на проект создания «единой хозяйственной организации, охватывающей область горно-металлургической промышленности Урала и Куз-

нецкого каменноугольного бассейна».

Общество сибирских инженеров во главе с профессором Томского технологического института Гутковским приступает к разработке Урало-Кузнецкого проекта.

Из Петрограда выезжает в Кузбасс группа геологов для исследования недр бассейна.

В начале июня 1918 года Совнарком предписывает советским организациям Урала отправить в Кузбасс машин, железа и других материалов на сумму десять миллионов рублей.

Мирный созидательный труд, как известно, в это время был прерван иностранной интервенцией и гражданской войной. Урал и Сибирь стали ареной боев Красной Армии с белочехами и колчаковцами. Девятнадцать месяцев бешует на Кузнецкой земле ураган контрреволюции, наносит неисчислимые разрушения. В эти дни Владимир Ильич, занятый титанической работой, не ослаб-

ляет внимания к Кузбассу. И как только героические полки Пятой армии вышли на правобережье Оби, Владимир Ильич телеграфирует Реввоенсовету: «Поздравляю со взятием Новониколаевска, позаботьтесь всячески о взятии в целостности Кузнецкого района и угля».

Восстановление транспорта и предприятий Урала было связано с подъемом угледобычи в Кузнецком бассейне. Между тем, старые шахты Анжеро-Судженска, Кольчугина, Кеморова не могли удовлетворить растущего спроса на топливо. Нужно было открывать новые рудники.

Строительство железнодорожного пути Кольчугино—Проктопьевск началось в период острой борьбы с голодом, эпидемиями и суровой сибирской природой. Трасса дороги проходила по всхолмленной и заболоченной котловине с редкими населенными пунктами. Лето выдалось сырое, частые ливневые дожди размывали полотно, болота становились непроходимыми. Но главное—не хватало квалифицированных строителей-транспортников, жилья, продовольствия, оборудования и материалов.

По предложению Владимира Ильича Ленина, Совет Труда и Обороны послал на Кольчугинскую новостройку пяти тысячный отряд трудармейцев, выделил фонды продовольствия. Для премирования ударников строителей было отпущено 300 тысяч аршин мануфактуры и пять тысяч пудов керосина. К участию в строительстве дороги были привлечены все

крестьяне окрестных деревень, жители Кольчугина и Гурьевска.

20 мая 1921 год. По предложению Владимира Ильича Ленина, Совет Труда и Обороны объявил строительство Кольчугинской ветки, Прокопьевского рудника, Кемеровского и Гурьевского заводов — ударным.

Через пять месяцев прокладка железнодорожного пути на Прокопьевский рудник была завершена. «Трудармейцы и рабочие, — говорилось в письме В. И. Ленину, — положившие свои скромные труды на работах Кольчугинской новостройки, в день окончания работ шлют горячий привет дорогому Ильичу, своему великому вождю и учителю, и клянутся положить все силы для полного царства коммунизма».

С большим воодушевлением трудились в эти дни металлурги Гурьевского завода. Своими силами они проложили железнодорожное полотно в предгорьях Салаира от Белова. Восстановили разрушенную домну и впервые в мировой практике выплавили чугун на каменном угле, затем восстановили мартен, прокатный стан и стали выпускать сортовой металл для Сибири.

Стремясь прорвать экономическую блокаду и получить из развитых стран техническую помощь для восстановления народного хозяйства, Советское правительство заключило с группой иностранных рабочих Себастьяна Рутгерса договор о создании Автоном-

ной Индустриальной Колонии. «АИК — Кузбасс» было самостоятельным государственным предприятием с прямым подчинением Совету Труда и Обороны.

Воодушевленные сознанием своего международного долга, колонисты внесли живое творческое начало в развитие Кемеровского рудника и пуска коксохимического завода — первенца Сибирской индустрии.

Пуск Кемеровского коксохима — 2 марта 1924 года — памятная веха на пути создания Урало-Кузнецкого комбината.

13 июня 1924 года на Нижне-Салдинском заводе был выплавлен первый чугун на кемеровском коксе, и тем было положено практическое начало перевода уральской металлургии с древесного угля на минеральное топливо, что открыло путь к повышению производства металла.

В послевоенные годы развитие металлургии в Кузбассе идет в основном за счет реконструкции Кузнецкого комбината и ввода в эксплуатацию Западно-Сибирского завода и создания местной сырьевой базы.

Большой творческий вклад внесли новаторы в решение технических проблем на пути повышения темпа производства чугуна, стали, проката. В четвертой пятилетке на комбинате внедрен скоростной метод капитального ремонта домны, создано производство огнеупорного кирпича для кладки мартеновских печей, усовершенствовано оборудование обжимного стана,

выполнен большой объем работ по автоматике и механизации трудоемких процессов.

1960 год.

На Кузнецком комбинате построены пятая домна и коксовая батарея.

1964 год.

Первая домна Запсиба дала чугун. К этому времени на площадке завода были введены в эксплуатацию большегрузная коксовая батарея и теплоэлектроцентраль.

1965 год.

Получен первый прокат.

1968 год.

Сдан в эксплуатацию кислородно-конверторный цех, получена первая сталь. Введена в строй четвертая коксовая батарея с установкой сухого тушения кокса.

1969 год.

Пущен обжимной стан «1300».

1975 год.

Прокатаны первые заготовки на среднесортном стане «450». Введена в эксплуатацию седьмая коксовая батарея производительностью больше миллиона тонн кокса в год с установкой сухого тушения кокса. В конверторном цехе пущена автоматизированная система управления технологическим процессом.

В завершающем году девятой пятилетки Кузнецкие металлурги дали стране чугуна и проката больше, чем все металлургические предприятия Российской Федерации в 1945 году.

Анатолий Кругляков

ТА ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ

ПОВЕСТЬ

Я И МОИ ДРУЗЬЯ

Нас было четверо друзей. Я, Мишка Мартынов, или просто Мартын, Алька Баженов, наш «мозговой центр», Генка Губоров и Витька Медведев. Мы познакомились и подружились, когда учились в ремесленном училище. Мы были разные — и по характеру, и по росту. Мы часто спорили, но никогда не дрались. Мы были горластыми: когда шли по улице и спорили, то все прохожие шарахались в сторону. Витька у нас был могучим парнем. Рост — 185 сантиметров, вес — 85 килограммов. Если Витька сжимал кулак, то кулак его походил на автомобильную фару.

Мы играли в одной футбольной команде. Алька был вратарем, Генка и я — нападающими. В центре играл Витька, которого все дразнили «ломо-виком». Он у нас в основном нагонял страх на защитников и вратарей. Как огородное пугало. Но к пугалу привыкают птицы, так и к Витьке скоро привыкли футболисты. У защитников даже считалось в порядке вещей провести мяч между его ног.

Но коль уж зашел разговор о Витькиных ногах, то надо сказать, что они у него были огромные. Бутсы ему шли по заказу, а мяч, как известно,

круглый и для Витькиных бутс — прямо скажем — маленький. Вот Витька и мазал. Зато по ногам футболистов бил без промаха. Как-то за два тайма всех нападающих уложил. В конце встречи и самого судью с поля выгнал за грязную игру. И напрасно. Витька-то чище все равно играть не умел.

И еще один эпизод про Витьку расскажу. Пошли мы как-то на тренировку. Поле у нас — одно мучение: все в кочках, у самой реки. Бывало, как Витька лупанет по мячу, так мяч выше ворот — и в реку. Кому-то доставать надо (почему-то чаще других приходилось лезть в воду мне). В общем, одна морока, а не тренировка. Решили мы по очереди за воротами стоять и мячи ловить. Подошла и моя очередь. Витька был злой на меня за то, что я подал идею его из нападающих в защитники переквалифицировать. Кричит мне:

— Ну, Мартын-горилла, сейчас у меня покупаешься...

У нас такой порядок был: пропустил «заворотный бэк» мяч в воду, сам и достает. Я Витьке-ломовику и отвечаю:

— Костолом ты... Мяч лупишь на запад, а он летит на восток...

Набычился Витька, руки в лок-

тяж согнул и пошел на мяч. Ну, думаю, врежет по шарiku и кого ловить — вратаря или мяч — в первую очередь? Промазал Витька. Мяч спойненько в аут укатился. Алька-вратарь кочку поймал.

— Мазила... ха-ха... — схватился за живот Генка.

— Сюда мяч, на выход пасуй! — орет Витька. — Сейчас попаду.

Ему пасуют, а он все по кочкам, все по кочкам бьет. За тренировку поле от кочек очистил. А мы еще хотели воскресник устраивать. Все-таки польза от Витьки была. И немалая.

После той тренировки пришли мы к Альке домой. Закрылись в его комнате, сидим за столом и изображаем взрослых: пьем из хрустальных рюмок коньяк и курим «Казбек». Все это нам принес Алька из отцовского кабинета. Генка, слегка захмелев, стал названивать по телефону девочкам; раскраснелся, на лбу капельки пота.

— Маша, а Маша... ха-ха... Как меня слышишь? Проверочка!.. — кричит Генка. — Мы тут коньяк хлещем, Козина слушаем, блеск... Приходи, а? Не можешь, ну надо же, ха-ха...

Генка набирает другой номер.

— Валюха, чем занимаешься? Мы тут... ха-ха...

Я и Витька рассматриваем Алькины альбомы. Любит Алька фотографироваться. Вокруг него всегда вертятся ребята с фотоаппаратами. Витька переворачивает листы. Я смотрю на снимки, и некоторые мне нравятся. Вот Алька в отчаянном прыжке берет мяч. Вот вбрасывает мяч в поле. Вот он в музее. Вот верхом на старинной пушке, которая стоит у входа в музей. На лице улыбка. Масса фотографий, масса улыбок.

— Это все для тех, которые останутся после нас, — важно говорит Алька. — Думаете, им не интересно будет знать, как мы жили, как работали? Еще как интересно. Все эти альбомы,

а их у меня будет, надо думать, еще много, я подарю какому-нибудь музею. Че смеешься, Витька? Эх, понимал бы чего...

— Полина, а Полина, рванем сегодня во Дворец на танцы, — вопит в трубку Генка. — Чего сейчас делаем? Поддаем, ха-ха...

— Вот эту фотографию любой музей возьмет, — сказал Алька и достал из ящика стола альбом, раскрыл. — Дом, в котором жил Достоевский, когда приезжал в Кузнецк к Исаевой. Этот дом я успел сфотографировать. Мне папа сказал, что дом ночью раскатают бульдозерами. Понимаете, дом мешал строителям, а сносить его не разрешали. Ну и раскатали его, якобы по ошибке — и концы. Газета потом выступала, а что толку? Снесли по ошибке, и концы... Докопайся, кто виноват — не докопаешься. Я днем съездил и снял. Из редакции ко мне приходили, негатив просили...

— Ну и была статейка, читал и фотку твою видел. Так, халупа, ха-ха... — подключился Генка. — Давайте о чем-нибудь веселеньком поговорим. Альк, а где у тебя Лещенко?.. Может, скинемся?..

— Завтра игра, — не поднимая головы от альбома, сказал Витька.

— Тебе-то какая разница? Все равно по ногам лупишь. И по кочкам, — сказал я не для того, чтобы поддержать Витькино предложение, а чтобы лишний раз напомнить Витьке, что мы играем в футбол, а не в регби.

— Хорошо, ребята, я согласен, — сказал Алька. — Только нужен хороший повод, чтобы завтра физруку не стыдно было в глаза смотреть.

— А ты думаешь, что физрук по глазам узнает, что мы выпили? — спросил Генка у Альки и сам же ответил: — Ничего не увидит, ничего не узнает. И сыграем хорошо. И проиграем, так большой беды не будет. Не корову проигрываем! А повод

есть! Давайте выпьем за то, чтобы я стал известным футболистом, ездил бы за границу. Из Витьки футболиста не получится, а вот вальцовщик — иду на спор — выйдет. А ты, Алька, сталеваром бы... Звезду Героя Труда через пятилетку. Как, разве плохо?.. Ну а Мишка...

Вышла заминка. Друзья посмотрели на меня. Сказать, чтобы я стал знаменитым слесарем, не звучит. И специальность выбрал! Футболистом? Хватит одного Генки. Да и куда мне с моей внешностью! Нос приплюснутый, руки длинные, ноги короткие. Героя Труда мне с такой внешностью не присвоят. Конечно, не во внешности дело. Присвоят, конечно, если заработаю. Напечатают тогда мой портрет в газете. Люди посмотрят и скажут: «Это чей портрет напечатан?»

— Замнем для ясности, — сказал Алька, подражая известному киноартисту. — Посмотрим, что из него дальше будет получаться. Давайте поручим

ему одно дельце. Есть у меня мыслишка. Хотел сам взяться, но времени не хватает. В общем, пусть Мишка будет нашим личным тренером. Будет носить мячи и бутсы. Пусть выставляет оценки за игру, пусть ведет журнал посещаемости. А мне, ребята, поручите проверять его. Прошла неделя — журнал не заполнен — пять банок двумя резиновыми калошами по голой заднице. Я судья. Витька и Генка исполнители. Идет? Прошу поднять руки. Единогласно!

Алька обтяпал это дело так быстро, что я не успел среагировать, проголосовал против самого себя.

— А если он будет нам выставлять одни двойки и тройки, — заговорил после голосования Генка, — напишет, что Витька костолом, мазила...

— Пусть пишет все, что найдет нужным, — пояснил Алька и выставил на стол бутылку кофейного ликера. — Это из папиных запасов. Не хватит... Не бойся, Витек, пусть Мишка пишет.

ЛЕТОПИСЬ СОЗИДАНИЯ

«Во время войны с особой силой сказалась роль Кузбасса и Урала в обороноспособности Советского Союза. На уголе и металле жила почти вся военная промышленность. Кузбасс помогал освобождению Донбасса. Кузбасс участвовал в очищении советских земель от немецких оккупан-

тов. Труженики Кузбасса были незримыми участниками великого штурма Берлина... Кузбасс сыграл огромную роль в Отечественной войне, и его заслуги перед социалистическим Отечеством не забудет история». («Правда», 27 июля 1945 г.).

В эти страдные дни кузбассовцы жили одной мыслью: «Все для фронта, все для победы!»

В первый военный год Кузбасс дал фронту большое количество артиллерийских и пехотных полков, бронепоездов и специальных подразделений. Долгим и тяжким был их ратный путь от Москвы до Берлина, от Сталинграда и Воронежа до Будапешта и Вены. Во всех решающих битвах участвовали сибиряки-кузбассовцы и проявляли стойкость и мужество, воинское

Сам-то Алька был уверен, что получить будет одни пятерки, так как считал себя вратарем номер два. Первым, разумеется, считал Льва Яшина.

ШЕФЫ ПОМОГЛИ

Страшно болит голова после вчерашней выпивки. Хорошо, что мама на работе, а то бы задала мне трепку. Вчера меня притащил домой Витька, сказал, что отмечали Алькин день рождения. Мама, конечно, поверила, потому что видела меня таким пьяным впервые в своей жизни. С ума сойти можно, что скажут те, которые останутся после нас? Пьяницы, скажут, и лгуны.

Алька, когда прочел мои заметки в дневнике, посмотрел оценки, которые я выставил после игры, сразу хотел все вычеркнуть, но под рукой авторучки с шариковым пером не оказалось. Алька заявил, что сделает это потом, когда

журнал перейдет в его коллекцию.

— Ты бы, Миша, описал, как мы в театр ходили на «Иркутскую историю». Имей еще в виду, что я Льва Толстого читать начал. Вставь, пожалуйста, это куда-нибудь, — сказал Алька.

— Вставлю, — говорю ему. — Между прочим, я тоже две недели в очереди стою за «Тихим Доном». Через день хожу в городскую библиотеку отмечаться.

Все-таки Алька парень что надо. Он меня с полуслова понимает. Он самый умный из нас. Это я говорю не в порядке — подхалимажа, а ото всей души. Люблю я к нему домой ходить, пластинки послушать, альбомы посмотреть. Как-то узнаю себя на фотографии. Стою это я на футбольном поле, у ворот, рядом с Алькой. Не то чтобы я, но похож. Он что сделал, Алька-то. Взял и подретушировал снимок. На оборотной стороне написал: «В футбольной команде ремесленного училища второго года обучения правым нападающим

мастерство и героизм. За ратные подвиги более 200 воинов-кузбассовцев Родина удостоила высокого звания Героя Советского Союза, а 34 вернулись с фронта полными кавалерами ордена Славы.

Самоотверженно трудились в годы войны шахтеры, металлурги, химики, энергетики.

ИЗ СВОДОК СОВИНФОРМБЮРО

1941 год, 25 октября. Шахтеры восточных бассейнов страны героическим трудом крепят оборонную мощь страны. Шахта «Полысаевская» треста Ленинуголь Кузбасса уже выполнила годовой план. Десятки и сотни стахановцев бассейна добились рекордной производительности труда.

1941 год, 11 декабря.

2 декабря Кузбасс выполнил годовую программу угледобычи.

1941 год, 20 декабря. Пятьсот шахтеров Прокопьевска выполняют 2—3 нормы в смену. Рабочие г. Осинники после работы в шахтах организуют воскресники по погрузке угля. Погрузочный цех шахты «Пионер», где работает много женщин, заменивших своих мужей, ушедших на фронт, выполняет план на 120—130 процентов.

1942 год, 13 февраля. Забойщик шахты «Центральная» в Кемерове Никифор Систеров, став на стахановскую вахту в честь XXIV годовщины Красной Армии, выполнил за смену 10 норм, дав стране 6 вагонов угля.

1942 год, 16 января. Листопрокатчики Кузнецкого

завода с каждым днем все увеличивают выпуск продукции. За вторую пятидневку января они дали тысячи тонн металла сверх задания.

ИЗ ЛЕТОПИСИ ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЕТ

1941 год. На производство качественной стали и проката для танков, самолетов, боеприпасов и вооружения полностью переведен Кузнецкий металлургический комбинат. В обычных большегрузных мартовских печах началась выплавка броневой стали и проката на обычном рельсобалочном стане. Освоена технология термической обработки калиброванного бронированного листа. Всего за 35 дней был введен в действие новый термический цех. Про-

играет настоящий горилл Мишка. В том, что команда выиграла кубок, большая заслуга принадлежит Мишке».

Смотрю я на снимок, сам думаю: «Я же тебя так распишу, так распишу — твоя же рука устанет вычеркивать. Маргарита Васильевна, если прочтет, то не узнает. А если отец? Да он тебя за коньяк и ликер ремнищем отхлещет...»

И все-таки Альку я любил. Часто ходил к нему во второй мартеновский. Я практиковался в цехе КИП и автоматики. Разве это цех? Маленький кирпичный домишко. Вокруг тополя растут, летом пух с них летит. Тишина. Слышно, как на улице воровбы резвятся. Стоишь у верстака и напильником дрынькаешь. Разве это работа! Зубовный скрежет. Вот у Альки! Грохот, огонь. У печей сталевары и подручные в защитных очках да в спецодеждах лопатами шуруют. Летят искры, одежда дымится. Зимой, с одной стороны, жарко, а с другой — холодно. Знай себе подставляй к печке то левый бок, то правый. Сверху —

страшно глядеть — краны в печи металлом загружают. Натё, печи, жрите. А там, внизу, огромные ковши стоят на платформах. В них время от времени огненная река льется.

Бросаю я напильник, иду к Альке. Прохожу огнеупорный цех. Там, в углу, формовщики работают. Вот где пыли! И в этой пыли Генка формы делает. Подхожу. Но Генки нет. Он, поди, дома на кровати лежит — по телефону с девчонками треплется. Ему лучше в футбол подряд четыре тайма отыграть, чем смену здесь отдубасить. Он ведь не такой простачок, как некоторым кажется. Ну, хотя бы такой случай. Пока мы в театральном буфете за вином стояли, Генка-дубарь с девчонкой познакомился. Вот и дубарь! Это Алька ему прозвище дал. Не любит, когда Генка собирается: раз сто у зеркала галстук поправит, причесочку. Брючки выгладит, наденет, постоит у трюмо, снимет, подгладит, снова наденет. Всю душу вытянет. Алька и кричит обычно: «Ты чо, Генка, дубаришься!»

Про девчонку-то я забыл. Сидим мы за столиком. Генка подводит Таню.

катчики внесли конструктивные изменения в оборудование рельсобалочного цеха и увеличили выпуск высококачественного броневоего металла.

1942 год. Бригада А. Я. Чалкова сварила 45 скоростных плавок и выдала 3860 тонн стали сверх плана. Всего в военные годы бригада А. Я. Чалкова дала фронту 13 тысяч тонн сверхплановой стали.

Кемеровские коксохимики увеличили выжиг металлургического кокса в полтора раза, а электродного для выплавки алюминия — в пять раз. Энергетики Кузбасса увеличили мощность электростанций и проложили новые линии к шахтам, рудникам и заводам.

Как известно, в первые месяцы войны из западных районов страны в Кузбасс было перебазировано свыше 50 заводов различных отраслей промышленности. В короткие сроки они были восстановлены. Сотни нужных фронту изделий изготавливались здесь руками преимущественно женщин и подростков, воспитанников школ трудовых резервов.

К концу 1942 года Кузбасс стал одним из крупнейших экономических центров страны.

В целях дальнейшего развития производительных сил в начале 1943 года Кузбасс был выделен из состава Новосибирской в самостоятельную

область. Административным центром ее стал город Кемерово. Усиление партийно-организационной работы благотворно сказалось на темпе материального производства и развития культуры.

В военные годы валовая продукция промышленности Кузбасса увеличилась более чем в три раза, добыча угля — в 1,4 раза, выпуск продукции металлообработки и химии — в десять раз, черных металлов — в три раза, выработка электроэнергии — в два раза.

Были созданы производства алюминия, ферросплавов, пластмасс, электромоторостроения, анилиновых красителей, лекарственных препаратов...

Такая размалеванная — из медучилища. Очень приятно, говорим, познакомиться, садись, Таня, за столик. Тут Алька подвигает ей Витькин стакан. Выпила она вино, встала. Мы ей про подружек — так, мол, и так, нас четверо... Таня-то смышленная оказалась. Есть, говорит, подружки — целое общежитие. Приходите завтра, да паспорта не забудьте. Разумеется, паспорт у меня есть. Еще новенький. Неделю назад получил. Но я не пошел. Жалко новенький паспорт дежурной отдавать. А вдруг она его потеряет? Что тогда мама скажет? Алька-то с Генкой пошли, не побоялись.

Вышел это я из огнеупорного цеха. Передо мной мартены. Иду по чугунным плитам, печи считаю. Издали узнаю Альку. Долговязый, руками чего-то машет. Увидел меня, подходит.

— Ну, и жарница! Давай-ка, Мишка, газировки выпьем.

Мы подходим к будке, берем кружки и подставляем их под краники. Наливаем полные кружки, быстро пьем. Дух захватывает, в нос ударяет газом. Ставим кружки на подоконник и идем в раздевалку перекурить.

Пожалуй, хорошие мы с Алькой друзья. Нас и водой не разольешь. Но причем тут шефы? В том-то и дело, что благодаря шефам мы стали друзьями. Ведь как получилось? Приходит парень из Сибирского металлургического института к нашему директору, говорит:

— Мы не можем играть на кубок города без юношей. А где их взять?

Нашему директору не надо было долго объяснять, что к чему. Собрали нас на стадионе «Наука», разбили на команды. Весь день мы играли. А тут наши шефы стоят, кто из футболистов им понравился, в блокнотики фамилии записывают. Составили они сборную. Так мы и попали вместе. А до этого мы и не знали друг друга. Наша команда

сразу же выиграла кубок. Этот кубок и по сей день хранится под стеклом в институте.

В дальнейшем мы выиграли первое место среди училищ города и области. Но когда мы закончили учиться, наша команда, естественно, распалась. Только мы, четверо, продолжали дружить. Но это уже было не то, что раньше. Мы собирались очень редко: футбол отошел на задний план, и нам не о чем было говорить. Единственно, что нас связывало — мы иногда вместе ходили на танцы во Дворец. Вместе было веселее и, главное, безопаснее. Никто никогда к нам не придирался.

ПЕРВАЯ СМЕНА

Выхожу на улицу. Утро солнечное, теплое. Смотрю на дымящиеся трубы мартенов, на высокое, массивное здание заводоуправления, которое кажется со спичечный коробок, и сердце мое сжимается — не то от страха перед неизвестностью, не то еще от чего — и сам не могу понять. Мама вышла на балкон. Махнула рукой, крикнула:

— Иди, сынок, иди... Смелей, главное, берись за дело...

Я иду не оглядываясь, а мама, знаю, стоит на балконе и смотрит мне вслед. Думаю, что вот проучился в училище два года, часто бывал на практике на комбинате, не раз ходил по этой дороге, а когда пришлось идти на рабочее место, то забоялся. Сомнение взяло: смогу ли я? И мне уже кажется, что ничего не умею. Хочется свернуть куда-нибудь в сторону и уйти подальше от приближающейся проходной. Оглядываюсь, а мама все стоит на балконе — чуть различимая из-за дальности расстояния, и машет рукой. Я почему-то представил себе, что она плачет. Стоит на балконе, смотрит на меня — крохотного, с наперсток, и по ее щекам текут слезы. И

у меня самого защипало глаза. Многие я потом забыл, но то июньское утро никогда не забуду.

Иду по асфальтированному тротуару. Мимо проносятся грузовики. Слева — озеро, по берегам которого растут густые клены. Еще не так давно я здесь с ребятами играл в войну. Прохожу мост. Внизу река Аба. Дальше, по левую сторону, — корпус Сибирского металлургического института, ближе — театр юного зрителя и здание ремесленного училища. А вот и заводоуправление. Над ним как бы нависают в воздухе каупера домен. Это я видел десятки раз. Но сейчас все выглядит как-то иначе. Меня пугает этот длинный и холодный туннель. Я пересекаю площадь, вхожу в туннель и оказываюсь перед проходной. Достаю пропуск, и вахтер пропускает меня на территорию комбината.

Дальше было так. Мастер подвел меня к верстаку, за которым стоял молодой низкорослый дядька. У него было широкое, открытое лицо и большая голова.

— Знакомься, привел тебе помощника, — сказал мастер.

— Чевтайкин я, — протянул руку мой шеф. — Будем, значит, работать вместе. Садись вот на этот выдвижной стул. Наблюдай. Приборы сдаем. К концу дня должны прибыть заготовки. А я тебя помню: ты в нашем цехе один раз был на практике. Дежурному слесарю помогал.

Я сижу и смотрю на Чевтайкина, который делает медицинские пинцеты из нержавейки. Ко мне подходит маленький чернявенький мужичишко и представляется: «Эпштейн, бухгалтер цеха». Он дает мне замок, просит посмотреть — замок что-то барахлит. Ключа у него нет, надо сделать. Чевтайкин кивает мне, говорит:

— Бери, Миша, делай. Нужный нам человек, уважь...

Верчу в руках замок. Я и в глаза таких не видел. В училище нас не учили замки делать. С мольбой о помощи смотрю на Чевтайкина, но он как будто не видит моей растерянности. Делать нечего, беру зубило и молоток, зажимаю замок в тисы, срубаю заклепки, и замок разваливается. Разглядываю запчасти, пытаюсь найти поломку, но ничего не нахожу. Мелькнула мысль: а может Эпштейн решил надо мной, новичком, подшутить? Подсунул исправный замок и сейчас сидит у себя в конторе и похохатывает. Я поворачиваюсь к Чевтайкину и говорю уверенно:

— Шеф, замок в исправном состоянии...

Чевтайкин занимается своим делом и даже не смотрит в мою сторону. Я пытаюсь собрать замок, но не получается. А как подогнать ключ? Фу ты, да ключ у Эпштейна есть, конечно, это он так — арапа заправляет, тень на плетень наводит. Я заворачиваю детали замка в газету и швыряю в окно.

Зазвенел звонок. Слесари достали из столов свои «тормозки», развернули, разложили на верстаках бутерброды. Я пошел в столовую огнеупорного цеха. Очень жаль, что Генки нет. И поделиться-то впечатлением не с кем. Генка попал все-таки в команду мастеров. Играть теперь в «Металлурге». Я только невезучий — с исправным замком полсмены провозился. И к Альке я не успею. Ладно, я ему позвоню...

После обеда ко мне подходит Эпштейн, скромно улыбается, тихо спрашивает:

— Ну как, Миша, посмотрел замочек? Что там такое было?..

— Ничего в нем такого не было... Выбросил я его... — ответил я Эпштейну на ухо. — А зачем вы мне исправный замок принесли? Похохмить захотели, да?.. У меня такие номера не проходят!

— Исправный? Что ты говоришь! Ну

надо же... — удивился Эпштейн. — Извини, Миша, извини...

Эпштейн раскланялся со мной и ушел. А тут как раз и привезли заготовки.

ЭТА ОДНООБРАЗНАЯ РАБОТА

В мастерской, куда я пришел, стал четвертым. Начну по порядку. Кроме меня мой шеф, Чевтайкин, слесарь пятого разряда. Он еще славится тем, что может по спору целый час проплясать на одной ноге. Он сразу же предложил мне пари, но я отказался.

Большой интерес у меня вызвал Букин, слесарь шестого разряда. Букина многие за глаза звали мореманом, хотя он и не служил на флоте. Он очень любил море, и эту свою любовь выражал тем, что делал на себе наколки. В тот момент, когда я его узнал, на его теле уже не было свободного места. Спина, грудь, плечи и другие места были разрисованы якорями и русалками, морскими звездами и медузами. Когда я впервые увидел его в мойке, то спросил, придерживаясь, на мой взгляд, морской терминологии:

— Ты, Букин, на какой посудине плавал? А в какой луже — черной или тихой? Держи краба!..

— Отвали, букварь! Вмажу!!! Ух, век свободы не видать...

Я отошел от него в противоположный угол, а Чевтайкин протянул мне мочалку, приглашая потереть ему спину, шепнул: «Букин не любит, когда его про службу пытаются. Он ведь не плавал, а на якоре сидел...» Я понимающе кивнул и больше с Букиным про море никогда не заговаривал.

Пожалуй, самой яркой и впечатляющей личностью был Монсаров. У него был самый высокий, восьмой разряд слесаря. В дальнейшем я никогда не встречал слесарей с таким разря-

дом и вообще сомневаюсь, есть ли такие. Мне кажется, Монсаров был единственным человеком не только в нашем цехе, но и на всем комбинате, который имел восьмой разряд. И все потому, что собирал киповские приборы. Когда-то Монсаров делал приборы один. Но с годами нужда в приборах возрастала, и Монсарову дали помощников.

Когда работы было много, Монсаров молчал, низко склонив голову над верстаком. Но как только его верстак освобождался от приборов, а это бывало в конце месяца, Монсаров поворачивался к нам и начинал «травить» анекдоты. Мы хохотали, держась за животы. У меня от долгого смеха давило в висках и болел затылок. Я часто не выдерживал и выходил из мастерской.

Монсаров за несколько месяцев, что я проработал с ним, рассказал массу смешных историй. Откуда он их брал? Мы знали, что Монсаров не любил ходить в гости, и к нему никто не ходил. Он жил с большим семейством за городом, в своем доме. Наверное, сочинял все сам... Но вот через несколько лет мне довелось читать произведения И. Бабеля, и я с удовольствием заметил, что многое мне знакомо. Вот тогда я и вспомнил нашего Монсарова.

У меня четвертый разряд. И делаю я самую черновую работу. И получаю меньше всех. Я опиливаю дюралевого корпуса приборов, которые поступают к нам из литейного цеха. Сверлю на станке четыре отверстия, нарезаю в них резьбу метчиками, а затем крашу корпуса вонючим кузбасс-лаком. Когда корпуса готовы, я торжественно ставлю их перед Чевтайкиным. Он делает к ним защелки, стрелки-самописцы, барабаны, вставляет стекла. Далее корпуса поступают к Букину — «мореману», который делает часовые механизмы. Потом корпуса попадают к Монсарову.

Меня угнетала эта однообразная работа, и я с удовольствием брался за любую другую, которую мне доверяли. Особенно часто приходилось разбивать наши же старые приборы, которые по каким-либо причинам выходили из строя. Бывало, привезут машину приборов, и я, не дожидаясь, когда мне скажет Монсаров, достаю из-под верстака кувалду и бегу во двор цеха. Я лупил приборы кувалдой, они раскалывались, как грецкие орехи. Я клал дюралевые осколки в одну сторону, а медь и бронзу — в другую. Букин, высунувшись из окна, кричал:

— Лупи, лупи их, Миша! Металлом нужен. Без работы сидим. Круши их, век свободы не видать...

Мне было непонятно, то ли Букин смеялся надо мной, то ли, как и я, презирал эти приборы. Но спросить у него об этом я побаивался. Мало ли чего может выкинуть этот прибалтненный «мореман». Пусть кричит себе, если ему нравится.

Тут из литейного привозили новые отливки — грязные, дымящиеся, в окалине. Ну, держитесь, зубила и напильники! И я, морщась, возвращался в мастерскую. Начинать все сначала.

ВСТРЕЧА С ТАНЕЙ

Воскресенье. Июль-то у нас жаркий. Даже асфальт на шоссе плавится. С утра начало жечь. Да так запарило, что дышать стало нечем. Порубал я толченой картошки с молоком и пошел искупаться. Хорошо хоть речушка близко, а то бы сгорел начисто. Искупаюсь, иду домой. Сам думаю: надо к Альке наведаться. У меня четвертая есть. Я с мамой договорился, что с получки и аванса оставляю себе по четвертной на карманные расходы. Сагитирую Альку на водную станцию купаться, пиво попить. Может, у него сейчас Генка с Витькой?

Алька на проспекте Кирова живет. Поднимаюсь на второй этаж, звоню. Дверь открыл Алька. Он был в трикотажных тренировочных брюках, без рубашки. Улыбка во все лицо.

— Заходи, Миша, коньяк есть. Смотри не испугайся: у меня Таня! Она в купальнике, мы тут загораем. И ты сбрасывай рубашку.

Что мне пугаться, я девчонок не видел, что ли? Таню помню. В театре познакомились. Из медучилища. Такая была красивая. И чего они тут собрались? На балконе загорают, пластинки слушают? Алька чего-нибудь да придумает. У Альки балкон огромный. Танцуй хоть на голове. С улицы не видно, потому что тополя закрывают. Захожу в Алькину комнату. Таня сидит за столом. Она в купальнике, такая миниатюрная, хорошенькая. Я останавливаюсь в дверях, и Алька подталкивает меня в спину. Таня смотрит на меня веселыми глазами, говорит:

— Это и есть Мишка? Да, да, узнаю. Ах, какой скромница, а покраснел-то как, — рассмеялась она. — Чего к нам в общежитие не ходишь? Мы тебе такую же девчонку-мартышечку подыщем...

Я сел за стол. Алька налил в рюмки, произнес тост за дружбу. Меня недоумение взяло: почему Таня у Альки, она же с Генкой ходит?

— Таня, — повернулся я к ней и в упор поглядел на ее купальник. — А где Генка? Сейчас придет, да?

— Какой ты, Миша, неактивный! — фыркнула Таня. — Генка «волдырь» гоняет, как он сам выражается. Уехал с Новосибирским СКА играть. А потом... я с ним давно не хожу. — Она нежно посмотрела на Альку, который вновь наливал в рюмки, пояснила: — Я теперь хожу с Алькой.

Мне было все равно, с кем она ходит. Это я так спросил, от делать нечего. Мы выпили еще по одной. Алька включил радиолу, сказал мне, чтобы

я сидел и менял пластинки. Я смотрел, как они танцуют. Алька-то долговзый, на две головы выше Тани, сгибает шею, как жираф, сутулится. А Таня — это же сказка! Фигурка! Все пляжи мира обойдешь, а такую не встретишь. Молодец, Алька! Он среди нас самый умный, Льва Толстого читает, в десятый класс вечерней школы записался. Между прочим, я от Альки не отстаю. «Тихий Дон» осилил, записался в очередь на Достоевского. Как прочел на книжке заголовок: «Записки из мертвого дома», так захотелось почитать. И я тоже записался в вечернюю школу, но только в восьмой класс. Тут уж ничего не поделаешь — Алька старше меня на два года.

Все-таки Таня правильно сделала, что выбрала Альку. Зачем ей Генка? Болтун... Футболист с шестью классами за душой, а всем говорит, что семь окончил. А я знаю, что свидетельство у него поддельное. Сам же проговорился. За язык я его не тянул.

Я налил себе в рюмку, выпил, уселся на диван.

Таня села со мной рядом, погладила меня по голове, сказала:

— Миш, а Миш, ты не обижайся, что я с тобой так, бесцеремонно...

— Ничего, Таня, не обижаюсь, — говорю я и чувствую, что краснею. — Таня, пожалуйста, убери руку с моей коленки, неудобно сидеть, честно.

Таня рассмеялась, вдруг обхватила меня за шею и стала целовать, приговаривая:

— Ух ты, какой сладенький, ух ты, гориллик мой, скромница какая, ух, покраснел-то как...

Я не сопротивлялся. Монсаров как-то говорил, что если женщина пьяная, то голова у нее чужая. Я долго размышлял над этой фразой, не мог понять, что к чему, а вот сейчас, кажется, понял.

— Нет, Алька, я отваливаю, как сказал бы наш слесарь Букин. Ну вас к

черту, — заговорил я и поднялся, осторожно отцепив от себя Таню.

Алька не стал меня задерживать. Он надел рубашку. Между тем Таня мгновенно уснула на диване. Алька подошел к ней и осторожно накрыл простыней.

— Мишка, обожди, пойдем вместе, — сказал он, взял ручку, лист бумаги и написал: «Таня, мы поехали на водную станцию купаться. Встретимся вечером. Алька».

КАК СТЕКЛО СВЕРЛИЛИ

В наш цех был принят токарь Сергей Иваницкий. Это был грузный, бесесый парень. Приехал в Сибирь из Тулы, ходил с гордо поднятой головой, при случае говорил о себе, что он мастер экстракласса, и может даже профрезеровать ушко швейной иглки.

Монсаров посмеивался, глядя на Иваницкого: поживем-де увидим. Иваницкий, надо отдать ему должное, с любым заданием справлялся успешно, а делал он поистине ювелирную работу. Я часто бывал в токарной мастерской. Это была небольшая комната, в которой стояли несколько станков — два токарных, сверлильный и небольшой импортный станочек, на котором можно было одновременно точить детали, строгать, шлифовать, фрезеровать. Именно на этом универсальном многошпиндельном станочке и работал Иваницкий.

Иваницкий, как я понял, обладал природным талантом токаря — влепую крутил рукоятки, которых было множество на этом станке. Станина в его руках двигалась то в горизонтальном, то в вертикальном направлениях; он не смотрел по сторонам — взгляд его был направлен на деталь, которую делал.

Однажды Иваницкий сказал мне:

— Что, Миша, нравится? У нас в Туле и не такие станки есть. Это что? — кивнул он на коробку скоростей.

— Коробка скоростей, — сказал я. — А это станина, вон шлиф-колесо...

— Соображаешь, — похвалил меня Иваницкий. — Давно здесь работаешь?

— Тут и соображать нечего, — ответил я. — Ты меня позови, если что сломается — страсть люблю ремонтom заниматься. Станочник я. Ремесленное училище окончил год назад...

— Чего уж там... Я как-нибудь сам справлюсь, — сказал Иваницкий. — Станочник, значит, а почему у Монсарова работаешь, а не по своей специальности? Ага, понимаю... Не доверяют еще, молодой. А ты утверждай себя. Ладно, иди, не мешай работать.

Я пошел в свою мастерскую утверждать себя. Как только вошел, мне Монсаров вручил кувалду и послал разбивать списанные приборы.

Иваницкого у нас не любили за высокомерие и хвастовство. Ему, конечно, не строили козни. Работу свою он выполнял, просто с ним без дела не разговаривали, и никто не подходил к нему, кроме меня. Иваницкий же привык, вероятно, быть в центре внимания. Когда у него выпадала свободная минута, он сам приходил в нашу мастерскую и задирался.

— Слушай, Букин, говорят, ты блоху подковать можешь, — как-то ироническим тоном сказал Иваницкий нашему «мореману». — Это, Букин, старо... Левша блоху подковал еще в прошлом веке. Ты вот что сделай: просверли-ка мне в копеечке миллиметровую дырку, а я нарежу в ней резьбу. Вот такую...

Иваницкий показал Букину монетку с дыркой, но Букин не взял ее, сказал ему:

— Ступай-ка ты отсюда, век свободы не видать! Тебе, фраер, делать нечего, да?

В другой раз, обойдя верстак Букина, Иваницкий причалил к нашему.

Он снисходительно похлопал меня по плечу, сказал Чевтайкину, моему шефу:

— В черном теле пацана держите... На побегушках он у вас...

— Чего надо, шел бы ты... У нас не принято болтаться по мастерским. Нечего мне, видишь, работы невпроворот...

— Все рационализируешь, — не унимался Иваницкий. — На заслуженного тянешь?

— Подаю иногда предложения, принимают, — огрызнулся Чевтайкин. — Ну не так, чтобы уж очень, но и не так, чтобы уж так...

Пока Иваницкий переваривал ответ Чевтайкина, появился Монсаров.

— Сергей, получи-ка наряд. И чего ты на месте не сидишь, кто за тебя работать будет? Просверли вот мне дырку, диаметр восемь миллиметров. Срочный заказ...

— Какой материал, где деталь? — с готовностью спросил у Монсарова Иваницкий — Я разве против... Да хоть десять дырок.

Монсаров протянул оконное квадратное стеклышко, примерно сто на сто миллиметров. Я удивился: подобный заказ нам раньше не давали, и в наших приборах таких деталей нет. И вообще я не слышал, чтобы сверлили стекло на обычном станке.

— Монсаров, мозги-то мне пудрить не надо, — усмехнулся Иваницкий.

— А это видишь? — Монсаров показал стеклышко с дыркой. — Еще могу такую же сделать, рядышком...

Профессиональная гордость Иваницкого была задета.

— Готовь, Монсаров, на меня представление! Считаю, что седьмой разряд токаря у меня в кармане, — разгорячился Иваницкий. — Я все твои так называемые трудные задания выполняю, сделаю и это...

Иваницкий сбегал за патроном и сверлом, подошел к станку, который

стоял у нас в углу. Слух о разговоре Монсарова с Иваницким об этом странном заказе быстро разнесся по всем этажам цеха. В нашу мастерскую набилось немало народу. И хотя начался обеденный перерыв, никто не уходил. Иваницкий резким движением руки вставил патрон в шпиндель станка, закрепил стеклышко в тисочки.

— Ну, ребята, начали! — с пафосом воскликнул Иваницкий. — Шире круг!

С бешеной скоростью завращалось сверло, коснулось стекла, и оно моментально разлетелось. Монсаров поставил перед Иваницким небольшую коробочку с квадратными стеклами, и я понял, что он специально подстроил это испытание для токаря-хвальбишки. Иваницкий убавил обороты, подал мне масленку, попросил поливать сверло маслом. И опять неудача. Иваницкий переломал все заготовки, отошел от станка, сказал:

— Монсаров обманул меня. Он дал мне обычные стекла, а у него-то дырка в химическом, небьющемся.

Присутствующие неодобрительно зашумели. Все знали, что Монсаров никогда на такой обман не пойдет. Иваницкий-то понял: Монсаров ему подсунул этот заказ, чтобы поставить его в смешное положение, и попытался выгородить себя. Но тут Монсаров подал ему свой образец. Иваницкий, как осторожно ни сверлил, разбил и его.

— Это невозможно, — сдался Иваницкий. — В наших условиях невозможно. Липа это...

Монсаров молча подошел к станку, поднял с пола кусок стекла, вложил его в деревянную коробочку из-под надфилей, налил в нее воды, настрогал хозяйственного мыла, размешал кисточкой. Когда образовалась мыльная пена, Монсаров зажал коробочку в тисы, стал сверлить. Я стоял рядом и видел, как у Монсарова на висках и шее вздулись вены, лицо побагрове-

ло, лоб покрылся крупными каплями пота.

Сверло повизгивало, стекла не было видно, но по тому, как вибрировала вода в коробке, я понял, что все идет нормально. И вот общий вздох облегчения. Я беру теплое стеклышко, потом оно переходит из рук в руки. Иваницкий здесь же, улыбается, качает головой. Монсаров снимает пиджак и остается в мокрой рубашке. И надо же было так вспотеть за какие-нибудь полторы минуты. Вот что значит уметь собраться в ответственный момент, вот у кого надо учиться работать, владеть собой. Нет, Монсаров все-таки мастер, каких поискать!

После этого случая Иваницкий умерил свой пыл, перестал задираться. Отношение к нему, хотя он и потерпел поражение в соревновании с Монсаровым, изменилось в лучшую сторону. Ему дали понять, что здесь, в КИПе, люди не лыком шиты. Работал Иваницкий хорошо, а что похвально иногда, так с кем этого не бывает.

Иваницкого стали принимать таким, каков он есть.

ПЯТИМИНУТКА

Мы чинно сидим каждый за своим верстаком. Монсаров говорит об итогах работы нашей группы за прошедший месяц: план мы выполнили на 102,3 процента. Затем Монсаров переходит к обсуждению сообразительности. Каждый из нас должен вписать в соотношение четыре-пять пунктов, в том числе одно рацпредложение. Против последнего пункта мы всегда возражали. Не обошлось без спора и сегодня. Первый начал Букин.

— Не буду подавать рацпредложение. Не о чем. Все тут уже передумано. Перестань, Монсаров, ко мне привязываться, век свободы не видать.

Монсаров поглядел на мастера, ко-

торый осуждающе покачал головой. Монсарову стало неудобно за Букина, и он заговорил укоризненно:

— Какой ты, Букин, несознательный. Мы же передовики, слесари высокой квалификации. По нас равняются остальные. Нет, Букин, думай, лучше думай.

Букин задумался, а Монсаров уже приступил к Чевтайкину.

— Как, Макар Павлович, почему не вписал пункт о рацпредложении?

— Совесть-то поймей, Монсаров, — взмолился Чевтайкин. — Я же в прошлом месяце подавал. Нельзя же без роздыху. Обождать надо. Может, через месяц-другой и придет какая идея. Дело-то, сам знаешь, у нас известное, трудно что-нибудь новое придумать.

— Ты это брось, — жестко сказал Монсаров. — До каких пор ты будешь самописцы делать вручную? А если штамп изготовить, да на прессе?.. Думай, Чевтайкин, лучше думай.

Монсаров повернулся ко мне, взял мое сообразительство, прочел:

— Не нарушать технику безопасности... Не опаздывать на работу... Э-э, не пойдет, — сказал мне Монсаров. — Надо переписать. Надо конкретнее. С цифрами, с процентами. А где пункт о рацпредложении?

— Ничего не знаю. Я же недавно из ремеслухи, — пробубнил я.

— Ну и что же? — подал голос старый мастер. Он был худой, много курил и часто кашлял. — Ты квалифицированный слесарь, к-хе, к-хе. Свежий глаз, к-хе, к-хе...

— Ничего я не могу придумать. Всю ночь думал, — чуть не заплакал я. — Appetit потерял... Уйду я от вас. И вонь эту мне надоело нюхать...

— Что еще такое? — переспросил мастер и посмотрел на Монсарова.

— О кузбасс-лаке он, — поспешил пояснять Монсаров мастеру. — Дейст-

вительно, когда Мишка красит, то дышать в мастерской нечем. А может быть, краской? Голубой, масляной? — Лицо Монсарова просветлело. — Так и запишем: «Красить корпуса приборов не кузбасс-лаком, а масляной краской. В результате улучшаются условия труда и эстетический вид приборов».

— Надоело пилить... окалину, — завыл я. — Долго. В глаза летит... Корпуса тяжелые. И браку много. Трещины в корпусах бывают. Колоть их надоело...

Монсаров вскинул руки, воскликнул:

— Дорогой ты мой! Почему молчал до сих пор? Так и запишем: «Вместо того, чтобы отливать корпуса приборов из дюрала, предлагаю делать их из листового железа. В результате экономится цветной металл. Производительность труда при изготовлении приборов повышается в семь раз при условии, что корпуса будет делать слесарь-жестянщик».

Монсаров поднял голову, улыбнулся:

— Молодец, Миша. Два рацпредложения подал. О ценности первого не берусь судить, а вот второе предложение хорошее. Петр Данилович, — повернулся Монсаров к мастеру, — нужна штатная единица, слесаря-жестянщика надо принять. И горя знать не будем. Миша нам нос утер. Вот что значит два года на слесаря проучиться. И дальше, Миша, давай в таком же духе. Ну, а Букин? Надумал чего-нибудь, Букин? — Монсаров поправил ладонью черные, курчавые волосы, а затем достал платок и вытер свое круглое, вспотевшее лицо, добавил: — Или послать тебя в ФЗО на переподготовку...

Так проходили у нас пятиминутки. Мы спорили и ругались. Мы боялись этих пятиминуток, как огня. Иногда пятиминутки оборачивались получасом, но вот что интересно: в конце кон-

цов Монсаров что-нибудь да «выжмал» из нас. Наша мастерская ежеквартально выполняла план, и мы всегда получали премии.

В НОВОЙ БРИГАДЕ

Мы встретились с Игнатом Горбуновым, бригадиром монтажников-сантехников, на лестничной площадке нашего цеха.

— Здорово, волосатик. Иду к тебе, потолковать надо, — сказал Горбунов скороговоркой и поджал тонкие, злые губы. — Слышал, что уходить от Монсарова собрался? Вот что, Миша, у нас парня в армию призвали, место освободилось. Иди ко мне в бригаду. Четвертым монтажником будешь, работа сам знаешь какая: прокладываем газовые, электрические и водяные трубы для наших же приборов.

— Опять четвертым... И везде я четвертый. Четыре в квадрате получается, вот что. А когда я буду хотя бы третьим? — разочарованно проговорил я.

— Будешь, Миша, будешь, всему свое время — и вторым будешь, возможно, и первым, — успокоил меня Горбунов. — И еще одно условие, Миша. У тебя четвертый разряд, а у нас придется работать по третьему. Дело в том, что четвертый у Шорца, пятый у Аршана — оба наши старые работники. Сам понимаешь, что мы тебя будем обучать, а получать ты будешь двести, как и Шорец, то есть Сумароков. Мы его так прозвали, и не можем отвыкнуть. Ну а Шорец-то парень хороший, не обижается... В общем, Миша, ты можешь отказаться, это, знаешь, дело добровольное...

— Все понимаю, не маленький, — заверил я Горбунова. — Не надо мне лишний раз объяснять, что к чему. Когда заявление подавать?

— Зачем заявление... Будешь работать в нашем же цехе, КИПе, перехо-

дишь из одной мастерской в другую — только и всего. Завтра и перебирайся к нам — со второго этажа на первый. А с Монсаровым я уже переговорил, честно тебе признаюсь. Не хотел он тебя отпускать, но ничего не поделаешь, ты все равно бы ушел от него. А зачем отпускать свои же кадры на сторону? И я доволен, что ты не упрямый. Скажу по секрету: у нас быстрее повышение получишь, чем у Монсарова. В нашей бригаде больше трех лет не работают. Это я, бригадир, девятый год лямку тяну. Тяжело у нас, скрывать не стану. Но ты молодой, сила есть, ума, как говорят, не надо (шучу, Миша, шучу), да и тебе ли бояться трудностей?

— Я давно хотел с вами поработать, — сказал я. — Гляжу на вас — и завидки берут. Вы по всему комбинату ходите, а я сижу, в окошко поглядываю. Не по мне это. Надоели эти приборы, в гробу я их видел.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Утро. Мы идем по асфальтированному шоссе. Ветер гонит навстречу пожелтевшие листья, обрывки газет. Впереди нас движется повозка с трубами. Лошадь косится на возчика, который то и дело покручивает вожжами, причмокивает: «М-но, м-но, родимая...» Трубы скрежещут об асфальт, оставляют на нем множество белых полосок, по которым всегда можно определить, в какой цех ушла наша бригада.

Горбунов вышагивает справа. Мы идем в шеренгу, лесенкой, перегородив всю дорогу. Мы в грязных и замасленных комбинезонах. За поясами — обмедненные газовые ключи, а у меня еще ножовка с запасными полотнами. Где только мне теперь ни приходится работать: в каких-то закутках, в подвалах и подземных туннелях, на высоте и чердаках, где грязь, пыль, жара и газ.

Я люблю эти утренние прогулки до рабочего места. Люблю слушать своих новых товарищей. Разговор в основном о жите-быте. Я-то помалкиваю. Мне не о чем говорить. Ребята постарше меня, армию отслужили, знают толк в жизни. Шорец женат, имеет дочку-школьницу. Аршан собирается жениться, четвертый год приглядывается. Во время работы не поговоришь — шум и гам, грохот, да и некогда. А после работы надо скорее в мойку бежать.

Шорец уже третье утро говорит об одном и том же: сколько он накануне выпил. И сегодня начал так же:

— Вышли мы из проходной — и прямо к «гадюшнику». Выпили по сто водки и по кружке пива. Потом зашли в «шайбу» и повторили. В «Голубом Дунае» посидели с часок, выпили по двести и по две кружки пива. А в пельменной мы повторили...

Шорец, чтобы не сбиться, загибает пальцы. Когда было, по его подсчету, выпито за килограмм, Аршан скептически улыбнулся, перебил его:

— Ну и темнила же ты...

Шорец клянется и божится, а затем продолжает:

— И это еще не все! Из пельменной мы зашли в «рюмочку» и выпили по бокалу шампанского. А потом... Что было потом, я не помню. Может, к концу дня у меня в голове прояснится. Кажется, что еще куда-то заходили. В общем, проснулся я дома. И видите, как огурчик.

Аршан был другого плана. Он считал себя неотразимым мужчиной. Начинал обычно так:

— Пришел я к толстушке Лидке. Сидит и скушает. Идем, говорю, в кино. Мнется чего-то. Выбрасываю пару «рваных». Побежала за бутылкой...

Потом Аршан долго и нудно рассказывает, как он с Лидухой пил, как они целовались. У меня от стыда пылали щеки и уши.

— Кончайте травить, — говорит Гор-

бунов. — Мишку-малолетку развращаете. Беспредельно...

— Какой он малолетка! — говорит Шорец. — Такой же работяга, как мы. И пусть знает наших...

Горбунов, вдруг замечтал вслух:

— Эх, рабята, вот куплю машинешку, буду выезжать с семьей на природу. Люблю грибы собирать, шишки бить...

— Игнат, задурил ты себе голову этой машинешкой, — сказал Шорец. — Был ведь человек человеком. Скопидомом каким-то стал. Позеленел, язву наживешь... И продашь свою колымагу, деньги на лекарство пойдут. Вот люди, а? Не понимаю таких людей. Нет, Игнат, давай сегодня эстафету пробежим? Четыре по сто! Как из проходной выйдем, так и побежим! Аршан и Мишка с нами...

— Эх, Шорец, — сказал со вздохом Горбунов. — Темный ты человек. Беспредельно.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Мы, друзья, встретились в вечерней школе. Вечер был теплый. Сейчас бы по парку побродить... Здесь, в садике, рябина красная, гроздья тяжело свисают, а стаи воробьев порхают с одного дерева на другое. Школа наша — деревянный барак — стоит напротив заводууправления, рядом с бывшим театром. С той стороны, на главной улице, громяхают трамваи, проносятся грузовики. Но во дворе школы тихо. Ученики в основном от тридцати и выше стоят группами и курят. Неподалеку от меня, под рябиной, я увидел Генку и Витьку. Подхожу к ним, и они от удивления таращат глаза. Генка говорит:

— И ты, Миша, здесь? Значит, в восьмом «а»? А я в «б»... А зачем ты здесь? Витьке разряд пообещали повысить, если он пойдет в свой девятый.

Меня тренер заставил. Хотел отдохнуть годика два. Есть же специальность! А в начальники мне пока не хочется...

Генка стоял и ломался, как съедобный пряник. Он был в новеньком полосатом костюмчике, в белой рубашке с галстуком-бабочкой. Он выставил ногу в новеньком ботинке на микропоре. Витька был все в том же помятом сером коверкотовом костюме, в котором я его привык видеть. Они оглядели меня, улыбнулись. Моя мама постаралась: купила мне костюм из черного шевиота и черную шелковую рубашку (по моей просьбе). Я надел белый галстук и белые парусиновые туфли.

— Ну и вырядился, — засмеялся Генка. — Так в пятидесятых годах фраера одевались...

— Подумаешь... — сказал я смущенно.

Подошел Алька. Вельветовая куртка с замками-молниями расстегнута, на шее белый шерстяной шарф. Брюки узкие, в клетку. Он стал важно здороваться с нами за руку.

— Здравствуйте, бродяги (что-то новое в его лексиконе), — начал болтать Алька. — Признавайтесь, что в школу пошли, последовав моему примеру. Чем мы хуже Альки? Я сыграл на самолюбии каждого из вас: никого не агитировал, а просто, между прочим, сказал, что осенью пойду в школу, помните? Моя цель, бродяги, — закончить десятый, а ты-тю... В университет, что в Питере. Я не собираюсь в марте-не заживо гнить...

— Алька, я три дня в мартене работал. Хотел с тобой поговорить об одном деле, — сказал я, чтобы остановить Алькину болтовню. Слушать его противно. — Искал, искал...

— Ха! И еще три дня меня не будет. У меня больничный. Ангина. Таня у нас в санчасти работает. Врачом. Таня, говорю, глотать больно. Она мне раз — и больничный. А я в самом деле

газировки холодной глотнул. Нет, бродяги, я не злоупотребляю. Но когда нужно...

— Ну, пошел, ребята, скоро звонок, — сказал я.

— Есть предложение, — остановил меня Алька. — Сегодня во Дворце танцы. Сорвемся? Забежим в общагу, прихватим подружек?

— Я с тобой, — сказал Генка. — Все равно в этой математике ничерта не смыслу...

«Еще бы понимал чего! Перескочил сразу через класс», — подумал я.

— Это идея, — воскликнул Витька. — Все равно сегодня организационный день, и нас скоро отпустят.

Я отказался. Неудобно как-то в первый же день срываться. Да и не люблю я эти танцы. Надоело мне стоять у стены и смотреть, как Алька и Генка с девчонками бацают.

Со мной девушки не идут танцевать. Моя внешность, наверно, им не нравится. Но я думаю, что они просто плохо воспитаны. В этом я уже убедился. Да и кто ходит на танцы? Бывшие фээзушники. Знаю, учился. Подхожу раз к одной, приглашаю:

— Разрешите, мадам, пригласить вас на этот прекрасный танец.

Девушка отказывается. Нет, говорит, и никаких объяснений. Подхожу к другой, третьей... Как сговорились. И стою у стены, злюсь на себя, думаю: «За каким чертом пришел в эту конюшню, или, как говорит Генка, на эти скачки с препятствиями? Чтобы себе же портить нервную систему?»

Витьке-ломовику легче. У него желудок резиновый. И морда нахальная. Такой не пропадет. Он сидит в буфете и дует пиво. Кружок двенадцать за вечер. Такую штуку как-то отколол. Через открытую дверь увидел, как мне отказала девушка, а я стою как оплыванный. Он вылез из-за стола, подошел к этой девушке, подхватил ее за талию и потащил в круг. При этом не

сказал ни слова. И она пошла. И вид сделала, будто Витьку только и ждала, что его сто лет знает. На середине он ее бросил, вернулся в буфет, допил кружку пива и вновь пошел с нею танцевать. И она пошла, и ничего, танцует.

После танцев Витька сказал мне, чтобы я делал, как он. Не надо, мол, перемониться, надо держаться просто. Простота-де облагораживает, а умничанье — оглушает.

— Не могу, Мишка, смотреть, как ты страдаешь на этих танцах. Смелее надо. Начался танец, хватай за руку, какая поближе, и тащи. Прозеваешь — схватит другой...

Нет, я так не умею. Лучше буду сидеть дома, чем на танцы ходить.

Тут зазвенел звонок, и я пошел на урок.

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

В декабре громынуло. Я был дома, когда это случилось. Ночью услышал, как ухнуло; тихо звякнули стекла, и я сквозь сон подумал о том, что это на комбинате.

Иду утром на работу. Еще темно. Стоит пятидесятиградусный мороз. Густой туман. Лампочки на столбах еле еле мерцают. Я в валенках, на мне полушубок и шапка из собачьего меха. Дышу через теплый шерстяной шарф.

Проходная. Достая из варежки пропуск, сую вахтеру, быстро прохожу. Скорее, скорее в цех, к теплу. Заходим в корпус вместе с Монсаровым. Он тоже в полушубке, на усах сосульки.

— С домной что-то, Миша, — сказал Монсаров. — Одевайся теплее: две фуфайки надевай, Миша. Работенка предстоит веселенькая. Все рвался от нас, рвался. А сейчас поди жалеешь? Скучно нам без тебя, Миша. Ты у нас был как сын полка. И чего тебе не

хватало? Куда пойдешь в такой мороз? На домну пойдешь... Вообще-то ты молодец. Давай жми, пока пряткий, эх-хе... А у нас тепло, а у нас Ташкент...

Монсаров говорил и медленно поднимался по лестнице. Я стоял внизу и слушал. Все хотел сказать ему кое-что и ждал, когда он замолчит. Не дождался. Монсаров говорил без пауз, пока не скрылся за дверью мастерской. И через дверь я слышал его бормотание. Удивительный человек этот Монсаров. Я таких еще не встречал. Может молчать неделями, а может говорить без умолку весь день.

Меня подтолкнул Аршан, сказал:

— Миша, ты чего задумался? Замерз?.. Идем в мойку.

Ох, как неохота расставаться с теплым полушубком и шапкой. Вместо этого — фуфайка, стеганные штаны, ватная шапка, подшитые резиной валенки, чтобы не промокли. Все это в мазуте, холодное.

Переоделись. Заходим в мастерскую. Здесь уже Горбунов, Шорец и мастер.

— Игнат, — говорит мастер бригадир. — Получай скорее наряд на демонтаж труб на домне, на прокладку новых линий. Работа предстоит большая...

Мастер ушел. Горбунов дал команду собирать инструмент. Мы вышли на улицу. Идем молча. Все еще темно. Домны вот они — рядом. Вот и та, которая «треснула». Вернее, то, что от нее осталось. Здесь уже сотни людей. Убирают двор — кирпичи, растаскивают балки, сплетения труб, сдирают покореженные рельсы, рушат старую кладку. Из-под обломков извлекают сплюснутые вагоны; краны тащат их в сторону, где стоят газорезчики в ожидании работы.

Домну разбирали полностью, до самой земли. Круглые сутки стучали отбойные молотки.

Мы снимаем покореженные трубы со стен. Везде пыль. Много пыли. Она копилась годами. Вскоре мы стали как трубочисты. Здесь, в помещениях, работал весь наш цех. Слесари делали будки из листового железа. Сварщики вырезали стены и окна по разметкам, а затем сваривали. Прибористы ставили приборы. Мы будем тянуть к ним трубы.

...Мы на площадке каупера. Внизу — весь город, комбинат, как на ладошке, паровозики ползают — жучки и жучки, а люди-то — малюсенькие... Отдыхаем. Около нас грудой лежат дюймовые патрубки с нарезанной резьбой. Ветер свищет, снег сечет лицо. Ярко пылает газовая горелка, пламя мечется. Поворачиваюсь к огню то спиной, то боком. Болят руки, поясница, и вообще чувствую себя разбитым вдребезги. Сюда, на стометровую высоту, мы весь день гнали восьмиметровые трубы в три ряда. Снизу вверх. Соединяли их муфтами, предварительно обматывая резьбу льняными нитками.

Горбунов кричал на нас, подгонял. В обычных-то летних условиях эту работу надо было бы выполнить за три смены. А тут за одну. Такая была дана команда. Аршан сразу сказал, что это невыполнимо. Шорец поддержал его, и они оба отказались работать.

— Ребята, я вас не отпущу. Только через мой труп... Беспредельно. Костьми ляжем, а эту работу сделать надо. Дело-то государственной важности.

— Хорошо, — сказал Аршан. — Я остаюсь, буду работать на совесть, но за итог не ручаюсь. Не верю, что мы выполним задание. И знай: работаю в бригаде последнюю смену.

— На чужом горбу славу зарабатывать, — подал голос Шорец. — Деньги на машинешку тебе нужны... Я тоже работаю последнюю смену...

Я ничего не сказал. Лично мне Горбунов нравился, и он сейчас был прав. Я держал конец трубы, а второй конец

болтался над землей в двадцати метрах. Руки сводило от мороза, зубы стучали.

— Соединяйте, черти, кончайте глотничать, вот брошу трубу, — отчаянно кричу я.

— Бросать нельзя, — спокойно говорит Горбунов. — Внизу люди работают.

Шорец кинулся вниз по металлической лестнице, чтобы «посадить» трубу на кронштейн. Аршан стал соединять две трубы — верхнюю и мою — муфтой. Делал он это медленно, так как не умел работать в рукавицах. Руки у него были красные, пальцы плохо сгибались, и он ежеминутно прятал их за пазуху. Газовые ключи были покрыты инеем, гайка плохо ходила по резьбе, и Аршан никак не мог подогнать ключ под муфту. Наконец Шорец закрепил нижний конец трубы, и я сам взялся за соединение. Так мы начали. Тяжело начали. Глаза, как говорят, боятся, а руки делают.

И вот к концу дня мы оказались на самой макушке. Здесь стояла киповская будка со щитом. На щите были закреплены приборы. Я уже давно изменил отношение к ним. Без приборов дело труба. Без них домну разжигать не будут. По приборам измеряется расход и давление газа, по ним судят о работе домны, поэтому нам и надо было сегодня подогнать трубы к щиту. И я даже загордился тем, что участвовал когда-то в изготовлении приборов, сказал: «Ребята, а ведь я их красил...»

Смотрю на часы. До конца работы оставалось пятнадцать минут. Дело-то сделано, и пора складывать инструмент. Надо ведь еще дойти до цеха, помыться, обогреться под горячим душем. Но Горбунов сидит и молчит. Он смотрит на муфту, которую держит в рукавице. И чего он в ней увидел? А ничего... Аршан и Шорец помалкивают, сидят, не уходят. А ведь могли бы уйти — де-

до-то сделано! Нет же, выдерживают. Смотрю на часы. До конца рабочего дня осталось пять минут. Ну и характеры. Я будто примерз к площадке.

Горбунов встает. Встаем и мы. И почему-то начинаем смеяться. Губы холодом свело, от этого смех странным получается. Особенно у Горбунова. Аршан и Шорец, продолжая посмеиваться, засобирали инструмент. Горбунов помогает им. Они перешучиваются, переговариваются, а я уже спускаюсь вниз. На душе, несмотря на адский холод, как-то уютно стало.

ДВА НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯ

На ремонте домны работают сотни людей, прямо какой-то муравейник, если смотреть с верхотуры. Из брюха домны раздается могучий перестук пневматических молотков, но эта пулеметная дробь не может заглушить людского говора, выкриков команд. Внутрь домны по конвейеру спускаются кирпичи, раствор в бадьях, обратно идет щебенка, и это движение не прекращается ни на минуту. Домна растет, как гриб после дождя. Я заглянул в отверстие в кладке, и увидел множество теней — при свете газовых костров работают парни и девушки в фуфайках и в валенках. Пыль, туман...

Мне особенно-то некогда глазеть по сторонам, потому что своей работы немало, да и мороз допекает. Надо все время двигаться, чтобы не замерзнуть. Наша четверка работает у самого основания домны: мы прокладываем газовые дьюмовые трубы. Чтобы не пробивать в кирпичной кладке отверстия для кронштейнов, мы снимаем старую линию. Стоим в десяти-пятнадцати метрах друг от друга и свинчиваем гайки с хомутиков. У Шорца что-то гайка не свинчивается, и он кричит:

— Ребята, сейчас трубу перережу.

Вы ее подержите, чтобы она не болты-халась...

Мы зажимаем трубу ключами и крепко держим. Шорец режет ножовкой. Вдруг раздается легкий хлопок, и Шорец, вскрикнув, хватается за глаз. Мы подходим к нему. Шорец кисло улыбается, отнимает руку, и мы видим большой синяк под его левым глазом. Аршан захохотал, а Горбунов сказал серьезно:

— В этом отрезке воздух скопился. Надо было сначала пробку вывернуть. В следующий раз, когда будешь резать трубу, морду шапкой закрывай...

Мы сняли линию, и тут попали в руки фотокорреспонденту. Он был в полубубке, весь обвешенный фотоаппаратами.

— Ребята, минутку. Нужен снимок для газеты...

— Нет, нет, — запротестовал Горбунов. — Мы тут не главные. Вон кого снимайте — строителей, настоящих монтажников, — кивнул бригадир в сторону домны, — а мы тут маленькие люди, делаем маленькое дело.

Но фотокорреспондент не слушал. Ему нужен был снимок. Он поставил нас у домны, отстранил Шорца с синяком, нацелился объективом и несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата. Затем он сразу же ушел, а мы стали соединять новые трубы. Шорец проворчал:

— Ходят здесь, кому делать нечего...

Шорец, наверное, считал, что настоящая работа связана с физическим трудом, а все остальное просто чепуха. Возможно, я ошибаюсь, возможно, Шорец недоволен тем, что не попадет в газету — но в этом уж сам виноват. Ко мне подошел Горбунов, надел на шею связку бронзовых краников.

— Иди, Миша, к автогенщику. Захвати патрубки. Надо приварить к ним эти краники. Мастер торопит: коллектор ставить надо.

И я пошел в сварочную, которая в ста метрах от домны. Вошел в нее, занял очередь к автогенщику, сел на металлический ящик с песком и задремал. С холода, когда попадешь в тепло, всегда хорошо дремлет. Моя очередь к автогенщику прошла. Горбунов, обеспокоенный моим долгим отсутствием, пришел в сварочную, растолкал меня и обругал. Дело, кричит, стоит, а ты, разэтакий, спишь. Конечно, я был неправ, но и мне надоело слушать его. Монсаров да и Чевтайкин ни одного плохого слова мне не сказали. Ах ты, думаю, матершинник, проучу тебя, на всю жизнь запомнишь Мишку... Я делаю свирепое лицо, беру патрубок, и начинаю прицеливаться, по какому боку садануть Горбунова.

Горбунов мигом разгадал мой замысел, вскочил на улицу. Минут пять мы бегали вокруг металлического домика, но, так и не догнав Горбунова, я вернулся в сварочную. Здесь автогенщик уже приваривал к моим патрубкам краники. Подсаживаюсь к нему, наблюдаю за его работой. Входит Горбунов, спрашивает у меня:

— Как, Миша, проснулся?

Я киваю, и Горбунов с видом победителя уходит. Я никому из наших потом не стал рассказывать об этом случае. И Горбунову надо отдать должное: он перестал на меня ругаться, хотя покрикивал, если было за что.

Это был бы, пожалуй, обычный день на домне, если бы не эти два незначительных случая: синяк у Шорца под левым глазом и моя стычка с бригадиром.

ССОРА И ПРИМИРЕНИЕ

В январе, феврале и марте мы болели. Сначала отболел Горбунов. Затем по больничному пошел Аршан. В феврале слег Шорец. Болел и я. Три дня меня возили на скорой помощи —

из дома в поликлинику и обратно. Мне ставили уколы прямо в чирьи, которые выскочили у меня на ногах. Вот больно было — ужас! Такой боли я еще не испытывал. Я даже без костылей не мог ходить. Эти чирьи будто парализовали мои мышцы.

Только зажали ноги, как чирьи вскочили на спине, плечах и на лице. На лице они держались долго. На одной щеке пройдет, на другой вскочит. И так повторялось несколько раз. А в мае, когда стало тепло, они, эти чертовы чирьи, оставили меня в покое. Но ненадолго. Они мучили меня еще года два. Вот что значит один раз хорошо промерзнуть, как говорят, до самых костей. Дорого обошлись нам двенадцать дней работы на домне в лютые морозы.

В конце марта мы собрались в полный состав. Все были более или менее здоровы. Только мое лицо было залеплено пластырем. В первые дни мы ходили на объекты молча, без шуток. Шорец ни разу не упомянул о своих «эстафетах». Аршан как-то уж очень просто сказал: «А я, ребята, женился...» Ни Шорец, ни Горбунов даже ухом не повели. Как шли молча, так и продолжали идти. Я недоумевал: как же так? Еще пацаном я часто видел в кино или читал в книжках, как после таких слов «а я, ребята, женился...», в бригаде поднимался невообразимый гам. Виновника трясли, подбрасывали вверх, поздравляли. Потом начинались хождения по магазинам, в основном по винным, и в доме новобрачных открывалась стрельба из бутылок с шампанским. Я ожидал, что вот-вот произойдет что-то сногшибательное, но мы дошли до самого объекта, и ничего такого не произошло.

А вскоре мы разругались. Это было в апреле. Солнце уже хорошо грело. Грязь почти прошла. Почки на деревьях набухли.

Мы получили наряд на прокладку

газопровода в мартеновском цехе. С утра мы завезли трубы на три четверти, сгрузили их у стены цеха. Горбунов и Шорец пошли смотреть объект. Дело усложнилось тем, что газовая труба тянулась на пятьдесят метров. Следовательно, мы должны так «отчеканить» линию, чтобы не было утечки. А при такой длине это непросто.

Аршан стоял рядом с патрубком, как с рогатиной. На конце патрубка приварена дюймовая муфта. В эту муфту Аршан просунул трубу-«четвертушку» — как нитку в ушко иглой — и приготовился гнуть ее.

Отворилась дверь, высунулся Горбунов, крикнул:

— Три патрубка по пять метров с короткими резьбами, два колена и три «уточки».

Горбунов скрылся за дверью, а мы принялись за работу. Я отрезал ножовкой патрубки, делал на концах резьбы ушастой леркой. Аршан гнул. Это требовало сноровки, а Аршан был мастером своего дела. Даже Горбунов, этот универсал, не мог так чисто выгнуть «уточку», как Аршан. Все остальное Аршан делал значительно хуже. Только мы сделали, как отворилась дверь, вновь высунулся Горбунов, крикнул:

— Пять патрубков по четыре метра с резьбами под тройники и четыре колена...

Я орудовал ножовкой отменно, почти не ломал полотна. Аршан всегда удивлялся моей сноровке, говорил, что у меня «легкая рука». Сам Аршан за ножовку никогда не брался. А я еще в ремесленном научился резать. Там у нас мало было полотен, и нам приходилось их волей-неволей экономить. Сначала я, конечно, работал осторожно, поэтому медленно, но со временем набрал скорость. А вот с нарезкой резьб у меня было туго. Я с трубами дела не имел.

Я учился в группе слесарей по ремонту заводского оборудования, а не

в группе сантехников. К концу учебы уже разбирал коробки скоростей станков, собирал их, ремонтировал шестерни, шабрил станины, мог отладить даже шлифовальный станок, не говоря уже о наждачном и сверлильном. Слесарь-то слесарю рознь. В КИПе я работал не по специальности — сначала в мастерской, а сейчас вот в бригаде монтажников-сантехников. Я с грустью смотрел на револьверные станки, которые были в нашем цехе. Меня, пацана, просто к ним не подпускали.

Горбунов меня замучил:

— Опять, Мишка, нас подвел, — кричал он. — И чему тебя в ремесленном учили? Простую вещь — резьбу на три четверти не можешь нарезать. Иди-ка сам наворачивай муфту, узнаешь...

Я страдал. Я шел наворачивать муфту, которая шла по резьбе как-то боком, а затем, дойдя до середины, останавливалась. Я крутил ее дальше, и она лопалась...

...Появились Горбунов и Шорец. Вчетвером собрали заготовки и вошли в цех. Линия начиналась от дальней печи. Ее надо было тянуть по стене, где были кронштейны. Она шла низко над полом. Слава богу, без «козлов» обойдемся. Мы стали снимать старую линию, разрезая ее ножовками, скручивая куски с кронштейнов. Тут же навешивали новенькие трубы, соединяли их муфтами. Там, где стена заворачивала, мы ставили колена и «уточки».

В конце линия поднималась вверх и тянулась по крышам пристроек: санчасти, буфета, моек, диспетчерской и спускалась через отверстие в потолке в щитовую, к прибору. Горбунов сказал:

— Наверху газа нет, а если есть, то немножко, угарный. Печи-то напротив. Там пыль и жара. Так что Шорец останется здесь: он, как обычно, с похмелья. Организм у него ослаблен. Задубеет, а потом отвечай за него...

Я ступил на планку приставной лестницы, но Шорец отстранил меня, сказал запальчиво:

— Игнат, ты за кого меня принимаешь? Пусть Мишка на подхвате будет, это его профессия.

— Черт с тобой, лезь, — крикнул Игнат уже сверху.

Они подавали мне старые трубы, а я клал их в кучу. Вскоре Горбунов крикнул мне:

— Все, Миша, слазим...

Они подошли ко мне и сели на кучу труб. Аршан и Горбунов были мокрые, но веселые, а Шорец был мрачный, тяжело дышал.

— Слабак ты, Шорец, — начал Горбунов. — Пьешь часто. А у нас с похмелья-то тяжело. Пора бы понять это. Пуп надорвешь и еще кое-чего. Беспредельно.

— Не так уж и часто пью, — откашлялся Шорец. — Мало ли чего я болтаю. Может так, для веселья... И долго я в бригаде не задержусь. Ради чего я тут газом травлюсь? Жмот ты, Игнат, о людях не заботишься, наплевать тебе на людей...

— Это почему же? — удивленно-обиженно спросил Горбунов.

— По кочану, вот почему, — ругнулся Шорец. — Был бы ты настоящим мужиком, давно бы спецмолоко выбил. Имеем право. А ты по принципу: один ушел, второй пришел...

— Вообще-то, Игнат, Шорец прав, — неожиданно поддержал товарища Аршан. — Мы два года у тебя вкалываем, а толку-то... Разве тебе интересно каждый раз набирать новых, обучать их? У тебя вон голос сиплым стал — ты же его сорвал. И орешь, и орешь... Поори-ка еще раз на Мишку, я тебе поорю...

Разговор, начавшийся так безобидно, неожиданно принял серьезный оборот. Возможно, Аршан и Шорец сговорились и разыграли как по нотам. Во всяком случае я от них жалоб на бри-

гадира не слышал. Значит, все-таки заговор? Это интересно. А может, все вылилось стихийно, накипело, как говорят. Мне-то Горбунов нравился. А что кричит на меня... Что же поделаешь. У меня на самом деле не все получается, как надо. И я не хотел быть яблоком раздора.

— Аршан, не надо за меня «мазу держать», — сказал я ему. — Сам за себя постою, когда потребуется...

Горбунов как-то растерянно посмотрел на каждого из нас. Видно было, что он чувствует себя виноватым.

— Каждого предупреждаю о трудностях, когда приглашаю в бригаду, — сказал он и поджал тонкие, злые губы. — Кому не нравится — скатертью дорога...

— Ну так мне не нравится, — поднялся Шорец. — Такие деньги я в любом цехе заработаю. Везде сантехники нужны. Тем более нашей квалификации.

— И я уйду, — встал Аршан и подошел к Шорцу. — Хватит, Игнат, сыт по горло...

Аршан и Шорец посмотрели на меня. Возможно, от моего решения зависело многое, коли они не уходят, ждут моего слова. Горбунов тоскливо смотрел куда-то в пространство. Я медлил. Ребята стояли. Да, Горбунов был сейчас неправ. Нельзя так вот просто сказать товарищу, с которым работает бок о бок не один день, чтобы катился к чертовой бабушке.

— И я с вами, — решительно сказал я. — Не прав ты, Игнат, что гонишь нас...

— Не гоню, Миша, дорогой ты мой... Беспредельно! — воскликнул Горбунов. — Хватит, ребята, дурачиться, всему есть предел. И меня понять надо: нервы-то у меня не железные. Надо работать, время идет...

Горбунов отвернулся, сгорбился. Мне стало жалко его. Аршан подошел к нему, хлопнул по плечу, попросил:

— Игнат, покажи-ка наряд...

Горбунов встрепенулся, быстро вынул из бокового кармана фуфайки наряд, подал Аршану. Мы подошли.

— Вот видишь, Игнат, а на демонтаж старой линии наряда нет. Значит, полдня бесплатно работали? Как же так получается? И это уже не первый раз. Ребята, — повернулся он к нам, — а зачем нам-то уходить? Бригадир-то у нас неграмотный, вся бригада против его, пусть и уходит...

— Мастер сказал, что старой линии нет. Но она есть. Мы все видели. И начальство мартена в курсе. Вечером перепишу наряд, — сказал Горбунов растерянно. — И никакой крамолы тут нет. Перепишу...

— Вечером будет поздно. Работа будет сделана, и мы проглотим то, что нам подадут. Знаю я эту бухгалтерию. Иди сейчас, а мы подождем... Ты предварительно должен был сходить и посмотреть объект. Или послать кого-нибудь из нас. Наряд надо показывать всем. Положено...

— Вы что, не верите мне, — сверкнул глазами Горбунов. — Сказал, что вечером переделаю наряд. Или не быть мне бригадиром. Признаю, моя ошибка. И спецмолоко будет! Полезли...

Инициатива перешла к Горбунову. Он действовал решительно и напористо. Вот поэтому-то он мне и нравится.

— Миша, подавай трубы. Шорец, принимай и бросай нам...

Я кинулся за трубой. В душе радуюсь, что все обошлось благополучно, что ЧП не произошло. Я просто полюбил этих ребят, и мне очень не хотелось расставаться с ними.

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

Я подошел к санчасти первого мартена. Открываю дверь, вхожу в приемную. У стола сидит Таня в белом

халатике. Лицо полненькое, а строго как смотрит, мать честная, а сама-то какая важная, умора! Окинула меня Таня снизу вверх — с грязных керзачей до замасленных комбинезона и кепи, сказала:

— Вы заболели? У вас температура? Возьмите градусник...

Она встала из-за стола как-то неуклюже, направилась ко мне. Боже мой, что это такое делается! Совсем недавно я глаз не мог отвести от ее фигурки, а сейчас куда все подевалось?

— На черта мне твой градусник, Таня! — воскликнул я. — Просто поболтать зашел. Мы тут газопровод тянем. А ты чего такая?

— Мишка! Дурачок ты мой, ха-ха... — всплеснула руками Таня (хотя она изменилась внешне, но в остальном осталась прежней). — А я тебя не узнала, фу-ты, какой страшненький в этой робе. Проходи-ка, милый Мартын, к столу. Вот так, садись да не прячь свои глазки-голубоглазки... Что, не нравлюсь я тебе такая? Ничего, Миша, это дело временное. Вот выражу ребеночка, и опять на себя походить буду.

Она неожиданно замолчала, поскучилась, отвернулась к окну. Я гляжу на нее во все глаза, и разные мысли витают у меня в голове. Значит, Таня вышла замуж, а мы и не знали. Алька-то, дурак, телился, такую девчонку кому-то уступил. Вот почему Алька в последнее время нас, друзей, избегает, ходит хмурый. В школе на перемене издали махнет рукой, и пошел в свой класс. Конечно, Таня его «пнула». Алька-то еще в армии служить. После десятилетки в институт поедет. Подумала Таня, подумала, да и «пнула». Вот Алька и запереживал. А нам, друзьям, ничего не говорит. Стыдно ему, что Таня его бросила. Гордый он. И мне стало обидно за друга, говорю Тане:

— Не ожидал от тебя... Алька-то позеленел весь. Жалко мне его. И тебя жалко. Вы же любите друг друга. Знаю, знаю... Скажи, за кого хоть вышла? Наверно, за какого-нибудь инженерика. Вы ведь все такие: из-за диплома на кого угодно повеситесь...

— Дурачок ты Мишка, — в сердцах сказала Таня. — Если бы не знала тебя, то обиделась бы. Надул меня Алька. Уж обещал, уж распинаясь: в медовый месяц за границу поедem, хорошо жить будем. А как узнал, что я забеременела... Если пойдешь к отцу, говорит, то совсем от тебя откажусь. А у меня и в мыслях ничего такого не было. Почему я должна к его отцу идти? Я сама во всем виновата. Как подумаю об этом — стыдобушка! Представь себе, Миша, захожу я к председателю завкома, говорю: «Иван Александрович, ваш сын Алька скоро папой будет...», а сама пузо вперед — на, председатель, любуйся, твоего сына дело. Нет, Миша, я не такая. Пусть все к черту летит... И любовь, и все...

— Не может быть, — прошептал я, ошеломленный. — Не верю я, Тань.

— В кого ты, Мишка, такой? И хватишь в жизни горя! Ты как ребенок: не верю... Пора мужать, Миша. Твои-то друзья далеко от тебя ушли... Вот послушай.

Таня взяла мою руку, прижала к своему животу, и я ладошкой ощутил легкие толчки.

— Слышишь, ребеночек бьется, — улыбнулась Таня. — Да не красней, честное слово, беда мне с тобой...

— Не верю я, Таня, — сказал я с мольбой в голосе. — Насчет Альки не верю. Друг он мне...

— Уходи, Миша, надоел ты мне, — устало проговорила Таня.

Я поспешно попрощался, мигom выскочил из санчасти. Не помню, как прибежал в свой цех, помылся, оделся в чистое, выбежал из цеха. Проходящая, туннель, трамвай — все промель-

кнуло, как в калейдоскопе. Да, надо с Алькой поговорить по-мужски... Правда, по-мужски я еще ни разу не говорил и не знал, как начинать. Может, сразу в лицо бросить обвинение: негодяй, обманщик... Или начать издалека, привести пример из классики, но как нарочно ничего в голову не приходило.

Вот и Алькин дом. У пельменной стоит телефонная будка. Захожу в нее, звоню. Я знаю, что Алька сейчас дома: сегодня в школу. Так и есть. Алька мне отвечает:

— Слушаю... А, это ты, Мишель! (Ужасно, сколько мне Алька имен напридумывал). — Заходи... я один дома.

— Алька, мне некогда. Выйди во во двор... Для мужского разговора. В квартире неудобно, сам должен понимать — вдруг папаша нагрянет?

Я вешаю трубку, иду во двор, в садик. Вокруг зеленые кустарники и деревья. Листья уже распустились, но через ветви еще видно окна дома, но ничего, терпимо. Появился Алька, в шерстяном спортивном костюме и в кедах.

— Что случилось, Мартын? — спросил он.

— Ребенок твой? — спрашиваю я неожиданно для себя и, как мне кажется, для самого Альки. — Таня мне все рассказала.

— Ах, вон ты о чем, Мишель, ха-ха... — засмеялся Алька. — Болтушка она, так и скажи ей. А ребенок не мой.

Но я сразу понял по тому, как смеялся Алька, что врет он, процедил сквозь зубы:

— Врешь, псина, ребенок твой — по глазам вижу, — я поднялся со скамьи. — Кобель ты... Теперь-то я убедился, что ты — трепач и трус...

— Не мой ребенок, честно, — угрюмо сказал Алька и сделал шаг назад. — И не обзывайся, я хук правой

здорово отработал — сразу ляжешь.

— Я тебе сейчас шею сверну, — выставил я кулаки. — Ты со своим хуком бледный вид иметь будешь...

— Убери лапы, Мартын, хватит шутить. Еще не хватало, чтобы такие друзья, как мы, взаправду подрались, — сказал Алька серьезно и первый опустил руки. — Мой ребенок, мой, успокойся...

Алька неожиданно замолчал, расслабленно опустился на скамейку.

— Но, знаешь, не надо... Чего ты, мальчишка, понимаешь во всем этом? Запутался я...

Смотрю на него растерянно: как запутался, почему запутался? А раньше-то чего думал?

Вдруг Алька вскочил, зло крикнул мне в лицо:

— И вообще, не вмешивайся! Это наше дело, как-нибудь сами разберемся. Давай, Мишель, катись-ка ты отсюда...

Алька повернулся и ушел. Я ничего не понимал. Стоял и смотрел ему вслед, пока он не скрылся в подъезде. Мужской разговор не получился. Мне было не по себе.

ЧП

Меня и Шорца послали в рельсопрокатный цех исправить газовую линию. Где-то была утечка — барахлил наш прибор — и нам было дано задание скорее найти повреждение. Мы надели каски, на плечи повесили сумки с противогазами, взяли ведро, кусок мыла, кисть, набрали немало разного инструмента и пошли. Если на нас посмотреть со стороны, то ни за что не догадаться, кто мы такие...

Мы налили в ведро воды, развели мыло и спустились в колодец. Из него начинался узкий туннель. Мы идем по туннелю и промазываем кистью трубу, которая прикреплена к бетонной стене. Шорец ворчит:

— Эту линию сделал Горбунов. Нет бы самому пойти сюда. Он тут каждый закоулочек знает...

Мы мажем горячую трубу. Вода моментально превращается в пар. Мыло подгорает, издавая неприятный запах. Мы надеваем противогазы. Соединения — муфты, уголки и тройники — смазываем особенно тщательно. В туннеле жарко, как в парной. Сверху сыплется горячая окалина. Я уже мокрый с головы до ног. Рубашку и комбинезон хоть выжимай. А еще эти противогазы. Задохнуться можно. В глазах темно, в висках постукивает. Шорец остановился, склонился над муфтой, мазнул кистью. Поднялся пар и появился мыльный пузырек. Мы мажем еще и еще. Пузыри растут быстро и тут же лопаются. В чугунной муфте трещина. Была бы стальная, можно было бы зубилом «зачеканить» трещину. А чугунная — тронь ее — расколется. Надо идти дальше, до конца. Возможно, впереди еще есть чугунные муфты. Будем менять все. Все равно отключать теперь линию.

Вдруг Шорец запнулся, упал. Я жду, когда он встанет, но Шорец лежит. Я переворачиваю его вверх лицом. Глаза закрыты, лицо потемнело. «Газку хлебнул, — мелькнула мысль. — С противогазом что-то...» Я быстро подхватываю Шорца под мышки и тащу назад. Тяжел, однако, детина. У меня сердце готово выскочить из груди. Хорошо хоть отошли недалеко. Вот и колодец. Тут прохладно, газа нет. Снимаю с себя и с Шорца противогазы. Высовываюсь из колодца, вижу вальцовщика Витьку, кричу ему, машу каской. Витька увидел, показывает на меня ребятам, что-то говорит, бросает щипцы и бежит ко мне.

Я ныряю обратно в колодец, склоняюсь над Шорцем. Витька уже здесь. Он поднимает грузноватого Шорца и лезет вверх. Я подталкиваю снизу.

...Я сижу в санчасти. Шорец лежит

на кушетке с кислородной подушкой.
— Состояние тяжелое... — тихо говорит сестра.

Я заплакал. Вошли мужчины. Сестра гладит меня по голове, говорит:

— Не плачь, мальчик. Скажи лучше, как его фамилия...

— Шо-орец, — отвечаю.

— Сейчас приедут из КИПа, — сказал один из вошедших. — Начальник цеха Панченко сообщил, что на объект ушли двое — Илья Сумароков и Михаил Мартынов. Первый — опытный работник, второй — ученик.

— Как тебя звать? — спросил важный мужчина.

— Мишка я, Мартынов.

— А твоего товарища?

— Шорец...

— Возможно, с ними был и третий. Ищите Сумарокова, — сказал важный мужчина и всех как ветром выдуло из санчасти.

Приехали наш Панченко и главный инженер. Прибежал Горбунов и Аршан. Вернулись люди, посланные, как оказалось, начальником рельсопрокатного цеха. Они сказали, что спасатели прошли всю трассу, но Сумарокова не нашли.

— Его искать и не надо, — прояснил Горбунов. — Он перед вами, на кушетке...

Меня выдворили из санчасти. Я сидел на пороге и размазывал по лицу слезы. Аршан мельтешил около меня:

— Ты одурел, Мишка? Расскажешь наконец как было дело? Нам это важно, понимаешь, важно... Фамилию Шорца забыл, дурак, всех запутал.

Аршан был растерянный, бледный. Да и все были встревожены и удручены случившимся. ЧП в цехе КИП и автоматики. Такого еще не было. Из санчасти выскочил Горбунов, обнял Аршана, расцеловал меня.

— Очнулся, ожил Илья! — воскликнул Горбунов. — Как я рад! Беспредельно...

Вздых облегчения. Аршан был мрачным — не отошел еще. Горбунов, наоборот, как-то неестественно возбужден — сильно перенервничал. Я заметил, что Горбунов назвал не Шорцем, как обычно, а Ильей. Когда мы уходили в мойку, Аршан сказал:

— Слава богу, Илья выкарабкался.

И я сказал тоже:

— Илья-то... Он не подведет...

И все-таки, несмотря на благоприятный для начальства исход, это было ЧП. Горбунов получил выговор, а мастера старика сняли с работы. Бригадира наказали за то, что поставил когда-то чугунные муфты на газовую линию вместо стальных. А мастера — за все остальное.

ДОМА

С работы я пришел чертовски усталый. Сажу за столом и смотрю безучастно, как мама наливает мне борщ в тарелку, затем ставит ее передо мной, режет хлеб. А у меня аппетита нет. Перед глазами жаркий и узкий туннель. Вот Илья падает, и я тащу его. Всего-то двадцать пять — тридцать метров, но каких! Я переживаю все пройденные метры заново, и мне, как ни странно, становится страшно. А вдруг бы я растерялся, промедлил, и Сумарокова бы не стало. А если бы я сам не выдержал, когда тащил — сил бы не хватило — и меня бы не стало... У меня подрагивают пальцы рук, я изо всех сил стараюсь не разреветься. Мне становится жалко всех — маму, Илью и себя.

Мама сразу заметила мое состояние.

— Тебе тяжело, Миша, хороший мой, тяжело? — спрашивает она, берет мою голову и прижимает к себе. — Я вижу, что тяжело. Чем я могу помочь, Миша, скажи мне?.. Не надо было, наверно, уходить от Монсарова?

Я беру ложку. И всегда, когда мне

тяжело, а мама пожалеет меня — успокаиваюсь.

Поел, вылез из-за стола, пошел в комнату. Снял с полки книгу — роман «Даурия». Этот роман я взял в городской библиотеке. Его читает весь наш сорокаквартирный дом. За две недели книга превратилась в мочало. И сегодня наверняка кто-нибудь придет и попросит почитать.

В моем распоряжении два часа. Полчаса — на чтение романа, и полтора часа на учебники. Сегодня в школу. Мама пойдет в ночную смену. Я лежу с книгой на кровати. В комнату заходит мама, садится на свою кровать напротив, берется за вязание.

А мне не читается. Думаю о том, что правильно, что не рассказал маме о сегодняшней смене. Она бы сильно расстроилась. Она работает в ОТК железнодорожного цеха. Вот где я ни разу не был. Часто мечтаю о том, чтобы посмотреть на маму в рабочей обстановке. Как она выглядит, что делает. Думаю, встану где-нибудь в створке и буду наблюдать. Но в этот цех мы не ходим — нашей бригаде в нем делать нечего. Цех подсобный, не «горячий», и в нем наших приборов нет.

Я кладу книгу на пол, закрываю глаза и мгновенно засыпаю. Мама будит меня, я вновь беру книгу, но мама говорит:

— А в школу? Не идти, что ли?..

Как это не идти. Я смотрю на часы. Батюшки! Спал ровно два часа, а я думал, что минут пять. Поднимаюсь, начинаю собираться. А как не хочется, боже мой! Хочется броситься на постель и спрятать голову под подушку.

У СУМАРОКОВА

Через несколько дней я пришел к Илье. Кое-как нашел его лачугу. Она совсем затерялась среди больших зда-

ний. Вокруг траншеи, навалены кучи земли, кирпича и щебня.

Илья сидел под яблонькой перед мольбертом и рисовал. Он был в белой рубашке. Я прошел через огород, подкрался сзади и заглянул ему через плечо. Илья рисовал свой подслеповатый домишко, на который со всех сторон наступали девяти- и двенадцатиэтажные дома. На холсте я увидел вечер и молодость старого города, и этот умирающий домик. Илья почувствовал мое дыхание у себя за спиной, резко повернулся.

— Мишка! Напугал ты меня!.. — воскликнул Илья, положил кисти на стол, пожал мне руку. — Здравствуй. А я так увлекся. На днях должны снести дом, и я спешу нарисовать его с натуры. Поэтому и живу еще в доме. Мне тут на пару дней работы. Жена с дочкой уже перебрались в новую двухкомнатную квартиру. У меня здесь почти ничего и не осталось. Кровать, этажерка да картины. Идем, посмотрим...

Мы прошли маленькую верандочку, вошли, согнувшись, в дом. Везде грязь и запустенье. Кухонка крохотная, затем комната, которая была единственной в этом печальном доме. Все стены были завешены картинами. Несколько картин, написанных красками, были о нашей бригаде. Вот Горбунов в шапке-ушанке с кожаным верхом, в фуфайке, подпоясанный широким монтажным поясом. Бригадир нарисован на фоне разрушенной домны. Лицо у него суровое. Я гляжу на него и вижу, какие у него тонкие, можно сказать, женские черты лица, острый, прямой нос, глаза большие, а взгляд стремительный. Горбунов красивый, а я не замечал этого раньше. В углу картины вязью написано четверостишие.

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжок: учитель уж больно суров!
До седни я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

Я не мог понять смысловой связи между портретом и четверостишьем, но спрашивать у Ильи не стал. Он мне не объясняет, значит, так надо.

Аршан был такой же, как всегда. Гнет «уточку». Лицо небритое, шапка сбилась, фуфайка расстегнута, во рту папироса. Рубаха-парень, одним словом.

Гляжу я на себя — и похож, и нет. Стою с кувалдой, как с палицей. Широкоплечий, приземистый, будто богатырь Алеша Попович, одетый в комбинезон. Из-под берета космы торчат. А лицо мальчишеское. Растерянное и робкое. Портрет мне понравился, значительно лучше, чем фотография, которая хранится у Альки.

Илья снял со стены портрет и написал угольком: «На память Мишке». Поставил дату, расписался и подал мне.

— Возьми свой портрет. Вижу, что он тебе понравился. И я рад. Вообще твои картины никому не дарю. Эх, Миша, я тебе обязан! Приходи-ка на новоселье. Через пару дней в это же время. Адрес: Ворошилова, 50—15. И почаще заходи. Вот что, давай породнимся. Моей дочери десятый годик пошел, тебе восемнадцатый. Отслужишь в армии, закончишь учебу, и отдам за тебя дочь. А что, лучшего зятя и не сыскать. Ей-то, Аленке, ты понравишься, уж я ручаюсь...

Я обалдел от его слов, смутился и поспешил перевести разговор на другое.

— И скажешь тоже... Илья, мне твои картины нравятся. Я в этом деле профан, но мне они как обыкновенному человеку нравятся. Почему бы тебе выставку не сделать. У меня друг Алька участвовал в выставке фотографии, получил грамоту... А ты, гляжу, настоящий художник, поэт еще. А чего ты все темнил про эстафету — по сто да по двести — противно слушать было...

— Бывали у меня дни беспокойные, — улыбнулся Илья. — Человек — не робот. — Смуглое лицо Ильи стало добродушным. — Рисую для себя. Чтобы со скуки не сдуреть. Была, Миша, у меня мечта голубая, не сбылась. Четверо братьев и сестер воспитывал, обучал и одевал. Все хочу съездить к отцу в Смоленск да посмотреть, как подлецы выглядят... А стихи, Миша, не мои. Омара Хайяма.

Илья взял с этажерки маленькую книжечку, подал мне, сказал:

— Возьми себе. Мне уже ни к чему... Ну, Миша, спасибо, что навещал, — заторопился Илья, стал снимать со стен картины и складывать на пол. — Привет нашим. Спасибо начальству за путевку. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Съезжу в Сочи и — на работу. Поживу еще с недельку в новой квартире. С женой договорился — одну комнату под мастерскую.

Мы пожали друг другу руки. Илья проводил меня за калитку. Я пошел в темноту, прижимая к себе портрет, который мне понравился. И умеет же Илья одним мазком сделать лицо живым и приятным. Да, живопись — это тебе, Алька, не фотография.

И НАС ОСТАЛОСЬ ТРОЕ...

И вновь июнь. За год произошло несколько событий. Я закончил восьмой класс, Витька — девятый, Алька, соответственно, десятый. А Генка в девятый не перешел. Еще в октябре прошлого года в коридоре школы был вывешен приказ, в котором говорилось, что Геннадий Губоров исключается из школы за подделку свидетельства об окончании седьмого класса. Помню, что приезжал его отец на блестящей легковушке, заходил к директрисе. В результате Генке разрешили с нового учебного года сдавать экзамены за

шестой класс. Но Генка сказал, что ему на эту древнюю школу наплевать, что тренер обещал пристроить его в физкультурный техникум, только играй, Генка, да забивай голов побольше.

Но главное-то событие заключалось в том, что Алька расписался с Таней. Когда мы вышли из загса, Алька расхохотался, сунул небрежно паспорта в карман пиджака, сказал развязно:

— Это потрясно... Танюха, у меня в портфеле фата, может, наденешь?..

— Перестань паясничать, Алька, — сказала Таня. — Витя и Миша, берите Аленьку за белые ручки и ведите в такси. Шофер, бедненький, нас ждался. Поедем мы к дорогому папочке, а то сыночек так и не сказал ему обо мне. Хорош сыночек.

— Алька, не жмись, давай коньяк, ты обещал, — сказал Витька. — Хряпнем для смелости. И я твоего папы что-то побаиваюсь. Хотя и профбюрократ твой папа, а зря ты так: по-человечески надо было. В общем, я беру портфель, а ты, горе-жених, бери невесту под руку, Миша, пристраивайся справа, я — замыкаю.

Мы направились к такси. Какой-то мужик, заметив, что мы вышли из загса, крикнул:

— Эй, парень, смотри не растраши ее. До дому не довезешь...

Алька, не оборачиваясь, сказал:

— Витек, догони и дай хаму пендаля своим сорок девятым...

— Не отвлекайся на посторонние предметы, — ответил Витька. — Наша задача — штурмовать папашу...

Мы сели в такси. Витька, завладевший портфелем, достал вторую бутылку шампанского (первую мы распили в загсе), посмотрел на нее, сунул обратно. Затем он вытянул бутылку коньяка, сорвал пробку. Я пить наотрез отказался. Мне к Генке надо идти. Он пригласил меня на пикник, за город,

Альку и Витьку он не пригласил. И вообще Генка стал чего-то от нас отказываться. Мы его видели очень редко. В цехе он почти не бывал — команда перешла на круглогодичную тренировку. Иногда я видел его в заводоуправлении, около кассы, когда он получал зарплату. У него, конечно, появились новые друзья, и ему было не до нас. И потом Генка злился на Альку за то, что тот увел у него Таню. Витька же при случае всегда Генку заводит: «Генка, ты в ворота СКА не забил ни одного гола. Лучше бы ты в Новосибирск не ездил. И Таню проездил...»

Мы доехали до Алькиного дома, вылезли из машины и вошли в подъезд. Поднялись на второй этаж, стали полукругом около двери. Алька позвонил. Открыла Маргарита Васильевна, полная женщины, миловидная, в переднике — видно, готовит обед. Это не родная мать Альки, а мачеха. Мне кажется, что слово это какое-то противеньское, и впервые я услышал его от Альки. Маргарита Васильевна отступила в глубь огромного коридора, как бы приглашая нас войти.

— Маргарита Васильевна, — сказал Алька, — познакомьтесь — моя жена Таня...

— Ах, ах!.. Ох-хох!.. — завздыхала Маргарита Васильевна, схватилась за сердце.

Появился Иван Александрович, крупный, в подтяжках. Рубашка белая, шелковая, с галстуком — работал, наверно, у себя в кабинете. Он разглядывал Таню, стоявшую впереди, Альку, который небрежно держал дымящуюся папиросу в зубах. Руки у него были в карманах. Он чуть привалился к стене, постукивал подошвой туфли о пол. Витькины кулаки в карманы не влезали, и он держал их перед собой.

Первой пришла в себя Маргарита Васильевна.

— Вот она, современная молодежь! — закричала она, наступая на Таню.

— Не надо, Маргоша, — сказал Иван Александрович, поморщился, положил руку на плечо жены, и она сразу сделалась меньше ростом, отступила. — Витя, Миша, — продолжал Иван Александрович, — можете идти. А мы тут по-семейному. Значит, если не ошибаюсь, передо мной моя невестка?.. Так, сын? Вынь-ка папиросу, когда с тобой говорит старший, не ломайся. Веди себя прилично — глава семьи, завтра отцом будешь...

Иван Александрович взял Таню под руку, повел в свой кабинет. Алька завихлял за ними. У дверей он остановился, сказал, обращаясь к нам:

— Ребята, все в ажуре — он достал паспорта, похлопал ими о ладонь, добавил, но не для нас, а для Маргариты Васильевны: — Против этого никуда не попрушь...

Мы вышли из квартиры. Спустились по лестнице вниз, вывалились из подъезда на улицу.

— Уф! — сказал Витька. — Одного пристроили. Считай, что нас осталось трое. А если вычесть неполноценного Генку-дубаря, то полноценных осталось двое. Ты куда сейчас кости кинешь?

Я понимал, что с уходом Альки — этого мозгового центра — братство наше распалось окончательно.

— Иду к Генке. Едем за город, на природу...

Витька посмотрел на голубое небо, яркое солнце, сказал:

— И я с тобой... Возьмем бутылку на всякий случай. Может, в последний раз вместе соберемся.

Мы пересекли садик и вышли на проспект Энтузиастов, вошли в гастронорм. Генка жил на Школьной, напротив Дворца. За десять минут мы дошли до его дома. Я крикнул:

— Генка! Я здесь!..

— Дубарь, отзовись! — заорал Витька, и Генка пулей вылетел на балкон. — Чего ты не отзываешься? Привык резину тянуть... Лучше бы в Новосибирск не ездил...

— Дома я, дома! — заговорил Генка. — Не надо орать, не надо...

Мы пошли к нему в квартиру. Он нас встретил на пороге. Три комнаты были заполнены гостями. В центре внимания были две Генкины сестры. Обе молоденькие, красивые, как говорят, кровь с молоком. Иринка подлетела к нам, защебетала: «И вы, ребята, с нами. Как сегодня будет весело, как будет хорошо...» Она зацепила Витьку и потащила на балкон. Вторая сестра Наташа даже не посмотрела в мою сторону. Вот к Альке бы она подошла. Алька ей нравится.

Мы прошли с Генкой в комнату, сели на диван. Я рассказал ему о загсе, о том, как мы «пристроили» Альку.

— Потеряли человека! — воскликнул Генка. — Наташа, плачь, Алька с Таней расписались... Прощай, Питер, и все прочее. Теперь заочное отделение Сибирского металлургического. Вот уж какой он вуз ненавидит... И на черта он связался с ней? Я сразу понял, что она себе на уме. Когда я с ней ходил, мы были здесь. Она тут раскомандовалась: диван выбросим, шкаф новый поставим, это — туда, другое — сюда, то да се, бэ да мэ... Нет, думаю, мне в футбол играть надо, по городам поездить. В армию осенью возьмут. Мне места в Хабаровском и в Новосибирском СКА приготовили. На мой выбор...

Зазвенел телефон. Генка подошел к столу, взял трубку.

— Хорошо, папа, выходим...

Это звонил, как я понял, Генкин папа, начальник автобазы. Генка крикнул, что сейчас подойдет автобус. Все стали собирать свои сумки и авоськи, поднялись и дружно пошли на улицу.

ОТЪЕЗД

Я пришел с работы домой в прекрасном настроении: как же, справился с заданием самостоятельно. Сам Горбунов остался мною доволен. Мама встретила меня с заплаканным лицом, подает мне повестку. Читаю мельком: «...Явиться с вещами в школу № 8... при себе иметь...» Я не скрывал своей радости и очень удивился, что мама не разделяет ее со мной. И когда я увидел, что мама плачет, умерил свой восторг.

— Не плачь, мама. Через три года вернусь, — сказал я и обнял ее. — Все равно меня бы призвали — не в этом году, так в том.

Итак, надо собираться. Я достал чемоданчик, стал укладывать в него вещички. Мама сказала, что сделает это сама. Она уже не плакала, была серьезна и сосредоточенна. Я пошел на улицу, чтобы позвонить Альке: давненько не видел его. Как он там, жентик?

— Как дела, Альк, почему не даешь о себе знать? — спросил я.

— Ты чего, Мишка, не звонишь, паразит несчастный. Ты у меня хук правой заработаешь, да, заработаешь. Телефон мой забыл? Беги скорее ко мне, идем в роддом к Тане. Сын у меня родился неделю назад. Быстро ко мне, я на передачу иду.

Я повесил трубку, побежал по своей Куйбышевской, мимо рынка, пересек Курако, и вот улица Кирова. Всего-то триста метров от моего дома до Алькиного. Алька стоит под аркой. Увидел меня, махнул своей серой кепкой. Мне даже смешно стало: стоит под аркой, как в футбольных воротах. Я pinaю в него катыш, кричу: «Лови!..» Мы идем в роддом. Алька хвалится:

— Четыре кило потянул. Хочу Юджином назвать...

— Это не имя, а фамилия... Американская, — сказал я и фыркнул.

Мы подошли к большому зданию, попали внутрь его через боковую дверь и оказались в тесной комнате. Здесь было много народу. Мы протиснулись к окошечку. Алька выложил на поднос свои свертки, сверху положил большое письмо. Я взял карандаш, лист бумаги и написал записку: «Здравствуй, Таня! Поздравляю тебя с рождением сына, желаю вам крепкого здоровья. Тань, а меня в армию призывают. Через три дня уезжаю. Миша».

Алька прочел мою записку, хмыкнул:

— Вот балда, чего же раньше не сказал...

Молоденькая девушка унесла передачу и наши письма, а мы сели на стулья и стали ждать ответы.

— Генку берут, — сказал Алька после минутного молчания. — Пойдем к нему. К Витьке не поедом — пока в Точирино доберешься, время потеряешь. Я ему позвоню на работу.

Тут вернулась девушка, подала нам ответы, мило улыбнулась, взяла новый поднос и скрылась. Это было первое в моей жизни письмо, полученное от женщины. Я с непонятным волнением раскрыл его, стал читать: «Здравствуй, Миша! Спасибо, что навестил. Чувствую себя хорошо. Олечка ужасный крикун, ужасно жадный — от груди не могут оторвать; сестра забирает его от меня, а он сердится, кричит.

Значит, уезжаешь, покидаешь нас. И мне, и Альке так будет не хватать тебя. Мы все будем скучать по тебе, дядя Миша! Думаю, что к твоему отъезду меня отпустят домой, так что приду провожать. Целую тебя в твои розовые пухленькие губки. Таня».

Алька потянулся ко мне за письмом, но я спрятал его. С какой стати я отдам ему письмо, которое предназначено мне?

Мы вышли из роддома. Идем медленно. Вечер прекрасный. Много лю-

дей гуляют по проспектам Metallургов и Энтузиастов. Из горсада слышится музыка.

— А ты говорил, что Юджином называешь, — сказал я, нарушив тишину.

Алька был какой-то задумчивый, не веселый. Или он не рад, что сын у него? Или обиделся, что я не дал ему почитать Танино письмо? Нет, что-то Алька захандрил.

— Да это я так, дурачился, — сказал Алька серьезно. — Олег все же лучше. Мишк, пойдем в кабак. События у нас вон какие! Вас в армию призывают, у меня сын родился. Отметить надо. Положено! Позвоним Генке, скажем, что мы в ресторане, что заняли на него место. Быстро прибежит...

Мы вошли в ресторан, нашли свободный столик, так как было еще рано. Заказали на троих. Столик наш стоял у эстрады. Четвертый стул Алька убрал, чтобы к нам не подсел посторонний.

— Не люблю, когда посторонние, — сказал Алька. — Ни о чем поговорить нельзя. Пей и жри молча — не могу я так. Столов поставили — и по пять-шесть стульев. Им надо план выполнять, а нам какое удобство. Жаль, нет Витьки...

Мы выпили по две рюмки, закусили, а Генки все не было, хотя он с восторгом прокричал в трубку, что будет через десять-пятнадцать минут. Прошло сорок! Когда мы выпили по третьей, докончили пиво, появился Генка. И не один. С ним была его сестра Наташа. Так вот почему Генка так долго собирался! Ах, что тут стало с Алькой. Ок закрутился волчком, забегал — принес стул, нашел официантку и сделал новый заказ, подбежал к оркестрантам и заказал музыку. Генка кивнул мне, и мы поднялись, пошли в туалет...

— Я не виноват, — начал Генка, когда мы вышли из зала. — Вы позвонили, а Наташка была у телефона, все

слышала. Ну и привязалась. Ты же знаешь, у них была любовь...

Что поделаешь, как тут сердиться на Генку. Тем более, что Альке понравилось, что пришла Наташа, он повеселел. Ну и пусть!

— А чего, собственно, произошло особенного? Разве мы не друзья? Разве мы не имеем права отметить события? — сказал я.

— О чем разговор, Миша, — поддакнул мне Генка. — Имеем, друзья мы.

Однако на душе у меня было неспокойно. Когда мы вернулись в зал, Алька с Наташей покатывались со смеху. Как выяснилось, они рассказывали друг другу анекдоты. Алька налил всем по рюмке, произнес тост за дружбу. Мы выпили. Генку и Наташу Алька заставил выпить по «штрафной». Генка сразу вцепился в мою пуговицу на пиджаке, начал вертеть и говорить:

— Веду я волдырь по правому краю, смещаюсь к центру, и бью левой под перекладину. Военком говорит (это мне передали после игры): «Этот парень через неделю будет играть в новосибирском СКА...» Буду служить рядом с домом. Ребята из СКА уже были у меня дома. Посидели, поговорили. Ждут меня... А ты куда призываешься? Не знаешь, ну и дела. Пойдем сегодня в школу, найдем сержанта, он нам все скажет.

— Получится ли, скажет ли, — механически говорю я, а сам краешком глаза наблюдаю за танцующими Алькой и Наташей. Они не смеялись. Они были серьезны. Почти одинакового роста. Высокие, стройные, мускулистые (Наташа баскетболистка). Наташа в ситцевом платье с вырезом. Длинные белокурые волосы, которые так нравились мне, закрывали ей спину. И бог ты мой, Наташа положила на Алькино плечо свою красивую головку, и Алька остороженько поцеловал ее в шею. Ну и дела! И вдруг я понял мно-

тое, и сердце у меня сильно застучало. А как же Таня с Олежкой? Что же это такое получается?

— Пойдем, узнаем, куда твоя команда направляется, в каких войсках ты будешь служить, в каком городе, — сказал Генка и потянул меня за рукав. — Оставим их. Третий лишний, знаешь? Кладем на стол полста и убираемся...

Мне ничего не оставалось, как подяться и пойти за Генкой. Мы вышли с ним на улицу. Какая теплая ночь! Звезды на небе горят ярко. Мы вышли на проспект Metallургов, пересекли его, дошли до горбатого моста и свернули направо, к школе. Здесь, в саду, вповалку спали призывники. Скамейки тоже были заняты. Где-то пиликала гармошка, слышался девичий смешок.

Мы зашли в школу. Дневальный пропустил нас в зал, который был тускло освещен. На полу спали ребята и на сцене спали. Ступить некуда. Настоящее сонное царство иногородних призывников. Появился сержант. Генка поздоровался, назвал номер моей команды...

— Радиотехнические войска, отправляетесь через три дня, к десяти часам утра на вокзал. Прошу не опаздывать.

Мы вышли из школы. Ему-то, Генке, хорошо — он будет служить рядом с домом. А вот какво мне... Господи, как долго я никого не увижу. Тоска сдавила мне грудь. Мы идем по проспекту, останавливаемся на Театральной площади. Генке надо налево, на свою Школьную. Я вижу его дом — длинное, серое здание. Мне надо направо. Смотрим друг на друга и молчим. Чувствую, что это наша последняя с ним встреча. Хочу обнять Генку.

— Ладно, Миша, ладно. Ты чего это так расчувствовался? Как девчонка. Ты, Миша, выпил лишку. Давай, держи лапу и жми домой. Прощай, Миша!..

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ СО МНОЙ?

Колонна двигалась на вокзал. Иду в конце колонны, первым в шеренге. Мама идет рядом. В воздухе сплошной галдеж. Не слышно, что говорит мой сосед в строю. По обеим сторонам проспекта выстроились люди. Многие провожают колонну.

Молоточки стучат в моих висках; людей, дома, деревья, небо — все это вижу, как во сне. Спотыкаюсь, чуть ли не падаю, и мама поддерживает меня под руку. К тому же мои глаза застилают слезы. Мне стыдно, и я низко опускаю голову, чтобы никто не заметил моего состояния. Ничего не говорю, не отвечаю на мамины вопросы — и сам не могу понять — что же случилось со мной? Ведь было так весело, так радостно, когда получил повестку... И вдруг я услышал знакомый голос, которого так ждал, и даже себе боялся признаться в этом:

— Миша, дорогой мой мальчик...

Таня подбежала ко мне, поцеловала в щеку, прошептала:

— Миша, а Миш, ну не надо, не надо так. Будь мужчиной, Миш. Гляди молодцом, ну гляди же...

У меня немножко отлегло, и я поднял голову. Алька шел рядом, улыбался во все лицо.

— Привет, Миша! Как самочувствие? — спросил он. — А куда вы тогда с Генкой смылись? А мы с Наташкой здорово побалдели...

«Шалопай Алька, — подумал я. — За него переживаешь, а он «побалдели»...

Колонна начала втягиваться в вокзал, Таню и маму отеснили от меня. Я крикнул:

— Буду писать, Тань, можно? Мне больше некому писать...

Хотел сказать, что у меня нет девушки, которой бы я мог писать, но постеснялся — вокруг народ, засмеются.

Таня поняла меня, слышался ее звонкий голосок:

— Пиши, Мишенька, пиши!..

Началась посадка. Я вошел в вагон и бросился к окну. Все окна уже были облеплены призывниками. Прорываюсь то в одно купе, то в другое, и везде то же самое — нигде не могу найти свободного места. Мама, Таня, Алька и, возможно, Витька с Генкой, ребята с работы — на перроне. Мне надо их увидеть, надо. Отчаявшись, пытаюсь оттащить одного, второго, третьего призывника от окна; от меня отбиваются руками и ногами. Всем

хочется глядеть на перрон! Бегу назад, в тамбур, но и здесь проход занят. Как мне не везет! Слезы наконец хлынули из моих глаз. Я уже не боюсь, что меня увидят плачущим, и до меня ли сейчас всем остальным! А тут еще и поезд тронулся. Какое тут к черту стеснение!

— До свидания, Таня! — кричу во всю силу своих легких. — Я тебе напишу-у-у!..

И, будто услышав меня, паровоз отозвался протяжно:

— У-у-у, а-а-а...

ЛЕТОПИСЬ СОЗИДАНИЯ

В апреле 1929 года Высший Совет Народного Хозяйства утвердил технический проект Кузнецкого металлургического завода, а в июне комсомольская бригада транспортников начала прокладку подъездных путей к заводской площадке и достройку моста через реку Кондому.

«Котлован первой домны начали копать в апреле 1930 года. Землю рвали динамитом, — вспоминал первый строитель завода академик Иван Павлович Бардин. — Она взлетала ввысь черными фонтанами и нехотя медленно опускалась на площадку».

Человек с лопатой был в ту пору ведущей фигурой на всех площадках великой стройки от горношорских рудников и до Урала. На Кузнецкстрое славилась высоким темпом труда бригада Андрея Филиппова. Каждый землекоп выбрасывал из котлована за смену до 70 кубометров грунта. Трудным, говорят, всегда бывает начало. На каждом шагу строителям при-

ходилось вступать в единоборство и с суровой сибирской природой. Нелегко было жить в палатках и дощатых бараках в лютые морозы, переносить пургу. А на этот раз и весна не обрадовала. Едва только на Томи тронулся лед, как начались ливневые дожди. Речки вышли из берегов, и над площадкой нависла угроза затопления котлованов. И строители дружно ринулись на борьбу со стихией.

«Среди них, — вспоминал Иван Павлович Бардин, — были каменщики и землекопы, те, кто вчера еще не хотел работать, помогаясь побольше сорвать со строительства. А сегодня те же люди, не щадя и не помня себя, с яростью бросились отстаивать стройку от наводнения. Те забываемые дни, те тревожные ночи, фантастически освещенные луной, и зрелище людей, работающих до изнеможения, проплывают в моей памяти».

Первого мая 1930 г. был заложен фундамент первой домны, а через 605 дней героического труда — 2 апре-

ля 1932 года — все центральные газеты вышли с аншлагом: «Слушай, великая пролетарская страна: есть кузнецкий металл!»

64-тонный слиток чугуна первой плавки был впечатляющей строкой в летописи социализма.

В эти дни на Кузнецкой земле в невиданных масштабах шло строительство угольных предприятий: в Прокопьевске, Киселевске, Ленинске-Кузнецком. В Кемерове возводились корпуса энергохимкомбината, в долинах Кондомы и Ини прокладывались железнодорожные пути, на таежных просеках поднимались мачты высоковольток.

За четыре года первой пятилетки в бассейне было построено и введено в эксплуатацию 24 шахты и штольни, оснащенных новой техникой, преимущественно на подземной транспортировке угля и подъемах.

Во второй пятилетке Кузбасс стремительно наращивал темпы производства черных и цветных металлов, угля, кокса, химпродуктов, машин и оборудования, строительных материалов.

За два пятилетия выпуск промышленной продукции увеличился в 32 раза. Кузбасс стал пятым промышленным центром страны. В бассейне насчитывалось уже девять городов, в которых проживало 55 процентов населения края.

В канун Великой Отечественной войны Кузбасс представлял собой мощный угольно-металлургический комплекс, на базе которого успешно развивались крупные центры машиностроения и металлообработки в городах Новосибирске, Омске и Красноярске.

Леонид Березин

Таволга

Не пижма, не коневник,
Как в сотах мед,
Цветет белоголовник,
Цветет, цветет.
Жужжат шмели тяжелые,
Мураш и тот
Спешит по стеблю желтому:
Ах, сладок мед!
Долину понадречную
И склон горы
Фатою подвенечною
Июль укрыл.
Тайга медовым запахом
Напоена,
И каждой травкой маленькой
Пьяным-пьяна.

Ах, таволга, ах, таволга,
В звенящий зной
Припала к сердцу надолго
Ты белизной.
Люблю тебя, о Родина!
В моей крови,
Гляди, заколородили
Меда твои.
Их из души не вытеснить,
Не захмелев.
Какую песню выпеснить,
Какой напев?
Чтоб людям долго-надолго —
Из-под пера.
...Белоголовник-таволга —
Моя пора.

В. Воронину

Под гитару пел я с чувством.
Стыли рюмки на столе.
И ценил мое искусство
Друг в единственном числе.

Наплывали мысли роем,
На душе стоял рассвет,
А годков-то нам обоим,
Посчитай, под сотню лет.

Пусть под сотню! Ну и что же.
Но за это хороши,

Вполовину нас моложе,
Лились песни от души.

И гитара, ох, как смело!
Песням вписываясь в лад,
Так залиvisto звенела,
Будто много лет назад.

И у друга невесомо
Из-под челочки седой
Бил из глаз огонь веселый,
Молодой-премолодой.

Тайга

Умолк пугливый витютень,
По дуплам белка цокот прячет.
В тайге стреляют целый день,
И каждый выстрел что-то значит.
Тайга,
Ненастится огнем
Твое волшебное величье.
Становишься ты день за днем
И беззвериньей и бесптичьей.
Теряешь ты черты лица.
Не хлебом стала, а полóвой,
Нельзя поскольку без конца
Для всех быть дойною коровой.
В тебя порой, как на редут,
Идут
И, средств не выбирая,
Стригут,

По-всякому стригут:
и поперек,
и вдоль, и с края.

Тайга,
Любви великой дрожь
В твоей запрятана природе.
Ты от болезней сбережешь
И от несчастий загородишь!
Люблю я глушь твоей тиши,
Люблю шмелиные спектакли.
Здесь родники моей души
Не пересохли, не иссякли.
И музыки, чем птичий гам,
Милей не надо мне,
О люди!
Давайте в лес входить мы будем,
Как в старину входили в храм.

Бродит в поле ночью тихой
Сенокосная пора.
С Ритой — нашей поварихой —
Мы сидели у костра.

Не сказать, что я отчаянный.
С детства скромником я жил.
Руку будто бы нечаянно
Ей на плечи положил.

Прошептать бы Рите: «Миленький», —
Но она, ни дать ни взять,
Обласкала подзатыльником
И ушла в палатку спать.

И от этой от затрешины
Стало просто мне невмочь...
За костром я, как за женщиной,
Проухаживал всю ночь.

Владимир Коньков

РЯБИНА У КРЫЛЬЦА

Дмитрий Константинович все наказывал:

— Ты не вздумай без меня картошку копать. Знаю тебя, хлопотунью. Погода вон какая! Мелочь добирай. Морковку подергай. А за картошку не берись, слышишь? К субботе непременно возвернусь.

Так он наказывал уже от калитки. Наталья с вечера мыла полы, выскоблила голиком и плахи, проложенные от крыльца к заплоту.

— Гляди мне тут, — слегка толкнув Наталью в тугой бок, шутливо сострожилс Дмитрий Константинович. — Гляди!

На нем было длинное против теперешней моды серое габардиновое пальто и серая же фетровая шляпа. В одной руке сетка с гостинцами — к внуку на день рождения собрался, — в другой — толстая полированная сучковатая трость фабричной работы. По домашним делам когда управлялся, то всегда пользовался своей, самодельной. Без палки уж годов пятнадцать как не ходит, по травме из шахты вывели.

Но хоть и хром, от чего сильно горбится в спине, Дмитрий Константинович выглядит бодро и как-то осанисто. И уж никак не дать ему шестидесяти пяти, особенно когда вот таким франтом вырядится.

— А ты и не спеши. Чего тебе торопиться, Константиныч, — Наталья пристально оглядывает его, обирая с пальто чуть приметные не то ниточки, не то пушинки, — коли будут принимать хорошо, ну и гости. Хозяйство-то не велико, управлюсь...

Ее круглое, со вздернутым носиком лицо румяно. Она в фуфайке, в стоптанных полуботинках на босу ногу. Полные короткие икры красно обдало холодом, до инея выбелившим огородную зелень.

— Шла бы в избу, а то вот и ноги как в огне, еще и застудишься, — говорит Константинович, легонько подталкивая ее.

— Да что мне станется, — улыбается Наталья, — я от мороза как та рябина, только слаще!

— Да и то! — смеется Константиныч и, быстро нагнувшись, — против него Наталья вовсе коротышка, — целует ее.

Из-за калитки опять оборотился:

— К обеду в субботу жди.

Дмитрий Константинович оглянулся с моста. Наталья стояла уже на крыльце на фоне сенок, желтеющих в утренней голубой светлости, узорчато лежали на тесовой крыше оранжевые гроздья рябины.

Маленьким прутиком посадил Дмитрий Константинович дерево в год рож-

дения сына. Она почему-то высоко в рост не пошла, раскинулась, расщепилась, и ветки только что в дверь не лезут.

Оглянулся Константиныч, но махать не стал, как раз сосед Григорий Лишаков окликнул:

— В гости, Константиныч, в Междуречье? А что это ты без молодой-то, али Генке мачеха не по нутру?

— А что он мне за указ, Генка? — Дмитрий Константинович чуть замедлил шаг. — Хозяйство, сам знаешь, не бросишь.

— Это верно, — подтвердил Григорий. — Ее, холеру, скотину, тоже кормить надо. — Он явно был настроен на разговор, подошел совсем близко к забору. Но Дмитрий Константинович сделал вид, что не заметил этого, и прибавил шаг.

Сын Геннадий прислал письмо: дескать, внуку твоему, Дмитрию Оськину, исполняется десять лет, посему ждет он деда в гости. Так и написал: деда. Вот и собрался Константиныч в Междуреченск, где живет Геннадий, он там горным мастером на шахте. Было это во вторник, поутру.

А в субботу Наталья к обеду наварила борща, испекла пирог с рыбой, в магазин палтуса привезли, а Константиныч очень уж любил, когда она рыбный пирог пекла. Часа в три стала затапливать баню. Печь Константиныч недавно переделал сам, новый бачок вмазал. Часа через два баня уже готова была. Наталья и корму задала курам и поросенку пораньше, и в избе прибралась. Глянет на часы, а уж четыре, пять, шесть...

Часов до восьми она все подтапливала баню. Потом поняла, что не придет он сегодня. Топила она баню и в воскресенье к вечеру. Только Дмитрий Константинович и в воскресенье не приехал. А утром в понедельник, часов в одиннадцать, появился сын его, Геннадий Дмитриевич.

Наталья была в избе, когда услышала, как затыкала строго Жучка. Вышла на крыльцо и не признала было гостя. Виделись они один-два раза. Она прикрикнула на Жучку, бросила в нее попавшей под руку палкой, та забилась под крыльцо и все рычала.

— Здравствуйте, — сказал Геннадий Дмитриевич, когда поднялся на крыльцо. Зашли в дом. Наталья молчала. Гость тоже молчал, потом, все стоя у порога, объявил:

— Похоронили мы в субботу отца. В среду умер. Сердце. В субботу похоронили. — Он прошел и сел на табуретку. А Наталья с удивлением и непониманием смотрела на него. Руки только к груди подняла, стояла и глядела на сидящего за столом в светлом плаще мужчину. Молчали.

— Чисто у вас, — глядя на пол, сказал Геннадий Дмитриевич. Потом шляпу, что держал на коленях, положил на стол.

— Как же вы это так? — только и спросила Наталья и все смотрела на Геннадия Дмитриевича. Ноздри его широкого, большого отцовского носа приметно шевелились. Единственно, что и произнесла. Не поднимая головы, гость с нескрываемой досадой произнес в ответ:

— Да вы сядьте, чего уж теперь... — и, забрав со стола шляпу, стал вертеть ее в руках, стряхивая невидимые пылинки...

— Разделись бы, Геннадий Дмитриевич, — тихо пригласила Наталья. — А я тут сейчас. — Она медленно пошла из комнаты, осторожно притворила дверь.

Геннадий Дмитриевич перестал тереть шляпу и стал оглядываться вокруг. С тех пор, как он был здесь последний раз, полгода назад, ничего не изменилось. Все было по-прежнему.

Шкаф на стене между печкой и кухонным, отцовской работы, столом. Ручкомойник около узкой отгородки возле двери.

Новое — только занавески на окнах, раньше их не было. Геннадий Дмитриевич привстал, протянул руку, в тесноте тут и подниматься с табуретки не стоило, и чуть приподнял занавеску. И в горнице ничего не изменилось как будто. Прямо против двери, над комодом, на котором стоял телевизор, висел портрет молодых отца с матерью. И все-таки что-то было в горнице от нее, этой чужой ненавистной женщины, с которой он приехал рассчитывать раз и навсегда. И за свой позор, что пришлось пережить в последний приезд, и за смерть отца, ибо был уверен Геннадий Дмитриевич, если бы не Наталья, — он и имени-то ее не мог произносить без злобы — то жить бы да жить старику.

А позор вышел на всю Родниковую. На Родниковой тайн не бывает. У кого что ни случись, все равно, как ветром по логам разнесет, от старого террикона до Коровьего лога все узнают. Вот и в тот раз. Еще и до дому не дошел Геннадий, а про новость уже наслышался.

Он приехал с женой и Димкой проведать старика да еще попытаться уговорить его все-таки продать избу и переехать в Междуречье. А тут видите: понавез дед ящиков из-под консервов, поразбивал их и принялся старую избу обшивать. Одна стенка у него уже готова была, а сенцы и вовсе новым тесом перебрал.

— Ты чего это, тятя? — поинтересовался Геннадий после того, как они поздоровались и закурили на крыльце. — Тут мне про тебя прямо анекдоты рассказывают! Я тебя все к себе жду. Пора и избу уж продавать, очередь на машину подходит! И вообще — один старик! Я сестре Юльке написал, а у тебя, говорят, медовый месяц? Это

как же понимать, тятя?

— Так и понимать, что не твоего это ума дело, сынок. Приехали, ну и, пожалуйста, гостями в дом...

— Да она же нашей Юльки моложе, папаша, — поддержала Геннадия сноха. — Прошлым летом, помните, как ее Поздничиха гоняла по всем трем Родниковым улицам? Да если бы одна Поздничиха... Честное слово, вы меня простите, но это уже ни в какие ворота... Люди аж у магазина встречают: «Свихнулся ваш дед. Наташку в дом взял!»

При этих словах и увидел впервые Геннадий Наталью на пороге отцовского дома. Двери растворились, и женщина встала, как в рамке. Невысокая, красивая. Она слышала, все слышала, это было видно по лицу, круглые щеки которого полыхали сдерживаемым гневом. Сказала же тихо, без улыбки, с достоинством:

— Звал бы, Константиныч, гостей в дом. Чего на ветру-то держать. — И пошла в дом, не закрыв дверь.

Старик дверь притворил и строго сказал:

— Наталья мне по закону жена. Расписались. В мачехи вам не навязываю. Но обижать не допущу...

Настырность отцовскую Геннадий еще с детства знал. Помнил даже, как вместе с матерью отцу на шахту «тормозки» носили. Однажды отец почти двое суток не поднимался из забоя, чинил мотор. Слесари не могли, видно, ничего поделывать, вот он и взялся им доказать.

Мать тогда всю ночь проплакала, глаз не сомкнула. Чуть свет его, Генку, за руку и через гору по лесу — так быстрее, на шахту. И всю дорогу почти бегом да все в слезах, глядя на нее и Генка ревел. А на шахте успокоили: «Живой ваш Оськин, только сказал, пока не запустит мотор, на-гора не выйдет». На своем и настоял, «тормозки» ему со сменой передавали. И

дома все по-отцовски всегда было. Но ругани никакой. Может, мать с ним ладить умела, а может, и сам он. В доме всегда тихо было, скучновато, но тихо и, наверное, между ними даже дружно. Они все вместе делали. И даже по ягоду, Геннадий и то помнит, по землянику ходили вместе...

А теперь смотрит он на портрет над комодом. Прямо на него глядят отец и мать. И тут неожиданно подумалось Геннадию Дмитриевичу, что ведь, в сущности, их он как следует и не знал.

В тот приезд, уже сидя за столом, — а Наталья оказалась мастерицей готовить — он не утерпел и опять завел разговор, только уже о матери. От обиды, что в их доме хозяйствует какая-то разбитная молодайка.

— Соседям-то не стыдно в глаза глядеть? Вы с матерью сколько? Почти сорок лет прожили, внуки вон какие, а ты, значит, в память о ней любовницу заводишь? Ей, поди, над тобой старым потеха, помрет, думает, мне все и останется! Ты глухой, слепой, что ли? Значит, мать всю жизнь спину гнула со скотиной и огородом, нас растила, тебя обихаживала, а теперь это в приданое прелестной твоей барышне? Она тебе еще покажет, вон какая! Ядреная!

И все это при ней, при Наталье. Зря не зря, а вот сказал. Рубанул кулаком по столу старик, все ж-таки была в нем силенка; как рубанул, стаканы на пол, тарелки вверх дном. Ноздри раздулись, глазищи выпучили:

— Ты, — говорит, — подлец, за чьим столом сидишь?

А Наталья встала, подошла, руку ему на плечо положила и тихо, все она тихо, говорит:

— Не шуми, Константиныч, не шуми. Это же не Геннадий Дмитриевич говорит, это же все водка. А ты не шуми, вредно тебе, знаешь, так и сердце недолго надорвать... Давайте-

ка еще по маленькой за приезд гостей и за здоровье.

Так и утихомирила старика, а то бы драка неминуема. Наутро Геннадий Дмитриевич со всей семьей уехал молча. С тех пор и не бывал. А вот и пришло. В ostatний раз, только уж теперь и без матери и без отца.

Сидит он один в избе. Вот вернулась и Наталья. Глаза красные. Плакала. Однако голос ровный, без дрожи:

— Чего же вы не разденетесь, Геннадий Дмитриевич? Да в горницу проходите.

Она на своем настояла. Геннадию в горнице не сиделось. Раздвинул занавески в кухню, где Наталья хлопотала около печи.

— Выйду, покурю, — сказал он. Потому что все никак не мог подступить к разговору, ради которого приехал. Эта Наталья вежливость, какое-то ее смирение все сбивали его с толку.

— Чего уж, — остановила она его. — Отец всегда в избе дымил. Вон и запас его, — она указала на печной приступок. — «Приму» все я брала никак не меньше двадцати пачек на раз. Мама ваша покойница, отец говорил, так же покупала.

Геннадию Дмитриевичу вспомнилось, что действительно у отца всегда на этом печном приступке лежали сигареты. Вот только какие, он этого не замечал.

— Григорий Лешаков, сосед, знаете? Спрашивал: чего это, говорит, Генка прикатил без Дмитрия? Ну я и сказала ему, — Наталья от печи не обернулась и говорила вроде бы винясь. — В субботу обязательно возворчусь, сказал. — И не утерпела. Отвернулась к печке, подняла фартук и стала утирать слезы, говоря: — Так что вы уж покурите в избе, Геннадий Дмитриевич, покурите...

Тут Григорий Лешаков со своей Клавдией вошли в избу.

— Вот так, значит, — вместо привет-

ствия сказал Григорий, а Клавдия то-ропливо перекрестилась и добавила:

— Царство тебе небесное, Митрий Константинович...

Наталья уткнулась в фартук, Сквозь слезы проговорила:

— Проходите в горницу.

Пришли еще соседи: Петр Табаков с женой. И изба уже полная. Геннадий Дмитриевич рассказывал, как приехал отец. Как с Димкой они в шашки играли, как по городу гуляли, на скульптуру оленя ходили смотреть, потом на реку, даже в ресторан «Бельсу» заходили пиво пить. Старик бодро выглядел.

— Бодро, бодро! — подтвердил Лешаков. — Силенок в нем еще было. Нынче мне на покосе помогал. А говорил, помню, когда лежал прошлой зимой в больнице, что у него картиграмма обнаружилась плохая. Сердце, как вроде, надорвано.

— Да вить, вот же мы с ним собирались печь у меня перебрать, — вставил Петр. — Вот дед, а! — удивился он, как будто сосед его невесть что отчебучил.

Про то, что Наталью не оповестили, никто не заговаривал. А она на стол стала собирать,ставляла посуду, вилки, хлеб. Разлили в рюмки.

— Вот к баньке купила, — виновато сказала Наталья и провела рукой по косам, — и платка-то черного нету. Говорил в субботу возворчусь, непременно. А вышло за упокой, Дмитрий Константинович. — Она посмотрела на фотографию над телевизором, и все поглядела. Молодо и строго из рамки глядели Оськины.

— Анна-то его, — сказала Клавдия, — тоже легко, от сердца же померла...

— Максим Завьялов не знает, — сказал Лешаков. — Они же еще по гражданской знакомы, в Кузнецке в чоне вместе были. Митрий все рассказывал, как они банду в Кузедееве кон-

чали. Бывало, подопьет как, об чем бы ни говорили, а он на свое, на одно поворотит...

Поминал, поминал покойный молодые годы. В Тополинск, на шахту Оськин приехал из Кузнецка, демобилизованный по ранению. Приехал с женой Анной. Она в Кузнецке по нянкам жила. Случалось, и в Нардом с ребенком, она в нянках служила, прибегала: Дмитрий в буденовке ходил, портупея через плечо. Прослышал, в Тополинске рудник открывается, дело новое, интересное. Он всегда решал: один раз и — точка. Поцеловал Дмитрий Анну впервые однажды по вечерней темноте за церковью, когда они возвращались из Нардома.

— Я на шахты еду. Поедешь со мной? — спросил он девчонку.

— Поеду, — тоже решительная была. Надоело чужие пеленки стирать. С тем и порешили. И оказалась она говоруньей неумолчной, доброй хозяйкой, женой внимательной, чтоб ласковой шибко, не скажешь, но всегда уважительной, всегда помощница, всегда рядом. Может быть, и таила что свое, а может, и сразу привыкла к тому, что мужнино слово первое. Только в дому было заведено так: как скажет отец, тому и быть. Раз только у них крупная размолвка вышла. Незадолго до того, как ей помереть.

Геннадий Дмитриевич приехал и объявил, что решил он от Галки своей уйти. Они там, в Междуречье, и жили. Дмитрий Константинович круто с сыном поговорил. Дескать, сводить вас никто не сводил, а вот теперь, когда двоих детей нарожали, оказывается, не подходите друг другу.

Мать вступилась за Геннадия. Тут они и повздорили.

— Не любит она его, понимаешь? — внушала мужу Анна, когда они вечером сидели на крылечке. Летние вечера всегда так проводили. Дотемна до самого, после дел всех, сядут на

верхнюю ступеньку и сидят. Дмитрий Константинович курит, Анна разговоры ведет.

— Жалко мне его. Чем с нелюбовью маяться, так уж лучше и совсем одному.

— Это что же за штука такая, любовь, по-твоему? — спросил Дмитрий Константинович. — Распустились вот и все тут. А дети причем? Вот ты с утра до вечера топчешься по хозяйству, и про любовь думать некогда. А может, тоже маешься?

— А чего про нее думать, про любовь? На ней душа человеческая и держится, — сказала Анна. Сказала как-то жалостливо. Не на судьбу в оглядке, а вроде, как неудержанный вздох, что стеснение в груди облегчает, вырвался. — Голова да сердце не в ладу живут. В церкву я тут ходила, ты уж не сердчай, — продолжала Анна. — С Никитишной ходили. Поплакали, об Геночке бога просила. Может, и пособит. Ладу бы в его жизни надо. Ладу бы...

Видать, дошли материны молитвы до бога. Геннадий Дмитриевич по-прежнему живет со своей Галиной. Мать уже давно похоронили, и отца вот — в чужом городе.

Лешаков все-таки спросил:

— А что, Гена, отца-то бы сюда привезть. С матерью бы рядом пожить? — И все на Наталью посмотрели. А она на всех и опустила голову виновато. А Геннадий Дмитриевич сказал:

— Юлька, сестра, не захотела. Мы ее телеграммой вызвали. В Тополинске, говорит, никого наших не осталось. А у нас хоть будет кому на могилку сходить..

Замолчали за столом. Клавдия Лешакова поднялась. Встал и Григорий, за ним и другие соседи. Клавдия вдруг обняла Наталью, и заплакали они навзрыд, громко, как только бабы и умеют плакать. Остальные все вышли из

избы. На крыльце Григорий спросил:

— Дом-то неуж этой верхивостке?

— Это еще с каких калачей? — удивился Геннадий Дмитриевич. — Она, можно сказать, его в гроб вогнала. Да лучше спалить. Я вот и приехал по этому делу.

— И то правильно, — Григорий понимающе покачал головой. — Ей что, дело молодое, завтра хахаля приведет. Мало их у нее тут.

— И как старик такое учудил? — то ли удивился, то ли спросил Геннадий Дмитриевич.

— А это у них с прошлой зимы началось. Он тогда в больнице, помнишь, лежал долго. — Григорий полез в карман за папиросой. — А она тут приглядывала по хозяйству.

...Было так. Весь январь Дмитрий Константинович пробыл в больнице. Перед тем, как лечь, упросил он соседскую квартирантку Наталью, молодую, лет сорока, шуструю толстушку, похозяйничать без него. Работала она уборщицей в местном магазине. Говорят, была замужем. А по нынешним временам жила эта рыжая с косой вокруг головы, на лицо симпатичная бабенка в свое удовольствие. Рассказывали, что и выпить не пропустит, и мужиков уж на всех трех Родниковых перебаламутила.

В обиходе же была она проста и обходительна, за что старики, хозяева ее, очень уважали. Они-то и надумали Дмитрия Константиновича попросить ее доглядеть по дому.

Несколько раз с передачей в больницу приходила, домашней еды приносила. Хозяйство она вела исправно.

В этом убедился Дмитрий Константинович, когда из больницы выписался. Наталья в тот вечер и ужин готовила. Нажарила картошки, достала огурцов из подпола. От денег за работу отказалась. Мол, самому пригодятся, а за бутылкой, за красненьким, сходила. Константинович полстакана и

выпил. Он уж давно себя удерживать стал. А Наталья весело предупредила:

— Ты мне, Константиныч, уж цельный наливай. И так жизнь половинчатая!

Была она в коричневом безрукавом платье, с лица светлая, румяная, головка аккуратная, все будто клонится на длинной шее...

— И то правда, Наталья... — сказал Дмитрий Константинович, — ты все в балахоне этом своим на людях, а поглядеть — баба ты ягодка...

— Только рыжая! — весело рассмеялась та, поднимая стакан.

— Ну что, что рыжая. Зато сердечная и вон какая справная, а жизни, верно, нету...

— Не скажи, Константиныч, не скажи. От мужиков, что ли не знаешь, не пройтись. Да взять, и сосед твой Петька, — смеется Наталья. — За твоё выздоровление и с возвращением! — Медленно она выпила стакан, степенно на стол поставила. Взяла вилку, наколола на нее кусочек огурца.

— Веселая ты, — Константиныч с удовольствием ел картошку. — Заскучал я по домашнему варёву. От научной диеты кишки чуть не слиплись. — И неожиданно, без перехода, видимо, много думал об этом, сказал: — Генка в последний раз писал. Хватит, говорит, людей смешить и нас позорить. Приеду и заберу. Целую комнату обещает отдать. У него палаты большие и этаж низкий — второй... Избу продадим, деньги, говорит, на твою книжку положим, нам они без надобности. Рассудил все как есть...

Дмитрий Константинович снова налил в стаканы.

— И верно, Константиныч, чего тебе бобыльничать? Был бы сирота. А то ведь и внуки есть, — заметила Наталья. — Хотя ты и с виду, конечно, еще справный, но одному-то сладко ли? Как вот она завоет, заметет, а?

Константиныч ладонью пригладил

волосы. Они у него белые-белые, но густые, торчком торчат, как в детстве.

— Оно, соседка, не нами придувано-отмеряно. У всякого своя радость. Генке — тому машину надо. Юлька с зятем в за границу собирается. А у тебя опять радость: Петькиной Вальке досадить. Она бабенка, верно, злая, но уж ты бы ее пожалела, ведь трое же у них...

— Да на кой ляд, он мне, ваш Петька, сдался, горе мое, — у Натальи от гнева даже слезы выступили и по округлости щек румянец пошел. — Да я его же дальше порога и не пускала никогда, а вот за то, что она на всю улицу меня позорит, ей не спущу, повоеет она у меня. Коли я одна и слова некому сказать, так, значит, и вали все, что ни попало? Да я, может, чище их — замужних. Был у меня такой свой Петька, в один миг рассчитала... Ох, и липучие вы, собачье племя, мужики! — рассмеялась Наталья, и гнева как не бывало. — Хирург ваш-то вовсе хирурвичик. Образованный, при жене и — туда же... Может, во мне и впрямь сладость особая?

Наталья распалилась, смеется весело, голос напевный. И вдруг умолкла. Склонила голову, долго смотрела на скатерку и, точно разглядев что-то, провела по ней ладошкой, будто вытирая, а потом рукой как все равно паутину отвела с лица, улыбнулась себе, откинула назад свою рыжекосую голову и Константинычу с улыбкой:

— В голове шумит. Давай песни петь, а? — И тихонько завела: «Что стоишь качаясь, горькая рябина»...

Подпевал и Дмитрий Константинович, смолodu он был не мастак на песни, поэтому шибко не выпячивался, басил потихоньку, что называется, за компанию.

Затявкала Жучка, потом радостно завизжала, кто-то громко потолкался на крыльце, и вот позади белого клуба,

закрутившегося в открытых дверях, оказался широкоплечий мужчина в фуфайке и без шапки.

— С возвращением, Константиныч, — обрадованно зашумел он. — Я своей говорю, у деда следы вроде как мужские во дворе, видать, не иначе оклемался наш сосед, не помер еще, — визгливо хохотнул мужчина, прошел и сел прямо к столу, — она и говорит, — а может, это твоя сучка кобеля привела. Это, Наташка, про тебя, значит, — он опять весело взвизгнул. — Ох и стервы же вы друг на дружку, бабы...

— Ты тоже хороший гусь, — Наталья сказала без обиды, — я вот ей, твоей дорогой, еще косы-то расчесу... Ладно, скидайвай свою фуфайку, садись к столу. — Она встала. Около печки, в простенке, висел посудный шкафчик, Наталья достала стакан, вилку. Поставила все это перед гостем.

— Ну, спасибочки! — развеселился совсем Петр. — Спасибочки! Ну, наливай.

Жучка вновь гавкнула, и на этот раз вместе с белесыми всполохами морозного воздуха, в избу вскочила маленькая женская фигурка.

— Сбежались, голубчики? — не поздоровавшись, спросила она.

— Здравствуй, соседка! — поднялся из-за стола Константиныч. Высокий, худощавый, он чуть не подпирал потолок. — Проходи, гостей будешь, — и захромал навстречу. Избы-то всей и было шага три...

— Нет уж, спасибочки, гостите сами. А ты, кобель, домой не показывайся! — последние слова она прокричала, уже открыв дверь. Потом хлопнула ею так, что даже закачалась лампа над столом. И долго еще по полу тянуло холодом, остужая начавшееся было веселье.

— Ну, Петька, — только и посочувствовал хозяин, доставая пачку «Примы».

— И мне пора, Константиныч, спа-

сибо за хлеб-соль, — поднялась Наталья. Она стала собирать со стола.

— Оставь, чего уж, — Дмитрий Константинович тоже встал. — Поди не без рук. — И он, припадая на правую ногу, захромал вокруг стола. — И так тебе спасибо, в избе-то хоть живым пахнет.

— Да сядь ты, сядь! — Наталья взяла его за плечи и усадила на свое место. Руки ее всего на момент один и прикоснулись, а Дмитрий Константинович сквозь рубаху почувал их непривычное тепло и ласковую мягкость. Обдало Константиныча жаром. А Наталья уже поставила на стол большую чашку, из чайника плеснула кипятку, почерпнула ковшиком из бачка холодной, вылила опять в чашку воду и принялась мыть посуду. Все у нее выходило складно, быстро, а она еще и приговаривала:

— Не надсадилась поди. По-соседски как не помочь. А ты, Константиныч, и правда ездая бы к сыну. Он у тебя хороший, сноха ученая и обходительная. В магазине я заметила, обходительного человека всегда видно. «У нас, — она говорит, — папаша только индийский чай любит...» Да и то сказать — семья она и есть семья...

Потом повернулась резко так, платье туго на высокой груди натянулось, засмеялась:

— Пошли, кавалер? — это она Петру. — Или женушку испугаешься?

— Чего это я пугаться буду? — бодрился тот, — правда, я без шапки.

— А тебе Константиныч даст. Найдется старенькая, Константиныч? — на лице ее улыбка. Говорит, а глаза с Петра не сводит. И словно разговор от них, от этих глаз идет, слова не те, что Наталья вслух произносит, а другие — бесстыжие и ласковые. На Петра Константинычу и глядеть страшно стало. А Наталья уж в свою фуфайку облачилась. Тут Дмитрий Константинович спохватился.

— Погоди-ка, соседушка, сей секунду. — Он прохромал в горницу, там загремел ящик комода. Долго искать ему не пришлось. — Вот! — Вернувшись к гостям, показал он большой — черный с красными цветами — шерстяной платок. — Тебе, Наташа, возьми. Его Анна всего ничего и носила. Моим девкам без надобности, немодный, а чего ему лежать. Возьми, примерь-ка. Примерь. — Он с такой настойчивостью упрасивал, как будто боялся отказа. Наталья даже слова против не сказала. Движением привычным и быстрым она накинула платок на голову, туго обернув один конец вокруг шеи, и молча повернулась к Константинычу. Серьезно, чуть ли не строго глядела. Куда и игривость, и смешливость пропали. Случается такое: вдруг, ненароком, раскроется человек, и окажется неожиданно всю ясность и красоту свою.

— Ну и носи на здоровье, — сказал Константиныч. — А ты, Петр, и впрямь надень мой треух, завтра занесешь. — Он показал рукой на вешалку. — Неровен час, и уши отморозишь...

Стоит сосед Григорий с Геннадием на крыльце, Григорий оглянулся с опаской на дверь. Они остались вдвоем, Табаковы ушли, и доверительно, вполголоса, почти шепотом, заговорил:

— Это у них, Дмитрич, зимой и случись.

Геннадию Дмитриевичу стало не по себе. Вспомнился ему последний приезд и разговор с отцом, припомнилось и то, что ни в какой командировке зимой он не был. Просто не знал об отцовской болезни. Переписываться они не привыкли, так, открытки к празднику жена посылала, а тут чего-то у них самих дома не ладилось и, видно, забыли. Обидным и за себя, а больше всего за память о матери считал он стариковскую блажь... Они и строили вдвоем этот дом, прожили в нем всю

жизнь — и вот! Он, Геннадий, зовет же отца к себе, комнату отдельную отдает, в конце концов квартиру разменять можно, на его четырехкомнатную охотников всегда найдется. И зачем сдалась отцу эта бабенка? Эта вертлявая толстушка, что на целых два года моложе сестры Юльки?

...Дом Дмитрий Константинович построил тогда, когда рядом еще ни одного соседа не было. И будили его с Анной летом поутру птичьего голоса, а зимой метелицы... Они с женой сами выбирали это место, в ту пору километрах в пяти от города и шахты. Сюда по ягоду ходили, косили вокруг траву. И не пугало, что до шахты далеко, зато привольно. Ребятишки, как зверята, круглый год на выпасах. Пили воду из родников, обедались саранками, пучками, мешками колбу таскали. Генка с малолетства вместе с отцом на зайца да лисиц охотился. Кузнецкие родственники, приезжавшие летом, откушавши Нюшиной рябиновой настойки, громко и от души всегда хвалили стол и место жительства, но обязательно выговаривали за отдаленность.

Теперь этот дом самый старый на Родниковой улице. Их, к слову, уже целых три, Родниковых-то. Дома по логам и вверх по горе огромные, кирпичные, многие с полуподвалами, с мезонинами. Шахтеры основательно ставят дома. А дом Оськиных, что у самого подножия сейчас уже лысого перепаханного бугра, будто от бугра этого и цвет перенял, так его бревна потемнели, да и к земле пригнулся некогда высокой крышей, и его два окна смотрят в улицу из-за потрескавшихся наличников.

Уж после того, как дочь Юлька вышла замуж и уехала, надумали вдруг Константиныч с Анной за земляникой сходить. Им пришлось идти через лог, застроенный домами, потом через вырубленную, перепаханную рошу,

спускаться к дальнему перелеску. До ягодников так и не дошли. Устали. Посидели около родника, он теперь как раз над дорогой оказался, что по косягу легла, и возвратились домой...

...А сейчас на крыльце старого дома Лешаков все дымил папиросой и всё в подробности отцовской женитьбы Геннадия Дмитриевича посвящал:

— Ты же ее тоже, может, знаешь? Она уж лет как пять у нас проживает. Бабенка, вишь, складная, ну, вертикастка одним словом. Видать, приметила, что старик долго не протянет, и повадилась: постирать да прибрать... Глядь и вовсе перебралась в избу. «Ты, — говорил я, — соседка, никак спятил? Оберет как липку, да еще и самого выгонит, на кой она тебе ляд, когда ты уж и не мужик вовсе?» Это я его аккورات после сенокоса тем летом спрашивал. Он мне сено помогал косить. Ну, когда за столом-то сидим опосля, я и говорю:

— Неуж сила в тебе мужицкая такую-то бабу иметь? И знаешь, что он объявил? Все ж он, должно быть, уж и тогда маленько на голову слабел. Мы, говорит, вчера по ягоду с Наташей — это с ней, значит, — показал через плечо на дверь Лешаков, — ходили. — А верно, потому что пришел я его позвать, а во дворе одна Жучка. Еще подумал — и куда его унесло? То с утра все стучал топором. Видал, дом-то как обновил, вроде сто лет жить собирался? Вот и говорит — ходили мы по ягоду. А это знаешь теперь где? Аж во втором перелеске, может, помнишь? Константиныч и говорит, прошли за пашни, а там опять бугры зеленые да березы и земляника-ягода. А сам смеется весело, думаю, от бражки, может, охмелел, а он — чудно так и говорит. Я, говорит, вот последнее время все смерти боялся. Закопают, думал, и зачем же мне эта пустота? А пустота, оказывается, во мне, внутри, жила. Ну а теперь вот и не жалко помирать. Это

как, говорит, на покосе. Понял? Из кринки напьешься досыта, аж за шиворот потечет. Все пил бы и пил.

А Геннадий Дмитриевич думал о том, что совсем об отце, о его жизни не знал он ничего. Не знал и не узнает никогда о том, как сошелся старик с этой молодойкой. Да, собственно, зачем ему все это? И удивляется Геннадий Дмитриевич, отчего бы соседу Григорию помнить? Будто знал, что пригодится ему все это.

— А вообще-то отец твой мужик был мировой, уважал его народ. Очень уважал... — продолжает Лешаков.

...После болезни повадился ходить к соседям Дмитрий Константинович и однажды застал он у стариков Наталью, которая там квартировала, одну. Вошел, когда она пол мыла босиком, в коротком розовом старом платье. Наталья не разогнулась, думала, кто из хозяев. Когда заметила, дружинно выпрямилась, тряпка в одной руке, другой лицо отерла и платьишко стала одергивать.

— Чего же ты, Константиныч, молчком?

В платье этом ну прямо девка молодая, и краска в лице от растерянности.

— Проходи уж, проходи, подотру, — пригласила, когда Дмитрий Константинович за дверную ручку взялся. — Посиди со мной, поговори. Аль тоже боишься? — и засмеялась. — Не бойся! Давай-ка лучше сигаретку выкурим, пока моих нет. При них-то прячусь, бабка не любит. Она у меня совсем обезручила, — сокрушалась Наталья как о родной. — Вчера уж и парила ее, и жиром растирала, а сегодня куда-то за мазью уплелась. Добрая она, все доченька да доченька...

— Так-то и будешь по домам всю жизнь? — спросил Дмитрий Константинович. Он осторожно прошел от порога и присел на подставленную Натальей табуретку, которую та предварительно рукой отерла.

— А чего мне? — Наталья присела напротив Дмитрия Константиновича на сундук и густо выпускала изо рта дым. — Птица вольная.

— Сорока вон тоже вольная птица.

— По мне лучше уж сорокой. Сосед твой все синичек ловит да по рублю за штуку продает, на бутылку всегда набирает, а сорок-то не ловят, и не продают!

— А как же ты все ж без мужика в такой поре живешь, Наталья?

— Почто это так? Вон, на любой Родниковой у всякой собаки спроси, и та знает про моих мужиков.

— Я про другое, — Дмитрий Константинович сидел, опершись на палку. — На улице чего не наговорят. Слышал даже, будто ты Марье недотачу сделала.

— Почему это будто? Ей тащи сколько влезет, обсчитывай, а другим нельзя? — обозлилась. — У меня все на глазах.

— Да брось ты на себя наговаривать. И чего собираешь...

— Я так ей и сказала, выведу я тебя на чистую воду. Сама сяду, а тебя выведу. Она Куркину девчонку на двадцать копеек обмишурила и глазом не повела. Девчонку дома выпороли, а она, стерва, в золоте ходит. А правды боится.

— Из-за чего ж ты вся такая колючая, а? — все любопытствовал Дмитрий Константинович, — и с бабами со всеми переругалась, и уж горда очень. Поди и мужик-то из-за этого бросил?

— Ты бы лучше, Константиныч, про сороку рассказал, — Наталья вдруг рассердилась. — Ну чего пристал? Я тебе подследственная? Допрос снимаешь? Живу как хочу. — И тихо добавила: — Жизнь как выйдет, так уж и не отвернешь. Своротков, может, и много, а где он, твой, попробуй угадай.

— Я что пришел, — вдруг сказал Дмитрий Константинович, — зашла бы когда поубрать в избе, постирать, за-

платил бы. Сам, что ни говори, не то дело.

— И мужик, Константиныч, ты кажется самостоятельный, а совсем, как Петро, чушь несешь. На кой ляд мне твоя плата? — Открыла печку, бросила в нее недокуренную сигарету. — Приду как-нибудь. Пособлю. — И поинтересовалась: — Сын-то пишет? Занятой он больно у тебя, ох уж и занятой...

...После того разговора, когда Дмитрий Константинович пригласил Наталью помочь по делу, она только через неделю собралась. Дмитрий Константинович, видимо, не ждал. Растерялся, стал извиняться, отговариваться, дескать, и сам он со всем управляется, пошутил тогда, много ли старику надо. Однако Наталья послала его топить баню, воды греть для стирки, а сама в это время принялась за уборку избы.

Часа через три уже белье вывесила. Вережку натягивали они вместе, сама же за прищепками к Лешаковым сходил, у Дмитрия Константиновича растерялись все. Ужин тоже Наталья готовила. А уходя, наказала, чтобы купил прищепки, чего это по людям ходить.

И в другой раз пришла. И опять они ужинали вдвоем. Дмитрий Константинович вспоминал свою жизнь, как с покойницей дом ставили. На шахте все говорили: и чего в глухомань залазить, а он на своем настоял. Гляди теперь — глухомань. Почитай, все его бригадники, с которыми работал, сейчас на Родниковых живут. Воздух — приволье и до города три остановки по асфальту.

Так и стала она заходить к нему. Вечером одним Дмитрий Константинович спохватился:

— Что-то я, Наталья, тебе табачку-то не предлагаю, ты уж не стесняйся, закуривай. — Это когда он закурил, а она убирала со стола. — А то вроде ты меня, как своей бабки, стесняешься.

Наталья засмеялась:

— Да я вовсе и не курю, Константиныч, это так, с горя да со злости. — И радостно добавила: — А Марью утихомирила я все ж. Ребятишек не обсчитывает теперь. Ну баб да пьяных — черт с ней, а вот ребятишек — угомонила. — Она засмеялась.

Засмеялся и Дмитрий Константинович. Весело ему бывало в те дни, когда в доме объявлялась Наталья. Шума много становилось в его тихой избе и потом, когда ночью вставал он курить, — давно уж у него эта привычка появилась, — все еще в шорохах ему слышалось это веселое эхо.

...Геннадий Дмитриевич воротился в избу, когда Григорий ушел. Наталья сидела за столом в горнице, на ней был черный с красными розами платок.

«Материн», — узнал Геннадий Дмитриевич, и неприязнь к Наталье с большей силой вскипела в нем. — Я ведь всего на несколько часов, — никак не называя ее, заговорил он. — Автобус у меня в пять. А еще тут дел разных. — Он сел. — Надо бы бумаги поглядеть, думаю, вы понимаете, дело в том, что еще успеть к нотариусу...

Наталья подняла голову, посмотрела в глаза Геннадию Дмитриевичу, и как она ни была ему неприятна, он все-таки заметил красоту ее лица. От этого он еще больше ожесточился. Припомнил последний разговор с отцом, в Междуреченске уже.

— Ты все «старик», «старик», — выговаривал Дмитрий Константинович, когда они с сыном вышли на балкон покурить. В доме Оськина-младшего курить было не принято. — Действительно, годы не паспорт, их не потеряешь. И хочу я, чтобы ты знал, что вроде как бедою мы сошлись. Ей, беде, что старый, что молодой. Было их две беды, две разные, а теперь счастьем одним обернулись. Поначалу даже боязно было. Думал, не от корысти ли от какой пошла? А душу-то разглядел когда, а она у нее, как у малой дитяти

незамутненная, незапятнанная паскудством и срамотою. Мне теперь и помирять ровно не боязно. Не один я. В памяти ее буду жить. Любим мы, сынок, друг друга. Может, и осудишь, тебя я тоже понимаю. Мать-покойница твоя хорошая женщина была. И врать не стану, без обмана и без упреков мы с ней век прожили. А вот волнения, — старик кулаком по груди постучал, — никогда не было. «Покойно мне с тобой», — все она говорила. Думал я, так и должно быть...

— Как же так, Геннадий Дмитриевич, — не утерпела больше Наталья, вырвалась боль и в горе слезами брызнула. — Ведь не чужая я ему-то была. — Сказала и испуганно ладошкой рот прикрыла. Однако собралась с мыслями. — Как же такое смогли вы? — И протянула руку за папирсой, Геннадий Дмитриевич пачку на стол положил.

Геннадий Дмитриевич поглядел на Наталью сдержанно, потому что раздражение в нем уже злостью кипятилось.

— Сами понимаете, что старик уж, можно сказать, был не в себе, поэтому суд полностью будет на нашей стороне. Мало ли у него было сожителей.

Наталья подняла голову. Наверное, в молодости Константиныч был такой же. Суровый, резкий. Сын очень на отца похож.

— Что вы, Геннадий Дмитриевич, какие у него сожительницы! Да он же такой человек, он знает какой человек? — Горе воспоминанием, видно, чуть загордилось, вот и вышло облегчение улыбкой, быстрой, но неуместной, от того виноватой, она сразу же исчезла, а Наталья повторяла: — Самостоятельный человек, серьезный, и не сожительница я ему, — заявила она, — а жена. — И твердо так повторила: — Жена была... — и укрыла лицо

черным платком с красными розами.

И могла бы вспомнить, если бы была в силах, как в самом начале апреля сломала она, Наталья, ногу. Разгружали ящики в магазине, она поскользнулась и упала, а ящик и придавил. Благо, больница рядом.

Дмитрий Константинович пришел на третий день к ней в палату. Вставать она не могла, нога привешена была к железяке — вытягивали кость. И она впервые заметила, какой он высокий, стройный и красивый. Она так и сказала ему, когда первая минута неловкости прошла:

— Ты, Константиныч, как доктор прямо. Солидный, красивый. Только что не щупаешь. — Все в палате засмеялись, а Дмитрий Константинович смутился. И от смущения его и оттого, что не знал, куда банку с вареньем поставить, вовсе развеселилась Наталья и болтала без умолку, а вся палата так хохотала, что заглянула даже дежурная сестра и предупредила:

— Кончайте концерт, не в клубе находитесь.

До конца месяца Наталья пролежала в больнице. Перед самой ее выпиской Дмитрий Константинович, а он носил передачи через день, наклонившись к подушке, чтоб никто не услышал, прошептал:

— Наташа, чего тебе у стариков, делать, шла бы ко мне жить? Не все ли тебе равно, где?

Наталья ему перед этим только сетовала, что неудобно ей перед бабкой будет, все же человек она чужой, а по дому делать ничего не сможет еще. Нога-то в гипсе. Но такой оборот дела прямо оgorшил ее.

— Как же мне тебя понимать, Константиныч? — со слезами в голосе спросила она, — я к тебе, как к родне, можно сказать, а ты вон как поворачиваешь. Что же ты, в полюбовницы надумал взять? — Тут уж совсем разозлилась. — А вдруг не справишься?

— Да как у тебя язык поворачивается, Наталья? — зашипел Константиныч. — Видать, полюбил я тебя.

— Да за что? — Наталья только рукой махнула, дескать, уйди. Весь день и проплакала.

...Дмитрий Константинович пришел за Натальей в больницу. Отвел ее к старикам, а назавтра пришел с поллитрой, сели за стол, и объявил, что просит он Наталью Никитичну выйти за него замуж. Когда он осторожно, — нога-то не гнется, — вел ее по улице к дому, все соседи высыпали. И стыдно, и горько, и радостно было Наталье. Она поднялась быстро, хозяйкой оказалась умелой, а с работы Дмитрий Константинович ее рассчитал. Зашел к ним однажды выпивший Петро, посидел, покурил, что-то про жизнь молодую спросил, но выставила его Наталья, Дмитрий Константинович и слова сказать не успел.

Соседи судили, рязили, ее осуждали, его жалели, словом, по-соседски перемывали им косточки. А Наталья, не обращая на все это внимания, лаской да шуткой обходилась со всеми. Она и сама не умела объяснить, отчего согласилась перейти жить к Дмитрию Константиновичу, что-то толкнуло ее к нему, каким-то незнакомым праздником поманил и не обманул, не разочаровал, а понес поперек молвы и хулы вместе с ней обиды и горечи, и забылись они в его сдержанной ласке, в его удивлении ею...

Ах, как она не соглашалась, уговаривала, но Дмитрий Константинович настоял на своем, и они сходили в ЗАГС, купили кольца, созвали соседей.

И пили соседи вино, и кричали «горько», а они улыбались. Она любила слушать его тихие слова, уложив голову на его плечо, когда они весенними вечерами после дневной работы сидели на крыльце. Днем они обшивали заново дом.

— Будет он у нас с тобой, как игрушка, — говорил Дмитрий Константинович.

А еще он придумал сходить за рябиной. Объявил вечером. На крыльце сидели. Руку протянул к старому дереву. Чему-то засмеялся. Потом объявил:

— Надо бы и другое посадить — рябинку, а? Завтра и ходим. Вроде выходного у нас выйдет.

Они долго шли через лог, поднимались в гору, спускались опять в лог, пока не пришли в перелесок, где чуть ли не до самых белых весенних облаков тянулись к небу красностволые деревья.

Дмитрий Константинович облюбовал прутик росточком чуть повыше его, аккуратно — не повредить бы корни — выкопал, и обратную дорогу они несли его по очереди. Отдыхали, напившись воды из родника над дорогой, который так и бежит с незапамятных времен.

Геннадий Дмитриевич приехал с семьей на другой день после того, как они посадили деревце. Тогда-то в первый раз у них и вышел крупный разговор с отцом.

... — Мне, Геннадий Дмитриевич, ничего не надо. Вы и не думайте, я и сегодня уйду, — говорит Наталья, утирая концом платка глаза. — Вот если разрешите, платок возьму, память о нем... если разрешите. А вы его не знаете. Полюбовницы. Он строгости душевной был.

— Надо дарственную написать от вас, — решил наконец объявить Наталья Геннадий Дмитриевич то, ради чего, собственно, он и приехал. — Отец завещание на вас оставил. — Ему совсем уже надоела эта бабенка, и время торопило.

— Какое завещание? Да я и не умею, — Наталья непонимающе смотрела на него, — сказала же я вам. Делайте что надо. Я хоть сегодня уйду.

— Я заготовил, — Геннадий Дмит-

риевич положил на стол бумагу, — только надо вам к нотариусу сходить.

— Схожу, конечно, только бы не сегодня? — умоляюще поглядела на него Наталья. — Я совсем что-то не могу, — она было улыбнулась, но губы только искривились в некрасивой страдальческой гримасе.

— Конечно, конечно, — Геннадий Дмитриевичу это явно было не по душе, но настаивать он не решился. — Вот и все, и мне, правду сказать, пора.

Наталья вышла вслед за ним на крыльцо. Геннадий Дмитриевич шел быстро, твердо, и хоть не хромал, а было в его стати что-то от отца.

...В конце зимы Геннадий Дмитриевич купил машину. Деньги от продажи дома они поделили с сестрой, и две тысячи, доставшиеся на его долю, оказались к месту. Выехал он первый раз, когда совсем уже все высохло. Прокатил свое семейство по городу, потом через Усу в Ольжерас, доехали до Распадской. Домой вернулись веселые и счастливые. Он долго оставался в гараже, а когда поздно вечером ужинали, жена ему сказала:

— Знаешь, ведь завтра родительский день?

— Откуда ты взяла? — удивился Геннадий Дмитриевич. Религиозные праздники у них в доме не отмечались.

— Михайловна, соседка, заходила, сказала. Надо бы к отцу съездить. Ни разу ведь не были...

Отцовскую могилу нашли не сразу. Прибавилось около нее, затеснили. Подошли к оградке. Помешкали, прежде чем открыть калитку. Вошли. Геннадий Дмитриевич глядел на потускневший отцовский портрет, и тот, чьи черты хранила эмалированная пластинка, виделся совсем чужим.

— Когда ты посадил? — жена указала пальцем на тонкий безлистный прутик, торчавший справа у входа, у самой калитки.

— Я? — удивился Геннадий Дмитри-

евич. Он даже не заметил серую веточку. — Я? Нет, это не я. Это, наверное, она, Наталья, — Геннадий Дмитриевич впервые назвал имя женщины, и вдруг понял, что оно теперь неразрывно с именем отца.

У Геннадия Дмитриевича задрожало внутри. Так случается от неожиданного оклика на дороге. Идешь и вдруг слышишь, позвали. Оглянешься и увидишь очень дорогого, только совсем покинутого тобою человека.

И поднялась обидой в душе Геннадия Дмитриевича досадная признатель-

ность к чужой женщине. Но больше всего язвило от сознания своей неправимой вины перед отцом и еще от стыдливой неожиданной зависти к нему — покойнику — за пережившую его такую женскую любовь.

К горлу тоской поднялась жалость к себе. Геннадий Дмитриевич по-иному совсем всматривался теперь в отцовский портрет на железной пирамидке, и другой, непохожей на всю прежнюю, замерещилась ему его дальнейшая жизнь. А над могилой и над еще не разродившейся зеленью земель бился теплый весенний день...

ЛЕТОПИСЬ СОЗИДАНИЯ

Особенности развития местного сельского хозяйства в послевоенные годы в значительной степени определялись и определяются индустриальным профилем области. Оно все больше и больше специализируется на производстве для населения городов и рабочих поселков картофеля и овощей, мяса, молока и птицы.

Десятая пятилетка поставила перед тружениками села ответственные задачи по дальнейшему подъему сельского хо-

зяйства. Производство зерна, являющегося основой всего сельскохозяйственного производства, в нашей области планируется довести к 1980 году до 1,8 млн. тонн.

На развитие сельскохозяйственного производства области в этой пятилетке выделено более 870 млн. рублей государственных и колхозных средств, или на 27 процентов больше, чем в прошлой пятилетке. Намечено ввести в эксплуатацию 50 тыс. гектаров орошаемых, тысячи гектаров осушенных земель, выполнить большой объем работ по повышению

плодородия земли. На эти цели будет выделено почти 90 млн. рублей.

Наряду с укреплением материально-технической базы сельского хозяйства Кузбасса улучшаются качественные показатели, ускоряются процессы концентрации и специализации, агропромышленной интеграции. К 1980 году в специализированных хозяйствах будет производиться около 60 процентов мяса всех видов, более двух третей молока и почти вся продукция птицеводства.

К концу десятой пятилетки энерговооруженность сельского хозяйства в расчете на 100 гектаров посевных площадей возрастет в нашей области со 195 лошадиных сил до 260. В минувшем году совхозы и колхозы получили более полутора тысяч тракторов, 680 зерноуборочных комбайнов, 1450 автомобилей и много другой техники.

Решающую роль в проведении коллективизации сельского хозяйства, в социалистическом переустройстве деревни сыграл рабочий класс Кузбасса. Его усилиями осуществлялась социалистическая индустриализация одного из отсталых районов страны, проводилась вместе с другими от-

рядами рабочего класса под сельское хозяйство материально-техническая база.

Коммунисты Кузбасса, как и всей Западной Сибири, явились одними из зачинателей славы традиции рабочего класса — шефства города над деревней. На ценный опыт сибиряков в организации шефской работы в свое время обратил внимание В. И. Ленин.

Начало постоянному шефству положил XI съезд партии, установивший, что оказание помощи деревне должно носить хозяйственно-организационный и культурно-просветительный характер. Томский губком партии, используя накопленный опыт, создает шефские организации на Кемеровском, Анжерском и Судженском рудниках. Вот только несколько фактов из истории шефского движения в Кузбассе.

1928 год. Пятая партийная конференция Кузнецкого округа постановила: «Усилить организацию посылки промышленных рабочих в деревню». Крестьяне Кемеровского района первыми стали практиковать коллективную продажу хлеба государству. Большая заслуга в этом принадлежала рабочим Кемеровского коксохимического завода, шефствовавшим над деревнями района. 29 февраля 1928 года в Щегловск отправились 34 подводы с хлебом из деревни Ново-Ключевка. На первых санях алено полотнище с надписью: «Деревня Ново-Ключевка сдает излишки хлеба добровольно. Этим укрепляет смычку ра-

бочих и крестьян, бьет кулака и спекулянта». Рабочие встретили крестьян с духовым оркестром и красными знаменами...

В 1929/30 хозяйственном году предприятия Кузнецкого округа направили для помощи колхозам в уборке урожая 53 бригады, на хлебозаготовки — 36 бригад, на проведение весеннего сева — 102 бригады. Рабочие Ленинского рудника в конце 1929 года заключили договор о социалистическом соревновании с крестьянами. Горняки обязались направить 18 передовых рабочих для руководящей работы в колхозах, послать шесть бригад для оказания производственной помощи.

Рабочие Прокопьевска в 1929 году передали подшефным колхозам на приобретение тракторов 10 тысяч рублей, которые были заработаны на субботниках. Прокопьевские горняки помогли укрепить коммуну «Серп и молот», куда на постоянную работу была послана группа передовых шахтеров. Из рабочих-добровольцев было образовано пять производственных бригад для работы в колхозах.

Весна 1933 года. Шефские рабочие бригады оказывают действенную помощь колхозникам в налаживании производства. Коллектив КМК направил в колхозы подшефного Кузнецкого района 19 рабочих бригад, 21 кузнеца, 30 слесарей, 8 счетоводов, несколько агитбригад, кинопередвижку. С помощью рабочих колхозы

района успешно провели весенний сев, увеличив посев на 70 процентов по сравнению с 1932 годом.

Газета «Кузбасс» 14 июля 1934 года в корреспонденции о шефской помощи предприятий г. Новокузнецка колхозам писала: «Новокузнецк в период весеннего сева направил в деревни на поля колхозов 230 массовиков, 138 слесарей, 42 медработника, 7 агитбригад, 12 кинопередвижек».

Шефство промышленных предприятий над колхозами и совхозами оставалось одной из важных форм помощи деревне со стороны города и в последующие годы социалистического строительства, и в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны. Еще больший размах и значение оно приобрело после мартовского [1965 г.] Пленума ЦК КПСС, положившего начало новому этапу аграрной политики КПСС. В конце 1970 года коллективы АТЗ, НКХК и КМК обратились к работникам промышленности области с призывом — широко привлечь инженерную мысль специалистов промышленных предприятий для разработки проектов механизации и автоматизации трудоемких работ на селе, создания непрерывных механизированных потоков в полеводстве и животноводстве на основе перспективных планов оказания инженерной помощи селу. Патриотический почин передовых коллективов был одобрен Президиумом ВЦСПС.

СТАРЕЙШИНА БОЛЬШЕВИКОВ КУЗБАССА

Живет в Кемерове Феофан Дементьевич Узлов, член Коммунистической партии Советского Союза с 1905 года.

Сквозь бури и невзгоды, через царские тюрьмы пролегает путь этого замечательного человека, ветерана ленинской гвардии, посвятившего свою жизнь великой идее — борьбе за строительство коммунистического общества в нашей стране.

О ветеране партии, участнике трех революций, который через годы и десятилетия с честью пронес знамя революционной борьбы, знамя строителей социализма и коммунизма, наш рассказ.

ДЕТСТВО ГОРЬКОЕ, КАК ПОЛЫНЬ

Отец Феофана Дементий Узлов был не в «ладах» с православной русской церковью. Свои суждения высказывал открыто и дерзко. А так как отрицание православия вело к подрыву авторитета самодержавия, «раскольника» Дементия упрятали на четыре года в царский острог, а затем вместе со всей семьей выслали на поселение в глушь Тобольской губернии.

Ожесточившись в тюрьме на всех и всяческих «притеснителей», старик в ссылке всю злость обрушил на собственную семью. Задолго до рассвета

пинками толкал спящих, поднимая их на молитву по-староверски. Ввел невыносимую строгость в семейных взаимоотношениях, за малейшую провинность карал детей беспощадно.

— Единственной отрадой для меня, — вспоминает Феофан Дементьевич, — были занятия, которые проводил с пятью мальчуганами политический ссыльный Н. Е. Григорьев. Николай Егорович учил нас не только общей, но и политической грамоте. Объяснял, откуда берутся богатые и бедные, кто защищает богатеев, а кто борется за бедный люд. Конечно, все это укладывалось в нашем мозгу не сразу. Но слова учителя западали нам глубоко в душу и искрились там, как бы озаряя путь к чему-то новому, неизведанному, интересному и даже страшному.

В общем, так. В часы учебы — свобода мысли. Переступил порог отцовской избы — «домострой».

Нет, никак не мог примириться с такой жестокостью в семье свобододобивый мальчишка Феофан, сын Дементия. Набравшись храбрости, он однажды «предстал пред ясны очи» своего отца и твердо заявил: «Все! В вашем доме я больше оставаться не намерен, хватит!»

— И куда же? — строго нахмутив брови, спросил его отец.

— Пойду искать лучшей доли, — ответил Феофан.

— Где же она, не в городе ли? — съязвил старик.

— Именно в городе, туда и подамся.

— Ну и скатертью тебе дорога, संबодолюбец! Иди, попробуй, намотаешь сопли на кулак!

Собрал Феофан кое-какие пожитки в мешок, простился со всеми домашними и отправился в неведомые места. Вначале пристал к крестьянскому обозу, направлявшемуся со свежемороженой рыбой до Омска. А оттуда махнул по Транссибирской магистрали до самого Красноярска. Там, понаслышке, жили где-то дальние родственники.

В ГОРОДЕ НА ЕНИСЕЕ

Не без добрых душ на свете. Паренька из далекой Тобольской глуши приютили в семье железнодорожника, и это определило дальнейшую его судьбу.

— Куда нам его? — советовались по соседски.

— Паренек он хотя и молодой, но ладный. Да и грамота у него не в пример другим. Давайте попробуем продвинуть поближе к железнодорожному начальству.

Обратились к начальнику станции Красноярск. Тот внимательно оглядел Феофана, задал ему несколько вопросов и велел написать заявление: «Прошу зачислить меня на курсы телеграфистов».

В ту пору Транссибирская магистраль становилась важнейшей артерией царской России. И многие службы железной дороги очень нуждались в пополнении грамотными работниками.

Учился Феофан на курсах с присущим ему старанием, овладевал знаниями настойчиво, упорно, жадно. Бывало, ночью проснется, а мысли всплывают одна за одной: «Неужели я стану телеграфистом, и от меня будет зависеть движение поездов?» «Кто тебе до-

верит, какому-то Узлову, такую важную работу?» «Но меня же учат!» «Успокойся, быть тебе телеграфистом!».

Однажды хозяин квартиры сказал Феофану: «Мы тут советовались и решили пригласить тебя на рабочее собрание. Завтра. Там будут наши деповские. Где? Потом скажу. Собрание нелегальное. Но мы тебе доверяем. Поныл, товарищ телеграфист?»

И вот впервые в своей жизни Феофан «переступил порог» недозволенного царским самодержавием. Нелегальное рабочее собрание было строго законспирировано. Выставлены пикеты. Обусловлен пароль.

На собрании выступал представитель из Томска. Вслед за ним поднимались на импровизированную трибуну, высокую каменную глыбу, деповские. В пламенной речи оратора из Томска, в ярких выступлениях рабочих-железнодорожников был боевой призыв к единству в борьбе с беспросветной жизнью, с угнетателями-богатеями.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Долой самодержавие!» Эти страстные призывы, высказанные вслух, безбоязненно, Феофан услышал впервые. Они запомнились.

С тех пор он стал постоянным участником нелегальных рабочих сходов, манифестаций, проводимых каждый раз на новом месте.

— Помню, однажды на таком нелегальном собрании, где мы учились ораторскому искусству (что очень важно в условиях подпольной революционной борьбы), товарищи прикрепили к невысокой скале большое полотнище с надписью на нем «Долой самодержавие!» А на верхушке, прямо скажу, неприступной скалы водрузили красный флаг. Как туда добрались смельчаки, не знаю, — рассказывает Феофан Деметьевич. — Выследили эту нашу сходку жандармы, но окружить им нас не удалось. Мы ушли. А полотнища, и

тем более флага, с вершины снять не успели. Жандармы в бешенстве сорвали полотнище. А к флагу добраться никак не могли. Тогда они стали расстреливать его. Изрешетили кумачовый стяг — дальше некуда, а он продолжал гордо трепетать на ветру. Тогда они принялись палить из карабинов в древко... Непокорный красный флаг с перебитым древком медленно распростерся на вершине скалы, но так и не достался жандармам.

Сдав успешно экзамен, после упорной, настойчивой учебы, Феофан Узлов стал помощником дежурного телеграфиста на станции Красноярск. А через несколько месяцев ему, как очень способному «морзисту», присвоили звание телеграфиста и направили на самостоятельную работу на ближайшую от Красноярска железнодорожную станцию Кемчуг.

ПАРТИИ РЯДОВОЙ

Феофана встретил старший телеграфист этой станции Федор Нестерович Кашинцев. Это был активный большевик, член Красноярского подпольного комитета РСДРП.

О молодом телеграфисте Узлове Кашинцеву было уже известно. Но доверять ему он начал с осторожностью, как и подобает большевику-подпольщику.

Приезд в Кемчуг новичка-телеграфиста совпал с бурными революционными событиями начинающегося 1905 года.

Вспыхнувшее в Питере пламя революции распространилось до самых отдаленных окраин России. И как ни была строга царская цензура, все равно первыми узнали о Кровавом воскресеньи телеграфисты. Одни из них боязливо умалчивали об этих новостях. Иные же, как Феофан Узлов, сообщали обо всем своим надежным товарищам,

стараясь в меру своих сил способствовать воспламенившемуся революционному порыву.

Кашинцев. Феофан Дементьевич, ночью проследует воинский эшелон на запад. Вот вам листовки, отпечатанные на гектографе. Необходимо их подбросить солдатам в теплушки. Будьте очень осмотрительны. Не страшно?

Узлов. Спасибо за доверие. Если что, не боюсь и на каторгу.

Кашинцев. Это еще успеется. Сейчас важно сохранить себя для предстоящих боев, а главное — для организации масс.

Задание было выполнено.

— Как-то Кашинцев застал меня в моей маленькой комнатухе за сочинением стихотворения, — вспоминает Феофан Дементьевич. — Прочел, улыбнулся:

— К поэзии тянет?

— Да вот хочется выразить свои чувства о революции не просто, а стихами, чтобы больше в них, в этих словах, было накала.

— Задумка хорошая, но... стихотворению как раз и не хватает подлинно революционного огонька. Тут, брат, знания нужны поглубже. Читать нужно больше! Не все подряд, а то, что интереснее, полезнее. Вот, скажем, хотя бы эту книжицу...

И протянул мне какую-то неприглядную на вид книгу в замусоленном переплете. Я тут же раскрыл ее и с недоумением прочитал заголовок бульварного романа. А когда механически стал перелистывать книгу, вдруг увидел в середине на одном из листов слова «Манифест Коммунистической партии».

В сентябре 1905 года за подписью Ф. Н. Кашинцева ему было выдано удостоверение, в котором значилось, что «телеграфист Феофан Узлов направляется в Красноярск за получением обмундирования».

— Предъявив этот документ, я по-

лучил в указанном месте ящик с оружием и благополучно доставил его Кашинцеву. Кашинцев тогда сказал: «Удостоверение храни как зеницу ока. Это и есть твой партийный билет».

Через тюрьмы и каторгу пронес Феофан Дементьевич Узлов свое «командировочное удостоверение». Ныне оно экспонируется в Кемеровском краеведческом музее.

Вскоре Ф. Д. Узлов, член РСДРП, был избран в подкомитет Красноярской партийной организации. Вместе с Кашинцевым он один из организаторов железнодорожной забастовки. Накануне декабрьского восстания их обоих избирают на съезд железнодорожников, который состоялся в Томске.

...Связисты передали тревожную весть: в Кемчуге прошли аресты, поэтому из Томска товарищи отправляют телеграфиста Узлова на станцию Тяжин, там свои люди должны помочь ему устроиться на работу. С добрыми напутствиями его провожает из Томска Сергей Миронович Киров.

— Никогда не забуду его дружеских советов — наказа профессионального революционера, — вспоминает Феофан Дементьевич. «В случае провала и ареста будь мужественным, стойким, но не дерзким. Дерзость ни к чему хорошему не приводит». «В тюремной камере будь осторожен с каждым арестантом, жандармерия способна на любые провокации». «Даже в самых невероятных трудных условиях всегда будь твердо уверенным — наше дело правое, мы победим».

В Тяжине юный революционер быстро сближается с сочувствующими большевистской партии: начальником станции Еременко, техником службы пути Ковалевским, ремонтным рабочим Осетровым и другими, организует подпольный марксистский кружок и налаживает издание рукописного политического журнала «Зерно».

В январе 1906 года Ф. Д. Узлов вместе с Осетровым направляется в Тисуль для встречи с представителями подпольной партийной организации Центрального рудника. Это по заданию Сергея Мироновича Кирова.

С большой теплотой вспоминает Феофан Дементьевич семью Еременко. Жена начальника станции Людмила Николаевна мастерски играла на гитаре. Под видом вечеринок в этой семье и собирались кружковцы «за чашкой чая». Здесь читали политическую литературу, обсуждали важнейшие политические события, трудились над созданием очередного номера журнала «Зерно», разучивали и пели революционные песни.

По городам и селам Сибири, и особенно по линии железной дороги, свирепствовали тогда карательные экспедиции жандармского генерала Ренненкампа. Разгромлена была и подпольная организация в Тяжине.

— Вначале жандармы схватили начальника станции Еременко, — говорит Феофан Дементьевич. — А поздней ночью раздался сильный стук в дверь моей комнатухи и властное «Открой-те!» — Кто там? — откликнулся я. — «Именем закона...» — послышалось в ответ, и я сразу же узнал голос жандарма Киселева. — «Одну минуту, я сейчас оденусь». А в это время уже затрещала дверь под ударами прикладов и со скрипом слетела с петель. Ворвалось несколько человек. Быстро произвели обыск, надели мне наручники, втолкнули в вагон стоящего на пути поезда и доставили в Мариинск...

Жандармский ротмистр Татарников прежде всего распорядился снять с арестованного наручники. Пригласил сесть на табурет в дальнем углу и начал своим елейным голосом: «Ай-яй-яй, молодой человек! Как же вы попали в эту грязную историю? Только что начали пробивать себе блестящую карье-

ру в вдруг споткнулись, стали увлекаться политикой. Мне вас очень жаль, поверьте... Если хотите...»

— Я ничего не хочу и не нуждаюсь в вашем «сочувствии», — сказал Узлов.

— Тогда, может быть, приступим к деловому разговору? Назовите ваших сообщников.

— Не понимаю, о чем идет речь, господин жандармский ротмистр. У меня не было и нет никаких сообщников.

Тот медленно открыл столик, положил на него пухлую папку, развернул ее, и тыча пальцем, ехидно сказал: «А какое это «зерно» вы изволили сеять и кого выращивать вздумали? Тоже не понимаете?»

— Я не желаю продолжать разговор на эту тему!

В кабинет ротмистра вошли два жандарма. Щелкнули наручники. Узлова увели в Маринскую тюрьму. Это было в феврале 1906 года. А спустя три месяца он был осужден и с группой политических заключенных, в основном тайгинских железнодорожников, этапирован в самую глушь Нарымского края.

И СНОВА ССЫЛКА...

Ссылка началась с того, что Феофану Узлову и его товарищу Михаилу Савицкому пришлось жить в землянке сторожа водяной мельницы. Иной «квартиры» в глухомани для «опасных бунтарей» не нашлось. Как жить? Одежка износилась, средств к существованию нет. Зимой перебивались с хлеба на воду, сторож научил рыбачить подледно. Но для того, чтобы пойти кому-то на рыбалку, нужны были валенки. А их — одна пара стареньких на четверых.

Весною пришли к становому приставу с требованием:

— Почему ничего не даете на наше

содержание? Мы ведь знаем, что политическим ссыльным...

— Да, полагается, — сказал становой. — Пять копеек в сутки на человека. Вас это устраивает? Можете получить.

— Пять копеек в день на содержание.

И голодные, и холодные, и бесправные. Но непокоренные, сильные духом, сильные твердой верой в светлое будущее. Такими оставались революционеры в далекой ссылке, готовясь к новым боям с царским самодержавием и его опричниками.

...Из подпольной организации Канска тайно прибыл к политическим ссыльным связной. Кратко информировал о жизни «на воле», об усилившихся репрессиях, вручил скромное пособие из подпольной партийной кассы и назвал явки на случай побега.

Надзор полиции становился строже. Но и мысль о побеге укоренялась. Однажды ему повезло. Узлов сумел проскочить наиболее опасную зону и по перелескам, кочковатым низинам, хлюпая почти по колено в жиже подтаявшей вечной мерзлоты, зашагал на волю.

Далек и долог был этот путь. Но сотни километров остались позади. На станции Татарская найдена явка. Железнодорожник-кузнец снабдил Феофана Дементьевича одеждой, купил билет и усадил в поезд до Омска, где его должны были обеспечить надежными документами.

Царские ищейки, видно, были уже осведомлены о побеге политического ссыльного. В Омске его схватили жандармы на железнодорожном вокзале. Допрос был коротким. Его снова отправляют в ссылку, теперь уже не на три, а на четыре года.

...Ссылка. Дисциплинарный батальон царской армии. Передовая линия окопов в империалистической войне 1914 года.

ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Февральская революция застаёт солдата Узлова в окопах на румынском фронте. Агитатор-большевик, он участвует в митингах, избирается председателем дивизионного комитета, а затем делегатом на съезд солдатских депутатов Румынского фронта.

Удостоверение № 107 от 23 ноября 1917 года гласит: «Предъявитель сего Феофан Узлов состоит делегатом С.-Д. конференции большевиков от IX армии».

Он избирается членом Центрального исполнительного комитета солдатских и крестьянских депутатов Румынского фронта и Одесского округа и назначается комиссаром телеграфа в Одессе.

Разговоры председателя ЦИК тов. Юдовского с В. И. Лениным о положении дел на фронте, об Азово-Черноморском банке и других вопросах проходили при непосредственном участии комиссара телеграфа Узлова.

В марте 1918 года Феофана Деметьевича как одного из активных большевиков Сибири направляют в Омск, а оттуда он едет в родные места (Тюкалинский уезд) для упрочения там Советской власти.

Вскоре белочехи подняли в Омске мятеж.

Организовав более двухсот красноармейцев-добровольцев, Феофан Деметьевич направил их по назначению, а сам остался здесь, чтобы встретить отступающий с боями из Омска отряд мадьяр-интернационалистов.

В одной из деревень Тюкалинского уезда на него напала кулацкая банда. Избив до полусмерти ненавистного «комиссара», бандиты поволокли его к проруби. В лесу застрочил пулемет.

— Кра-асные! — всполошились бандиты и, бросив жертву, наполовину затолкнув в узкую прорубь, скрылись.

Подбегавшие жители выхватили из

проруби полумертвого Узлова и поспешили спрятать в надежном месте. Из леса показался вооруженный отряд. Это были каратели. Вскоре они объявили во всеуслышание, что за поимку большевика Узлова назначена награда в пятьсот рублей золотом.

Никто не выдал большевика.

Снова работа в подполье. По заданию Томской большевистской организации он официально служит надсмотрщиком телеграфа на линии железной дороги от Нижнеудинска до Тайшета, умело используя свое положение для организации партизанского движения.

...Освобожден от белочехов Нижнеудинск. Командир 27-й стрелковой дивизии тов. Грязнов назначает Узлова комендантом станции. А затем Нижнеудинский военно-революционный комитет выдает члену ревкома товарищу Узлову мандат, с которым он командировается в Красноярск для получения очень важных инструкций и денег от губревкома в сумме двух миллионов рублей. Это задание было выполнено.

Исключительную находчивость и беспредельную преданность делу революции проявили ревкомовцы Нижнеудинска в те дни, когда на станции находился эшелон, в котором размещался «верховный правитель Сибири» Колчак со свитой, а в 29 вагонах следовавший за ним золотой запас.

Со стороны Красноярска рвались к Нижнеудинску капеллевы. Из Иркутска все время шли тревожные сообщения о том, что там пока не могут принять эшелон, так как в городе междувласть. «Продержитесь еще немного!» — призывали нижеудинцев.

И они держались долгих пятнадцать суток. За это время удалось сагитировать егерский батальон, охранявший Колчака. А затем уже с надежной охраной эшелон был отправлен и передан в распоряжение Иркутского военно-революционного комитета.

...Ф. Д. Узлов — ответственный сотрудник ЧК, борется с дезертирством на железной дороге. Главный инспектор рабоче-крестьянской инспекции на Омской и Забайкальской железной дорогах Сибирского округа путей сообщения. Контролер кооперации «Сибмолсоюз» и «Омскмолсоюз». Председатель райколхозсоюза. Управляющий отделением Госбанка. Контролер Наркомсовхозов по Кузбассу. Руководитель промкооперации. Директор Кемеровской швейной фабрики № 7... Вот этапы его биографии.

НЕ СТАРЕЮЩИЙ СЕРДЦЕМ И ДУХОМ

Большую, наполненную и интересную жизнь прожил Феофан Дементьевич Узлов. Но, несмотря на преклонный возраст, он и по сей день остается в боевом партийном строю.

Его очень хорошо знают на предприятиях, в школах, среди студенчества, в молодежных общежитиях. Всюду он не гость, а желанный близкий друг и советчик, пропагандист великих ленинских идей. Особенно любим он комсомольцами города, с которыми

его связывает самая горячая дружба в течение многих десятилетий.

Указами Президиума Верховного Совета СССР Феофан Дементьевич Узлов награжден двумя орденами Ленина «За активное участие в первой русской революции 1905—1907 годов» и «За активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войне и в борьбе за установление Советской власти в 1917—1922 годах», а также многими медалями.

С большой гордостью он носит на груди почетный значок Центрального Комитета ВЛКСМ, которым он награжден «За активную работу в комсомоле».

Коммунисты, комсомольцы, все труженики земли Кузнецкой сердечно поздравляют старейшину большевиков Кузбасса Феофана Дементьевича Узлова с наступающим праздником — шестидесятилетием Великой Октябрьской социалистической революции и желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в его неустанном труде по коммунистическому воспитанию молодежи.

А. ТРОИЦКИЙ,
член КПСС с 1926 года

ЛЕТОПИСЬ СОЗИДАНИЯ

В царской России не было предприятий углехимии. Ныне эта одна из основных отраслей народного хозяйства в Сибири, которая была основана на базе переработки кузнецкого угля.

1938 год. Получена первая аммиачная селитра на Кемеровском азотно-туковом заводе.

1942 год. Основаны заводы «Карболит» и анилино-красочный.

1956 год. Открыто первое производство — аминов на Новокемеровском химкомбинате.

1958 год. Майский пленум Центрального Комитета КПСС указал на необходимость ускоренного развития химической промышленности и преимущественно производства органического синтеза.

Наличие дешевой электроэнергии и сырья — продуктов коксования Кузнецкого металлургического комбината, Кемеровского и Западно-сибирского заводов — предопределили в Кузбассе создание химического комплекса по выпуску минеральных удобрений, пластических масс, капролактама, синтетических смол, красителей, лаков и лекарственных препаратов...

Сложность создания современного химического комплекса большегрузных производств состояла в том, что не было инженерного опыта, оборудования, технологии, и по сути дела все приходилось начинать с творческого поиска, лабораторных исследований, промышленного эксперимента и накопления опыта в процессе обкатки оборудования и пускового периода.

Шестидесятые годы в летописи Кузбасса памятни

трудовым подвигом строителей и преимущественно молодых специалистов, заложивших основы химического комплекса с кооперированным циклом уникальных производств, открывшим путь к наиболее полному использованию сырьевых ресурсов углехимии.

В девятой пятилетке коллектив производственного объединения «Химпром» выпускал до пятидесяти продуктов, в том числе препарат ТУР, нашедший широкое применение в земледелии как средство повышения плодородия пшеницы.

Работники анилино-красочного завода освоили новые методы производства красителей для шерсти и синтетики, выпуск препаратов ПАСКа и ДЭФА, которые находят спрос на мировом рынке.

Большой вклад внесли в прогресс отечественной химии инженеры завода «Карболит», создав производство ионитов, высокопрочных пресс-порошков, слоистых пластиков.

Лидером в своей отрасли народного хозяйства ныне является кемеровское производственное объединение «АЗОТ», выпускающее в большом объеме высококачественные синтетические материалы.

Десятая пятилетка для химиков Кузбасса — это пятилетка освоения природного газа, открывающего путь к новым творческим дерзаниям.

М. Кушникова

ЭТО БОЛЬШОЕ „МАЛОЕ ИСКУССТВО“

Еще до недавних пор прикладное искусство считалось лишь пасынком «большого настоящего искусства». А тем не менее, дверные ключи чеканил Бенвенуто Челлини и вееры расписывал Гойя; Мария Анна Колло, вылепив голову Петра для Медного всадника, не гнушалась расписывать фарфоровые накладки для мебели, а Сомов оставил в истории русского фарфора своих незабываемых маскарадных маркизов. Врубель прославился не только «Демоном», но и майоликовыми русалками. А ведь это имена, которые прочно вошли в историю искусства, вероятно, именно оттого, что искусство признавали как таковое, без деления его на «малое» и «большое». Человек неизбежно стремится узнать, какими были его предшественники, — художники и мастера, что создавали дворцы, картины, скульптуры. И тогда приходит черед «малых жанров» искусства сказать свое слово. Именно по легким зарисовкам, по эскизам костюмов, по торопливо начерченным строчкам на визитной карточке, по брифкопфу — эпиграфу к письму, — по выбранной «со значением» открытке, которая сейчас именуется «пер фелице», а раньше называлась просто поздравительной, или видовой карточкой, по девизу владельца библиотеки, а тем паче по его экслибрису воссоздается мозаика общества и мозаика времени в доступном и очень нужном понятии «человек среди людей».

Поиск человека — детища своего времени через вещи, наиболее близко ему принадлежащие и наиболее полно отражавшие его быт, а значит, и быт общества, — увлекатель-

ное путешествие по истории, искусству, обществоведению. В нем путеводными Вергилиями становятся уже не монументы, не Моисей и Давид, а тончайшая чеканка дверного замка, не фрески, украшающие потолки Ватикана, а водяной знак на бумаге. И если художественное воздействие, оказанное музеем или театром — явление периодическое, то «малое искусство» сопутствует человеку всю жизнь и незримо оказывает на него свое мягкое, но настойчивое воздействие.

Нередко приходится слышать: «Кому нужны эти кошелечки, записочки и открытки? Пропагандировать их смешно и несовременно».

Все эти вышивки-миниатюры, экслибрисы-миниатюры фатально считаются уделом ремесленников, если речь идет о старинных предметах прикладного искусства, и — хоббиистов, если речь идет о современных вещах.

Однако не случайно, наверное, за последние годы на форуме искусства вновь слышатся голоса мастеров одного из «малых жанров» — экслибриса. Среди них за короткое время завоевал себе прочное имя кемеровский художник-график Николай Кофанов.

Первые свои четыре экслибриса Кофанов сделал в 1972 году. В 1973 году в Кемерове состоялась его первая персональная выставка. Он участник выставки «Сибирский экслибрис» в Минусинске. В 1974 году его работы представлены в Баку под девизом «Кемеровский книжный знак». В плодотворном 1974 году «Пушкиниана» Кофанова фигурировала на выставках в Болдино, Горьком, Риге, Воронеже,

Москве. И в этом же году в Вильнюсе Кофанов экспонировал свои работы на тему «За наше мирное счастье», был участником областной выставки «Кузбасс, земля и люди», персональные выставки Кофанова прошли в Кемерове и Ленинграде. Тогда же работы Николая Кофанова были представлены на выставке польско-советской дружбы в Шлонске. Один из экслибрисов (Тадеуша Гудзовского) опубликован в каталоге. Следующий год при-

нес новые успехи. Кофанов — участник международной выставки в Москве, его работы представлены на выставке в Праге (дни советской культуры в ЧССР). В этом же 1975 году персональная выставка экслибрисов Кофанова состоялась в Новосибирске. В братиславском журнале «Художественная фотография» (1975, № 1/1) опять-таки экслибрис работы Кофанова.

Признание пришло к нему внезапно. Как-то вдруг в Ленинграде, Красноярске, Минске, Москве, Томске, Баку экслибрис Кофанова стал интересен. В «Книжном обозрении», в «Литературной России» — экслибрисы Кофанова. Кружево ленинградских решеток, болдинские лиричные уголки, военные заграждения на фоне истерзаных войной зданий, каравеллы, плывущие под низкими облаками, добродушные лубочные львы и русалки «берегини», награвированные по мотивам нижегородской резьбы, — далеко не полный перечень всего, что воспроизведено в газетах, буклетах, каталогах.

Все, что я представляла себе о малой графике вообще, и об экслибрисе в частности, сформулировалось и уточнилось после знаком-

ства с художником. Обнаружились и вовсе неожиданные для меня аспекты в этих маленьких работах, «вещицах», как называет их иногда чуть иронично Н. Кофанов. (Я подчеркиваю этот момент оттого, что эти «вещицы» появились после многих исканий как итог определенного периода творчества, а отнюдь не в порядке хоббизма, попутно с иным, более «ведущим» творческим интересом).

Итак, экслибрис — это соединенные в миниатюре мысль и символ. Но прежде всего мысль. Экслибрис, да впрочем, любой т. н. малый жанр графики, будь то «пер фелице» или брифкопф, обязан дать некое философское обобщение своего объекта. Я не оговорила. Человек, которому принадлежит экслибрис, это и владетель его, и объект. Мне кажется, человек должен «опасаться» умного талантливое мастера экслибриса еще более, нежели искусного портретиста. Если экслибрис не сделает из своего заказчика объект для изучения и все познанное о нем не вместит в максимально выразительный и лаконичный образ — не будет экслибриса, не состоится этот коварный «малый жанр»!

Экслибрис — как бы символ человека. Знак его индивидуальности. Причем даже не просто ее, этой индивидуальности, а того ключа, который ей присущ. Например, есть у человека страсть к коллекционированию или обладает он пытливым умом или особой отвагой, кото-

рую доказал в бою, или было у него в жизни некое происшествие, или некий подвиг совершил он, — и вот уж только эта одна особенность характера или биографии накладывает свой отпечаток на весь его внутренний мир.

Однако мастер экслибриса обязан отобразить не свойство, не событие, не действие, а только признак и символ такой неуловимой вещи, как тональность внутреннего мира человека! Поэтому, мне кажется, экслибрис дается художнику не вдруг. К экслибрису нужно прийти, когда человек способен к психологическому проникновению, к обобщению характера, а художник — к созданию лаконичного и реального, сказочного и правдивого образа.

Как оказалось, у Кофанова поиск был многообразен. Листы, навеянные музыкой. (Интересная закономерность — попытка музыкантов и живописцев во все времена сроднить эти два вида искусства!). Фантазия «Бах» — пламенная с золотыми органными взлетами — почему-то сразу напоминает о лучшей из баховских «Пассакалий», которую многие, не сговариваясь, называют «Истина истин». «Григ» —

холодноватая северная лазурь с редкой рябью золотых блесток — как бы выраженное в цвете настроение 1-го концерта для фортепиано с оркестром, того самого, «где пламенные реки текут подо льдом». И «Шенберг» — фиолетовосиний фон басов с мелким пурпурным пунктиром трелей.

К истокам истоков относится и «Звездная сюита». Глазастый всевидящий «месяц» — яркий на темном небе в хоре созвездий — и стыдливая, вся в загадочном сиреновом мареве, опустившая *очи долу* — «Луна». Эти листы показались мне особенно интересными. Очень они «ленинградские». Мне довелось видеть «Лунную сюиту» художника Сергея Калмыкова, «мирискусника», ученика Добужинского. Так же как и его работы, кофановская сюита отличается особой интеллигентностью рисунка и тонкостью выполнения, свойственными ленинградской школе. Очевидно, сказывается пора обучения в классах рисования ленинградской Академии Художеств, которые Кофанов посещал попутно с учебой на филологическом факультете Ленинградского университета.

И была пора автопортрета. Возрожденческий, с ищущим взглядом, со складками умудренности, с сухой аскетичностью, — поиск самого себя, поиск колористического графического решения.

И было сомовское увлечение «галантным веком» — подступ к декоративности и тончайшей проработке деталей, постижение намека и изыска легких контуров.

И была, конечно, дань кубизму, — очень смелое экспериментирование с формой и цветом, — череда лиц странных, с выпуклым лбом, с сухой геометрией черт, с матовыми, трагическими и провидческими глазами. Все это — тоже большая цветовая заявка.

И мягкие, лиричные «Портрет жены» и «Портрет сына» (много света, щеки-яблочки, изумленные перед радостным миром глаза).

И был неистовый «Протопоп Аввакум» — холст, купленный в 1968 году Пушкинским домом, где и висит по сей день в отделе древних рукописей.

И вот большой вертикальный холст — «Портрет женщины», завораживающий теплотой света, нежный мерцанием мазка. Этот портрет Кофанов редко кому показывает: художники говорили ему, что много ренуаровского в этом портрете. И засомневался Кофанов. Может, он и в самом деле под влиянием Ренуара?!

Вот так! Тяжело ж было бы нынче ученикам школы Рубенса, которых узнавали и узнают безошибочно, именно потому, что, к счастью, у них много рубенсовского. И как быть многим современным художникам, которые, к несчастью, так напоминают друг друга, что и не отличишь кто — кто? Нет — я за такое напоминание Ренуара, потому что оно — не подражание и не подделка, и не отсутствие собственного почерка, а скорее печать учителя. Метка, налагаемая им на ученика и последователя.

Мне кажется, если спросить Кофанова, что он чаще всего изображает, он скажет: осень и Пушкина. Из множества работ он выбрал те, что составляют как бы лейтмотив его творчества, и ввел их в свой интерьер. Это «Осень», рыжая, жаркая, багряными факелами деревьев влекущая, плотными мазками вылепленная. И — «Пушкин».

Чем больше разглядываю работы Кофанова, тем больше ассоциаций с музыкой вызывают они. Папка «Болдино». «Осень». Линогравюры. Все одинаковые. Но это — на первый взгляд. Лазоревый вариант — это утро, холодное, обманчиво яркое, еще помнящее летнее небо. Вариант «дождевой» — небо болотное, над землей нависшее, безнадежно предзимнее. И вот самая ранняя, еще кокетничающая своим холодным золотом осень, а вот багряная, зрелая, хищно-прекрасная, опять же она, «Болдинская осень».

Рядом несколько вариантов экслибриса «Русь», выполненные конгревом (тиснением) с чуточной подкраской — незаслуженно забытый, изумительно декоративный метод! Шесть колористических вариантов одного и того же мотива — и перед нами как бы шесть разных изображений древнего храма. В изморози инея он как хрустальная мечта. Он же в сиреневых весенних сумерках, загадочный и колдовской, из своей древности снисходительно глядящий на сегодняшние вёсны. И вот храм грозный, на фоне тревожного грозового неба — оплот смуты, носитель бедственного набатного гласа. И, наконец, храм мирный, чуть подсвеченный золотом заката, красивый и замкнутый, все помнящий, но молчащий. Удивительная у Кофанова вера в силу цвета. («Цве-

том можно убить человека!» — говорил Ван Гог). Именно колористические варианты экслибрисов вновь заставляют вспомнить о музыке. Сюжет кофановского экслибриса — мелодия. Цвет — исполнитель и дирижер, заставляющий звучать эту мелодию каждый раз по новому.

Кофанов считает, что путь к экслибрису начался у него с влюбленности в мастерство матери-вышивальщицы и кружевницы. Для

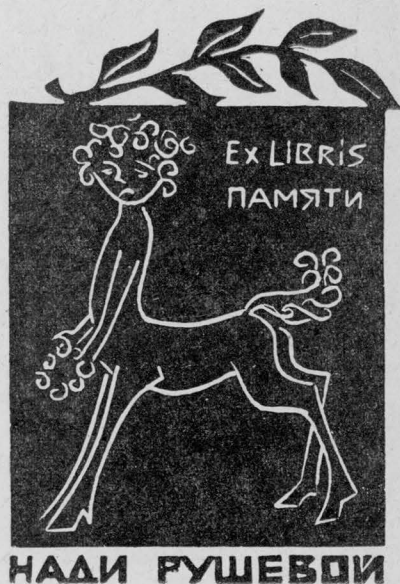
нее он срисовывал листья и цветы и переводил их в узор. В ее узорах находил причудливые образы, которые вдруг являли невиданные лики светил, зверей и сказочных птиц.

Очевидно, в искусстве экслибрис совершает то же самое, что некоторые новые ростки познания, возникающие на стыке наук. Потому что, обладая смысловой насыщенностью, экслибрис облекается к тому же в изящную форму миниатюры. А она требует филигранной отработанности, присущей лишь лучшим образцам художественно-прикладного искусства. Очевидно, экслибрис (не просто как метка на книге, потому что свое прямое назначение он уже потерял!), как особый жанр графики-миниатюры или тиснения-миниатюры, составит когда-нибудь отдельную главу в искусстве на стыке между станковой и прикладной живописью.

Еще я думаю, что экслибрис станет неоценимым историческим документом, свидетелем своего времени. Если хорошая иллюстрация к кни-

ге не просто отображает отдельный момент, а «досказывает» книгу, неся полную смысловую нагрузку, то экслибрис — настоящий расцвет которого, несомненно, впереди — может взять на себя эту функцию в отношении нашего времени. Он будет «досказывать» его через свой скупой и вместе с тем красноречивый рассказ о сущности наших современников.

В этом отношении у Кофанова скопился не только большой, обладающий высокой художественной ценностью материал, но и богатый архив. Особый интерес представляет военная тема, выраженная в экслибрисе. Вот экслибрис ветерана Великой Отечественной войны, майора запаса В. Н. Блудова, большого книголюбца. Был с молодым солдатом Блудовым в самом начале войны такой драматический случай — упала около него мина и чудом не взорвалась.

И уверовал солдат в свою удачу. И дошел он до стен рейхстага цел-невредим, как заговоренный. Отсюда и девиз экслибриса «Смерти нет, ребята!» на фоне сокрушенного рейхстага, на котором уже реет знамя победы. Есть и другие экслибрисы военной темы. Для участника войны С. А. Пушкарева — с девизом «Это

не должно повториться!» на фоне развороченного снарядом дома с окнами, похожими на пустые глазницы. И очень лиричный сюжет для военного журналиста Рыбина, ныне писателя, живущего в Оренбурге — дерево все в кружеве листвы, отягощенное плодами, корни которого проросли сквозь каски и солдатские звездочки павших героев.

Не менее интересна тема «Люди земли Кузнецкой». Есть среди них такие, которых все мы знаем, а есть и те, о которых нам интересно узнать именно через экслибрисный рассказ художника.

Вот наш «провидец погоды» А. Дьяков, отраженный в круговерти знаков зодиака вокруг пылающего солнца.

В экслибрисе кемеровского поэта М. Небогатова — шедшее древо творчества под звездным небом, по которому мчится крылатый Пегас. Любопытный экслибрис у В. Ермакова, шахтера из Прокопьевска, счастливого владельца библиотеки в десять тысяч томов. Экслибрис — богиня победы, торжествующая Ника, — выполнен в двух вариантах. В одном случае лучезарно-голубая Ника — символ веры в торжество знаний и красоты, в другом — та же Ника, но кроваво-багровая на сумеречном фоне сомнений и жертв, принесенных во имя этого торжества.

Пушкин — большая любовь художника.

Передо мной папка. И в ней — экслибрисы людей, связанных с Пушкиным либо по приверженности своей, либо по профессии, либо по местопребыванию. Я подумала, что люди, может быть, никогда не знавшие друг друга, через сто лет составят для исследователя интересную тему — духовный облик нашего современника. И, конечно же, к обширной и неповторимой «Пушкиниане» гениальной девочки Нади Рушевой приложится изящный экслибрис Н. Кофанова. В память этого буино расцветшего и первозданного таланта, так ненадолго подаренного миру, в экслибрис юной художницы включены фрагменты ее рисунков. Вдохновенный профиль Пушкина творящего и трепетный, словно сквозь флер увиденный, облик прекрасной Натали. Смешной маленькой кентавр-дитя, легионный, угловатый, кудрявый и трогательный. У самой Нади веселый кентавр-

нок был плод ее полудетской фантазии, персонаж из доброй и светлой мифологии детей. Кофанов изменил лишь выражение. На экслибрисе, посвященном памяти безвременно ушедшей из жизни художницы, маленький кентавр печален, — с удивлением и укоризной глядит он из своего далека.

Даже узнав, что все эти люди, символически собранные в одну папку, никогда друг друга не видели, исследователь поймет, конечно же, что были они едины в любви своей к Пушкину. И, может, через эту объединенность откроется для потомков еще одна духовная грань наших современников.

Может быть, без Н. Кофанова никто бы никогда не узнал, что жил-был мальчик Сережа Лебедев, любитель книг и зверей, на экслибрисе которого добрейший черный кот сказки скрывает около книжных полок юного книголюбца. И что трагически погибшая девочка-ленинградка Аленушка Демкова, владевшая в свои тринадцать лет четырьмя языками и свободно читавшая на старославянском, собрала за свою короткую жизнь библиотеку из 300 книг. И что родители в память о ней заказали для этих осиротевших книг экслибрис: лист кувшинки, на котором — оставшаяся без владелицы коронка, достойная Дюймовочки, и стрела, унесшая хозяйку недосказанной сказки.

Экслибрисы детей — рассказ о внутреннем мире нашего завтра, и в том, мне кажется, их ценность.

Не менее интересны и брифкопфы Н. Кофанова. Брифкопф — это заголовок письма. Это дополнение к написанному и напоминание о личностных свойствах автора письма. К стати, у Н. Кофанова — это песочные часы. Помни о времени. Мне кажется, как нельзя более подходящий брифкопф для него, который работой своей иллюстрирует время. Вполне отвечает сущности автора и его экслибрис — птица феникс, вечно возрождающаяся, около вечно юного древа жизни.

Точно так же, как брифкопф, поздравление «пер фелице» («на счастье») мыслится как совершенно оригинальное графическое решение, поскольку такое поздравление посылает только определенное лицо, только определенному адресату и только на определенный случай.

Оно не созвучно ни с кем иным, кроме как с данным адресатом, и в том оригинальность этого интересного перефразирования современной серийной поздравительной открытки. Такое «пер фелице» само по себе оригинальный подарок, который учит человека ценить мастерство художника, а также внимание дарителя, сумевшего подсказать художнику нужную тему.

И вот уж экслибрис, «пер фелице» и бриф-копф помимо воспитания вкуса, осуществляют очень мягкое и вкрадчивое вторжение в эмоциональный мир человека и по крупнице помогают ему воспринимать и складывать новые этические нормы, уметь ценить внимание и расположение того, кто дарит, — то есть ценить то, что ни в какие видимые ценностные меры не укладывается (скажите, сколько стоит «внимание?»).

Хотелось бы сказать еще, что все эти маленькие вещицы Н. Кофанова выполнены в линогравюре, частично в технике сухой иглы и в рисунке с цинкографированием.

Николай Кофанов известен также как художник-оформитель, «одевающий» книги. Его первая работа — книга В. Рехлова «Повесть о Михайле Волкове», вышедшая в свет в 1972 году. Колосится рожь, колышутся сосны, плещется у каменных берегов Томь на изящных заставках в начале каждой главы книги. Михайла Волков «ловко управляется с горячей пашней, долотом и топором», плывут по небу над тайгой, над водами осенние журавли, стоят в кандалах рудознатцы перед московским подъячим, мужики на торжище катят бочки просмоленные, торгуют рыбой вяленой — все это на иллюстрациях к названной книге Рехлова. Очень сдержан колорит общего оформления — всего три цвета. Зеленый, черный и белый — может, от тайги, от угля, от снегов сибирских?

Вторая книга в оформлении Н. Кофанова — изданный тоже в 1972 году сборник стихов молодого новокузнецкого поэта Павла Майского. Сборник «Сарбалнинская рапсодия» иллюстрирован Кофановым «под знаком ласточки». Мчатся ласточки над миром, знойный полдень повис над Сарбалой. Добавьте в своем воображении еще огромное, сказочное солнце, по-

висшее рядом с кудрявым, игрушечным облаком над умиротворенной Сарбалой, и вы увидите одну из тонких, полных настроения кофановских иллюстраций.

1972 год. Сборник стихов поэта Михаила Небогатова в оформлении Н. Кофанова. Подстать названию «Спасибо сентябрю» тональность оформления. Поскольку в сборник включены стихи, представляющие жанры, в которых поэт работает более 25 лет, книгу можно бы назвать сборником зрелости. В округлые медалионы (круг — знак солнца и зрелости) заключил Н. Кофанов смысловые заставки, разделяющие отдельные главы сборника. Молодое деревце у Вечного Огня вводит читателя в главу «Былое и грядущее — все рядом...» Большеглазая девушка-сказка под сенью волшебной звезды стоит у порога лирической главы «Благодарю я руки те...», и щедрое плодоносящее дерево украшает обложку, переключаясь с темой экслибриса М. Небогатова.

Все перечисленные оформления можно назвать удачными, но и только. В каждом — свой язык, свое настроение, но преобладает еще в них многословность и иллюстративность. Более того, зная ограниченные типографские возможности, с которыми столкнется его книжное оформление, художник должен бы учитывать этот момент, и, увы! — некоторым образом «подгонять» замысел под возможность его воплощения.

Не сделав этого, он заранее обрек оформленные им книги на «заниженное звучание», очевидно, намного отличающиеся от художественного видения.

Весной 1976 года вышел в свет первый сборник стихов молодого Кемеровского поэта А. Ибрагимова «Буквы одуванчика». В его оформлении художник пришел к драгоценной лаконичности. Он понял, заставки перед главами никак не должны привлекать к себе чрезмерного внимания, отвлекая от самой сути главы, и заранее навязывая читателю видение этой сути. Обложка — лицо книги!.. — и должна быть этим лицом. То есть должна быть достаточно выразительной, чтобы передать «признак» или символ внутреннего мира поэта. Кстати, Кофанов считает, что труднее всего оформлять сборники стихов. Здесь требуется особая «знаковость» и

тот же подход, что к экслибрису. Не навязчивое подсказывание читателю, а невидимое присутствие художнической мысли.

В оформлении книги у Н. Кофанова те же вдумчивость и аналитичность, и тем не менее, та же звенящая паутинка чувства, что и в экслибрисе. Творчество Кофанова как бы замыкается в счастливый круг: от книги пришел к экслибрису, в книгу привносит все, чему научил экслибрис.

Н. Кофанова, о котором в многочисленных публикациях сказано, что «он завоевал себе имя в области экслибриса», мы знаем как мастера книжной графики. Н. Кофанов — участник двенадцати отечественных выставок и пяти международных. И все-таки мы еще очень мало знаем Н. Кофанова, тонкого, проницательного художника, поклонника этого спорного «малого жанра».

ЛЕТОПИСЬ СОЗИДАНИЯ

За годы Советской власти Кузбасс превратился в край высокой образованности и культуры. Сейчас в общеобразовательных школах учится около 467 тысяч человек, в том числе без отрыва от производства более 67 тысяч. Только в 1975/76 учебном году 46,7 тысячи человек получили аттестаты о среднем образовании. Без отрыва от производства получили среднее образование около 10 тысяч человек. Более 83 тысяч учащихся обучается в группах продленного дня. В школах-интернатах находится около 8,7 тысячи детей.

В 42 училищах системы профтехобразования 26,8

тысячи учащихся наряду с рабочей профессией получают среднее образование. Профтехучилища в 1976 году направили на предприятия более 26 тысяч молодых рабочих. Городские училища подготовили почти 19 тысяч, сельские — свыше 4,5, вечерние — 3,1 тысячи квалифицированных рабочих.

В шести институтах и университете обучаются 39,2 тысячи студентов, из них на вечерних и заочных отделениях — 12,7 тысячи. В 59 средних специальных учебных заведениях учатся 65,3 тысячи человек, в том числе 25,5 тысячи получают специальность без отрыва от производства.

Высшие учебные заведения области в 1976 году вы-

пустили 2507 инженеров, 1403 педагога, 437 работников культуры. Средние специальные учебные заведения выпустили для народного хозяйства около 15 тысяч специалистов.

В 92 музыкальных и художественных школах области занимаются почти 13 тысяч детей.

В Кузбассе сегодня работают 1200 киноустановок, 920 клубов, 1220 массовых библиотек, 6 профессиональных театров, 10 музеев и филармония.

В нашем крае неуклонно улучшается медицинская помощь населению. Кузбассовцев сегодня обслуживают 9477 врачей всех специальностей.

Только в минувшем году в санаториях, домах и базах отдыха, пансионатах и других учреждениях отдыха, функционирующих в области, отдохнули более 400 тысяч трудящихся и членов их семей. В загородных, городских и школьных пионерских лагерях провели лето 179 тысяч детей.

В. Копылов

ЛИТЕРАТУРЫ ВЕСКАЯ СТРОКА

(Стихи и проза на газетной полосе)

Родство литературы и газеты общеизвестно. Чаще всего творческий путь писателя начинается в газете. Но и для любого органа печати публикации литературных материалов имеют значение. Они обогащают содержание номера, работают на популярность и т. д.

Конечно, надо иметь в виду, что возможности газеты — это не возможности хотя бы альманаха. Поэтому речь надо вести о системе в пропаганде литературных произведений, о качестве публикуемых вещей.

Обо всем этом хочется поговорить на примере нескольких городских газет, находящихся в приблизительно одинаковых условиях. Мы выбрали газеты «В бой за уголь» (Киселевск), «За коммунизм» (Березовский), «Знамя шахтера» (Междуреченск), «Борьба за уголь» (Анжеро-Судженск) и «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Другие кузбасские городские газеты, как нам кажется, лишь в той или иной мере повторяют удачи и ошибки названных органов печати.

В каждой из этих газет своя сложившаяся традиция в отношении литературных материалов. Так, в «Кузнецком рабочем», например, часть их печатается в специальной полосе «Литература и искусство», в остальных — где более, где менее регулярно — выходят «Литературные страницы».

Новокузнецкая газета большеформатная. Понятно, она может отводить стихам, прозе, анализу литературных событий достаточную площадь.

За прошлый год здесь вышло три таких

страницы. Маловато. Тем более, что уже во второй странице явно нарушены пропорции составляющих. Из сугубо литературных материалов — всего лишь подборка стихов участников поэтического объединения «Гренада», плюс небольшой юмористический рассказ. Остальное — публикация на театральную тему (то есть то, что подразумевает рубрика «Искусство»).

И вот что заметно. Как раз специальные-то страницы получаются наименее интересными, чем отдельные публикации. С одной стороны, редкость их появления не дает читателю представления о полноте и содержательности «литературного портфеля» редакции. С другой стороны, не каждый материал может втиснуться в целевую полосу (к примеру, длинный рассказ, тем более, документальная повесть).

Не побоимся утверждать: газетные литературные страницы — всего лишь дань традиции. Традиции, пожалуй, изживающей или даже изжившей себя.

Обратим внимание на центральную печать. Раньше она давала литературные полосы. Сейчас нет. Хотя без стихов и прозы трудно представить любую большую газету. Почему изменилось положение? Потому, наверное, что литература со временем стала органической принадлежностью печати. Не просто «читабельный раздел», а одна из необходимых форм живого организма газеты, присутствие которой желательно (если не обязательно) в каждом номере.

Понимая так проблему «газета и литерату-

ра», мы видим изначальную вескость писательской строки, художественного слова. Отсюда логично вытекает высокая ответственность редакций за отбор публикуемых литературных материалов.

В прошлом году «Кузнецкий рабочий» дал место двум очень крупным вещам. В шести майских номерах читатели познакомились с документальным рассказом писателя Гария Немченко «Колина бригада». Позднее в девяти номерах печаталась документальная повесть Б. Этина «Дело о лотерейном билете».

У нас нет цели сравнивать оба произведения. Они несравнимы меж собою. Ни по замыслу, ни по теме, ни по художественным достоинствам. Г. Немченко рассказывает о первых шагах Антоновской площадки, о людях, начинавших Запсиб. Это повествование можно отнести к любому жанру. Публицистический очерк? Лирические мемуары? Пожалуй, и документальной повестью не грех назвать. С материалом Б. Этина проще — это детектив, поведавший о разоблачении группы мошенников.

В принципе любой жанр подходит газете. Важна ценность публикуемого. С интересом читает Г. Немченко. Зорко вглядывается писатель в юность своего поколения. Тепло и взволнованно говорит о жизненной судьбе первостроителей кузбасского гиганта. И как бы особо придирчиво ни относились мы к строкам профессионала, «Колину бригаду» следует отнести к несомненной удаче газеты. Познавательность, авторская причастность, живой образный язык — таковы достоинства этой приметной публикации «Кузнецкого рабочего».

Ну, а «Дело о лотерейном билете»? Тут поневоле задаешь вопрос за вопросом. Познавательность? Она лишь в том, что раскрывается очередная операция наших следователей. Стиль маловыразительный, языковых штампов сверхдостаточно (чего стоит описание примет одного преступника: «оба ряда зубов изготовлены из желтого металла»). Цель повести? Изобразить технологию поиска. Отсюда такая масса пересказа «дела».

Литературная газетная публикация непосредственно воздействует на мысль и чувства читателя. В этом отношении первая достигает цели, вторая — вряд ли.

Редакция «Кузнецкого рабочего» часто предоставляет свои страницы произведениям профессиональных авторов. Так, в прошлогодних номерах опубликованы хорошо иллюстрированный рассказ известного кузбасского прозаика, лауреата Государственной премии Александра Волошина «На Висле», произведения Геннадия Емельянова.

Это совершенно правильная политика. Кроме того, что такие публикации дают непосредственное представление о литературном процессе, они воспитывают читательский вкус. Правда, деловые контакты с писателями могли быть более широкими. Тут нужно идти на прямой заказ. Раз в год в газете не мешало бы выступить каждому члену областной писательской организации. Представьте, насколько обогатили бы содержание «Кузнецкого рабочего» стихи Виктора Баянова, Геннадия Юрова или рассказ Зинаиды Чигаревой, произведения других литераторов.

Профессиональный писатель ценен для газеты и в другом качестве. Вот в подшивке с приятностью отмечаешь два факта. В. Мазаев и Г. Емельянов выступают с публицистическими заметками. Тема: труд наших современников, похвала созидательным делам Новокузнецан.

Только вот какая незадача. Редакция поместила публицистику Г. Емельянова на четвертую страницу, дала под занавес номера. А с заметками В. Мазаева и того горше — они попали в полосу читательских писем, где рядом короткие сигналы о неблагополучии, о шероховатостях быта и тому подобное. Конечно, дело редакции распоряжаться имеющимся материалом. Однако, согласитесь, писательские строки при соответствующей подаче могут стать ударной публикацией, гвоздем номера, говоря журналистским языком. Ведь публицистика вообще — не столь уж частая гостья в наших городских газетах, ибо это самый трудный, самый сложный жанр. А тут еще публицистика из-под писательского пера. Ею надо первостепенно дорожить, использовать такой материал как можно выигрышнее...

Газета — это оперативная возможность устроить автору встречу с массовым читателем.

Такую возможность «Кузнецкий рабочий» дает. За это, наверное, пишущие товарищи благодарны газете. Кроме уже упоминавшихся вещей, здесь впервые увидели свет глава из повести журналиста Альберта Поляковского «Моряки поперечного плавания» (в двух номерах), рассказ геолога Владимира Власова «Лешка Чугунок», отрывок из готовившейся тогда (в 1976 г.) книги циркового артиста Ильи Символова, глава из сатирического романа Анатолия Яброва.

Это, так сказать, крупногабаритные вещи. Впрочем, вряд ли правомерно ставить вопрос — «Много или мало печатают литературы в газете?» Важнее другое: что печатать, что оставлять за бортом издания.

Знакомство с первопубликациями новокузнецкой газеты (здесь мы говорим о прозе) весьма благоприятное. Во-первых, радуют они разнообразием тематики. А. Ябров убедительно раскрывает социально-бытовое уродство пьянства. А. Поляковский рассказывает о становлении характера молодого человека в армейских условиях. Эти литературные произведения помогают газете в интересной форме решать воспитательные задачи. Но кроме всего прочего, предложенные читателю вещи просто интересны, содержательность их художественна, чего, к сожалению, не все газеты добиваются, отбирая для публикации литературные произведения.

«Еще бы не жить новокузнецкой редакции!» — возможно, заметит иной читатель обзора. Да, в «Кузнецкий рабочий» несут свои творения профессиональные литераторы. Вообще тут есть сильный «пишущий актив». В одном из номеров напечатана аннотация А. Антонова на третий выпуск альманаха «Огни Кузбасса» (1976 г.). Так вот, аннотация заканчивается фразой: «...приятно отметить, что большую часть авторов номера составляют новокузнецчане». Действительно, по-видимому, не случайно в альманахе сошлись повесть Геннадия Емельянова и рассказ Владимира Власова, лирический цикл Павла Майского и охотничьи раздумья Анатолия Сосимовича, тут и небольшая рецензия Юрия Шатина на книжку критика А. Абрамовича.

Что тут ответить? Богатством ведь надо до-

рожить, пишущий актив надо привечать. Не в поучение, а в порядке товарищеского журналистского замечания: областная газета «Кузбасс» «крупно» публикует литературу, в основном в связи с каким-нибудь литературным мероприятием, проходящим в области. А возможности уважаемой старшей газеты области куда больше, чем той же новокузнецкой.

А теперь немного о поэзии. Не станем расшевеливать старый спор о газетных и негазетных стихах. Зрелая поэтическая строка, окрашенная субъективной интонацией, общественно значимым чувством, — сродни высокой газетной публицистике. Весь вопрос в том, умеем ли искать такие строки.

По количеству стихов, публикуемых в «Кузнецком рабочем», можно сделать вывод, что авторов-поэтов в Новокузнецке меньше, чем прозаиков.

Но они есть. Состоялась встреча с подборкой Г. Холоденина, в праздничном номере — стихи болгарских поэтов Доры и Монко Лалевых, время от времени даются стихотворения Э. Гольцмана для детей. Без поэзии не появился ни один выпуск страницы «Литература и искусство» (как мы помним, их было три).

Вот такое наблюдение: редакция помещает больше материалов о поэзии (рецензии, обзоры, о которых речь впереди), чем самих стихов. В чем тут дело? Неужто и впрямь оскудела поэтическая нива!

Ответ находится в самой газете. Ноябрьский номер 1976 года. Тут отмечается значительное событие — десять лет литобъединению «Гренада». Оно работает при городском комитете комсомола Новокузнецка. В коротком вступительном слове подчеркивается интересный факт. Оказывается, за десятилетний срок сменилось уже целое поколение «гренадцев». Сегодня в номере выступают В. Красиков, А. Раевский, В. Пьянкова, Н. Николаевский, А. Балакай. Некоторые имена знакомы по областному семинару молодых авторов, состоявшемуся полтора года назад в Кемерово. Тогда, в частности, творчество Александра Раевского и Николая Николаевского получило одобрительную оценку. Без преувеличения, в «Гренаде» собралась молодежь творчески перспективная, работающая увлеченно и не без пользы.

Ну, а первое поколение литобъединения? Кто это? С удовлетворением встречаешь имена Любви Никоновой, Валерия Зубарева, Павла Майского, Александра Родионова. Каждый из них выпустил по отдельному сборнику. И все, кроме, кажется, А. Родионова, живут в Кузбассе. Огорчительно, однако, что бывшие «гренадцы» забыли дорогу домой, в «Кузнецкий рабочий», где, по существу, начинался их поэтический путь. И снова хочется повторить: дело редакции поддерживать, не давая утрачиваться связям с авторами.

Литература на газетной полосе — явление многостороннее. Самостоятельное значение приобретают статьи, заметки, обзоры о литературных событиях, о творчестве того или иного автора. Особенно важно, когда газета поддерживает пишущую молодежь, кроме прямых публикаций, еще и разговором об удачах и изъёмах, без скидок на молодость. Читатель газеты должен знать о литературной жизни области, города, района.

В этом отношении «Кузнецкий рабочий» выглядит неплохо. Если даже читатель не следит за соответствующими публикациями областной газеты или альманаха, и то составит впечатление о творчестве кузбасских поэтов и писателей.

Довольно регулярно газета рассказывает о книгах, выпущенных Кемеровским издательством, о публикациях «Огней Кузбасса». Одна из самых интересных рецензий написана В. Пьянковой о первом сборнике стихов кемеровчанина Александра Ибрагимова «Буквы одуванчика».

О творчестве этого своеобразного поэта рецензент пишет квалифицированно, довольно глубоко проникая в смысл образов. В то же время этому материалу присущ критический взгляд.

Значительно реже в газете ведется разговор о роли литературы в жизни. Из публикаций такого рода следует отметить, пожалуй, большую статью А. Семенова «Синяя птица, летящая за горизонт». Это рассказ о работе литературно-творческого объединения учеников школы № 72. Автор ставит, по его словам, задачу раскрыть не художественные достоинства ребячьего творчества, а тематику, идей-

ные устремления и обретения участников объединения. И, наверное, напрасно такое предупреждение. Как можно рассказывать, о чем пишут школьники, и не показывать, как это удается и почему не все ладится у юных авторов.

Примечательным событием было проведение в Кузбассе Дней советской литературы. Городские газеты освещали этот праздник широко. В «Кузнецком рабочем», в частности, кроме отчетов о встречах читателей и писателей печатались стихи и проза гостей и хозяев.

Праздник литературы миновал. Он оставил как бы ориентир для нашей периодики. Надо, чтобы читатель почаще, регулярно встречался на газетных страницах с лучшими работами кузбасских литераторов. Ибо и стихи, и проза — действенное средство воспитания. Публикация их — одна из славных традиций советской печати.

...Некоторые газеты невольно сравниваешь. «В бой за уголь» (Киселевск) и «За коммунизм» (Березовский) выходят в шахтерских городах, периодичность и формат одинаковые. В той и другой не по одному году существует литературная группа.

Тем заметней контраст.

Березовская городская газета умело и разнообразно распоряжается малой газетной полосой. Чувствуется, редакция понимает роль литературного материала.

Особенно заметно это по стихам. Они выполняют различные назначения, вплоть до чисто иллюстративного (в полосах о природе, например). Для поэтических публикаций всегда находится место: в страницах ли «Субботного выпуска» или под специальной рубрикой «Новые имена». Надо иметь в виду, что газета печатает также «Литературные страницы», где стихи обязательно присутствуют.

Поэзия у березовцев разнообразна тематически. Авторы прославляют стихотворною строкою труд земляков-шахтеров. В. Уткин адресует свое творчество конкретным лицам. Так, в стихотворении «Вся жизнь — в атаке» раскрывается жизненный подвиг механизатора, преодолевшего тяжелый недуг. В газете напечатана также поэма этого автора «Страна Пионерия». Интересные стихи А. Сергеева

опубликованы однажды в подборке, посвященной творчеству членов литературного кружка редакции. Можно отдельно говорить о первополосных стихах березовской газеты. Печатаются в ней также обзоры почты литературной группы.

Иное дело — качество некоторых опубликованных вещей. Нетребовательность (а скорее неумелость) автора приводит к тому, что читаем следующие слабые строчки:

Лишь булку хлеба стану резать,
А горькой памятью опять
Скрипят во мне его протезы (?)
Как крик сирены — не унять.

Сравнительно с поэзией прозы «За коммунизм» дает меньше. Интересны, пожалуй, только малые формы публикаций. Например, новеллы-миниаютуры рабкора А. Логинова. Вот одна из них — «Шахтерская каска».

«Шахтерская каска лежит на снегу. Ее кто-то выбросил, как вещь ненужную. А разве каска виновата, что не знала, какую сберегала голову».

Зато уж совсем неоправданной выглядит публикация рассказа В. Кораблева «Поединок». Места в двух номерах не поскупилась отвести редакция для этой странной вещи.

Коротко суть этой «были» (как сказано в подзаголовке). На поле боя военфельдшер совершает подвиг. Сначала ему пришлось подавить фашистский пулемет. Потом он поднимает в атаку целый полк. Покуда боец медсанбата один на один воюет с врагом, пехотинцы (полк!) пребывают в ожидании. Дальше — больше. Военфельдшер Семенов серьезно ранен в том бою. Его прячет некая Марина. И вот тут-то, в доме Марины, боец делает себе ампутацию ноги. Одной ножовкой, без наркоза.

Что ж, в жизни бывают ситуации и необычнее этой. Повествует же о своем герое автор наивно. Чувствуется полное незнание предмета. Язык рассказа — бледный и невыразительный. Одни литературные штампы от начала до конца. Вот как говорит герой:

— Могли ли мы, Марина, думать, — загадочно (?) улыбнулся Семенов, — о сегодняш-

нем дне тогда, когда я простой ножовкой пилил нсгу?

Среди многих городских газет березовская выгодно выделяется последовательностью пропаганды литературы. Эту задачу выполняет газетный «Клуб книголюбов». Материалы рубрики знакомят читателей с творчеством выдающихся советских авторов. В прошлом году напечатаны статьи о поэзии Евгения Долматовского, повести Валентина Распутина «Живи и помни», о литературном наследии Василия Шукшина, о других именах и книгах.

Все это хорошо. Но о состоянии кузбасской литературы из газеты сведений не почерпнешь. Не знакомит «За коммунизм» ни со стихами кемеровских поэтов, ни с прозаическими произведениями. Это явная недоработка газеты, которая столь широко рассказывает о литературе, имеет творческую группу.

Отсутствие последовательной литературной линии бросается в глаза, когда познакомишься с киселевской городской газетой. В новогоднем номере прошлого года промелькнуло одно стихотворение. Оно не познакомило с новым именем, и даже не связано с темой номера. И потом только через полгода появляется подборка стихов в связи с проходившими тогда в Кузбассе днями культуры Латвийской республики в Российской Федерации. Литературная страница, посвященная этому мероприятию, оказалась составлена наспех, из случайных вещей. Наверное, не произойди фестиваля, газета и не давала бы таких полос.

Непродуманность характерна и для последующих литературных страниц «В бой за уголь». Очередная почему-то почти вся получилась иронической: тут пародия на стихи М. Небогатов, сатирическая проза О. Соловьева и т. п.

В Киселевской городской газете ничего не прочтешь о литературе. Нет тут рецензий на творчество кузбасских литераторов. Нельзя узнать, есть ли какие творческие группы, за год не опубликовано ни строки участников редакционного объединения. Словом, читателя не радуют прямыми публикациями, не открывают ему литературу и другими способами.

Поэтому, когда мы сравниваем березовскую и киселевскую газеты, то в первом случае можем вести речь о качестве публика-

ций, во втором — увы! — с трудом находим предмет для разговора.

Вдали, как говорится, от литературных «столиц» — междуреченская городская газета «Знамя шахтера». И весьма приятно отметить здесь оживленную художественную жизнь.

Эта газета тоже имеет свою литературную группу. Названа она именем богатыря из шорского эпоса — «Еркен». Читатель познакомлен с изложением поэтической легенды об Еркене. А вот сама литературная полоса. Десять авторов представлены на этой странице. Сделана она со вкусом.

«Знамя шахтера» систематически ведет две рубрики. Одна из них посвящена поэзии, вторая — прозе. «Стихи местных поэтов» и «Рассказы наших читателей» — названия рубрик четко говорят об ориентации редакции. Литературным творчеством в Междуреченске занимаются люди разных профессий. В подписях под рассказами и стихами встретишь электромонтера и горнорабочего. С интересом читается рассказ А. Есикова «Волки», ставящий проблему моральной ответственности человека перед природой. Своеобразно раскрыта та же проблема в коротком рассказе «Перелом» А. Калентьева. У начинающих авторов завидное знание жизни, они пишут о том, что им всего ближе.

Более ограничен круг авторов у анжеро-суд-

женской газеты «Борьба за уголь». Настолько, что кажется, будто у редакции в активе один поэт — Н. Гурский и один прозаик — Н. Теплов. Кстати сказать, частое появление одних и тех же имен не всегда на пользу авторам: в печать попадают однообразные, подчас несовершенные вещи.

...Сделаем некоторые выводы. Очевидно, литературе на газетной полосе будет привольно, если редакции оживят работу с творческими группами и объединениями. А это в свою очередь зависит от серьезности позиции газет в отношении литературных материалов. Не только публикации по случаю какого-нибудь события (вроде дней, декад или приезда профессионалов-земляков). Не поспешное наполнение «Литературных страниц» (лишь бы оные были выпущены). Нужна регулярная продуманная работа, соответствующая подача стихов и прозаических произведений под постоянными рубриками.

Во всем этом деле газеты ждут помощи от профессиональных литераторов. И не по местожительству последних. Такая помощь могла бы быть и в том, что поэт или писатель разбирает почту редакции, дает квалифицированные ответы и обзоры творчества молодых. Сделать это, если захотеть, видимо, можно.

Печать и литература — родня. А родственные отношения ко многому обязывают обе стороны.

Прочитайте вашим детям

Юрий Могутин

Ингода

Ингода́. Ингода́.
Есть река такая.
В ней студеная вода —
Ноги обжигает.

А когда над рекой
Загустеют тени,
По тропе на водопой
К ней придут олени.

Засмотрелась тайга
В воды ее дикие.
И пропахли берега
Спелой земляникою.

И волна к их ногам
Подбежит с шипеньем.
И качнутся рога
В лунном освещенье.

Шишкопад

Бродят лоси в сосняках
С маленькими лосятами,
Носят солнце на рогах,
Рыжее, мохнатое.

И, пугая всех зверят
Шорохом и треском,
Озорует шишкопад
В темных перелесках.

Шишкопад, шишкопад!
Что же ты наделал?

Из хвои вниз летят
Шишки переспелые.

На лосенка,
На зайчишку,
На лисенка
И на мишку.

Бродит осень в сосняках,
Ходят лоси в синяках.

Звезды в котелке

- Кто хлебал из звезд уху?
- Не мелите чепуху!
- Кто пивал с луною чай?
- Вы не спите, невзначай?

— Я обманывать не стану.
Как увидите дымок,
Приходите на поляну,
Загляните в котелок.

Два медведя

Бурый мишка
Между делом
Повстречался
С мишкой белым.

— Эй, медведь,—
Сказал медведь,—
Где успел ты
Загореть?

Пробасил на это бурый:
— Ну, а ты где выбрал шкуру?
До чего она бела!
Мне как раз бы подошла.

И решили так медведи:
Каждый на море поедет.
Бурый — к морю Белому,
Белый — к морю Черному.

Белый лазает в малине,
Бурый трескает треску
И кричит теперь на льдине:
— Дайте ложечку медку!

Часы

Часы остановились.
— Их в чистку сдать пора.
Наверно, запылились...—
Решил отец вчера.

— Ты, папочка, послушай.
В них пыли нет сейчас.
Ведь я вчера под душем
Их мыла целый час.

Комары

Над тайгой висит жара.
Зазвенела мошкара,
Прячась в чаще от жары,
Загудели комары.

Комарам в чаще тесно,
Не хватает бедным места.
Под сосной их тысяч двести
И под пихтой тысяч двести.

И от этакой досады
В зыбком мареве жары
От восхода до заката
Всех кусают комары.

Отчего океан соленый

Среди камней и скал в лесу
Струится горная Мрассу.
Над ней стрекозы навесу,
Застыли в синем воздухе...
Плоты смолистые Мрассу
Несет к Томи без роздыха.

А Томь, как старшая сестра
Горянки своенравной,
Качает барки, катера —
К Оби струится плавно.

И у Оби усталый вид —
Попробуй поворочай!
К оленеводам грузы мчит,
К тундровикам, к рабочим.

Трудились реки в дождь, в туман,
Как человек — до пота.
И стал соленым океан
От их большой работы.

Обед

Бурундук
Сел на сук,
Пообедал шишкой,
А зайчишка-шалунишка —
Сочной кочерыжкой,
Кабаржата — молоком,
Старый клест — орехом,
Воробей — червяком,
А кукушка...

эхом.

Слово—критике

Владимир Матвеев

„ГДЕ ВИДИМОСТЬ? ГДЕ СУТЬ?“

Имя этого человека хорошо известно любителям поэзии, оно прочно и навсегда связано с литературой земли Кузнецкой, с ее творческим началом. Вот уже более четверти века работает профессионально кузбасский поэт Михаил Небогатов. Автор многих сборников стихов, он недавно предстал перед читателями наиболее полно и многогранно. Книга лирики «Земной поклон» (Кемерово, 1976 г.) — итог долголетних творческих поисков автора, а в чем-то главном — и начало его подлинной зрелости и мастерства.

Сборнику предшествует многообещающий эпиграф:

О чем не подумал, про то не расскажешь,
О чем не заплакал, про то не споешь.

О чем же подумалось за эти годы? О чем «поплакалось»? О многом. Тематический диапазон книжки широк: память военных лет и философско-бытовые раздумья о жизни, любовная лирика и стихи о природе родного края, о красоте истинной и мнимой, о мудрости народных примет, о муках слова... Это, конечно, далеко не все, но это лежит в основе композиционного построения последнего сборника и, значит, особенно дорого Небогатову.

Идя вслед за ним, попытаемся проникнуть в творческую лабораторию лирика, заметить то ценное, чем он нас порадовал и объективно, не ущемляя авторского самолюбия, разобраться

в отдельных огрехах. Без них, увы, не обходятся даже «маститые».

Все познается в сравнении. Если, к примеру, в пределах единого по замыслу цикла рядом с самобытными соседствуют рядовые стихи и даже посредственные, то читатель вправе предъявить поэту счет за эмоционально-смысловую «недогрузку»: можешь быть щедрее — так не скупись.

Важно знать, о чем пишешь. Еще важнее — как, в какую форму отливаешь пережитое и к какому читателю адресуешься. Это — аксиомы, и все-таки не лишне о них напомнить. Анализируя «Земной поклон», нельзя не коснуться хотя бы в общих чертах некоторых поэтических традиций: сложности и простоты воплощения замысла, непосредственности и ложной многозначительности, народно-поэтических истоков и чисто «книжной» основы. В этом нам первый помощник — сам автор, посвятивший вечно злободневным проблемам не одно любопытное лирическое откровение.

**«ПУСТЬ ПО ЗЕМЛЕ
РОДИМОЙ РУССКОЙ
ВОЙНА НЕ ХОДИТ
НИКОГДА...»**

Участник Великой Отечественной войны, Михаил Небогатов ценой причастности к ее боевым будням, ценой потери собственного

здоровья заслужил право говорить о ней суровую и такую нужную людям правду. Всего двенадцать строк в стихотворении, открывающем книжку, но они стоят иной поэмы. Ни одной громкой интонации, а сколько тут настоящей гражданственности, человечности, достоверности! Вот где душа воина и поэта слились воедино и так торжественно-просто воскресли в памяти героическое прошлое:

Он с фотографии смеется,
Такой счастливый, молодой...
А в поле, где поземка вьется,
Над ним — лишь столбик со звездой.
И ничего здесь не поправить...
Он был ровесником моим.
Но не могу никак представить
Его и старым, и седым.
Глядеть на снимок — сердцу больно,
В нем острой горечи комок.
И вопреки всему невольно
С губ так и просится: — Сынок...

Нет, не «порвалась» связь времен». Чем дальше события тех лет, тем они ближе, тем пристальней к ним внимание. Живя как бы сразу в двух временных измерениях, поэт-очевидец имеет возможность утверждать без декларации, пробуждать в современном поколении патристические чувства, не прибегая к ложной патетике:

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движение, гул, моторов вой,
А он у дома — всеми позабытый...
...Поздней я видел многих вечный сон,
А этот всех живее в страшной были.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли.

В небогатовской поэтохронике военных лет нет домьсла, он здесь неуместен. Факты личной биографии солдата неожиданно вырастают до исторической значимости.

Вот бывший воин (в данном случае это не обязательно сам автор), как-то прочитал мемуары генерала, в которых рассказывалось о штурме одной высоты. Боец был тогда тяжело ранен, выбыл из строя и лишь недавно узнал из тех же мемуаров, что «под вечер наши заняли село». Вроде обычный штрих, а смысл в этом запоздалом узнавании большой. Сколько таких «безымянных» высот брали «безы-

мянные» солдаты, заботясь не о личной славе, а прежде всего, о свободе и независимости матери-родины.

В стихотворении «Фронтовая дружба» примечателен смысловой внутренний параллелизм. Запечатлев эпизод из воздушного боя, в котором летчик, рискуя жизнью, спас товарища от гибели, поэт сожалеет о том, что в мирные дни мы порой забываем о взаимовыручке, чувстве локтя, хотя опасности и теперь встречаются:

...И в мирный день сбивают нас
То равнодушье, то обиды.
Так мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды!
Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной —
Делом!

Доказательством того, что и благородная героическая тема оставляет читателя равнодушным, если не найдено своего решения, может служить рассуждение о ветеранах войны, помещенное на двадцать восьмой странице книжки. Это всего-навсего рифмованная проза, послужной, список боевых заслуг бывших воинов. Один отличился «в бою под Сталинградом», другой — «в снежном Подмоскowie крушил эсэсовцев в упор», «а вон тот, с ногой, скрипящей странно, «Юнкерса» таранил под Орлом»... Положение могла бы «поправить» концовка, но она неинтересно венчает этот скучный перечень: «Всем вам, боевые ветераны, мы поклон свой низкий отдаем».

«Да, это так, — согласится читатель, — но мы имеем дело не с автором заурядной газетной передовицы, а с лириком, завоевавшим, судя по лучшим вещам, право на столь высокое звание».

Снижает целостное художественное звучание в общем-то добротного военного цикла восьмистишие о тех, «которые погибли на войне». Оно завершается традиционным обращением к совести каждого, обращением справедливым и острым по сути, но сказанным энергичнее и гораздо раньше тем же Робертом Рождественским. Сравните:

Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всем?

(М. Небогатов)

Памяти павших
будьте достойны!
Будьте достойны!

(Р. Рождественский)

Эти досадные спады объяснимы скорее всего потерей в поэте на время внутреннего редакторского чутья. В творческом багаже Небогатова нашлась бы достойная замена этим явно неудавшимся стихам.

«ЧТО ЗНАЧИТ ЭТОТ ДЕНЬ, ЧТО ЕСТЬ ДОБРО И ЗЛО?»

Причастность к родной земле, ее людям, традициям — тот источник, который питает творческое воображение лирика. С годами это создается особенно остро, и хочется запечатлеть словом самое сокровенное и дорогое. Оно в памяти полугодного детства, в последней встрече с мамой, в родных проселках, в бескорыстной доброте простого русского человека, в откровенной улыбке соседки, в приветливом оконном огоньке, подавшем надежду усталому путнику, во всем, что так привычно, чем мы живем и дышим.

Под пером Небогатова привычное, обыденное в лучших стихах предстает полным значения, одухотворенности, достойно внимания и интереса. И вроде нет большого творческого открытия, а читаешь с волнением, угадываешь чисто небогатовские негромкие интонации, пересматриваешь много раз виденное и слышанное под новым углом зрения.

Заметно тяготение поэта к деревенской тематике, о городе он пишет значительно меньше. В этом сказывается не боязнь «урбанизации», а скорее желание найти первоисток, объяснить все первоначалом, чтобы городской житель не забывал о том, что под асфальтом земля:

Большая радость — пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути,
К простой проселочной дороге.
...Отсюда ввысь
И вдаль, вперед
Пошли все наши магистрали.

«Родные проселки»

Трогателен сохранившийся в некоторых русских селах обычай первыми здороваться с совершенно незнакомым человеком, приветствовать его легким поклоном.

В городе такого «приветчика» приняли бы за чудака, а обычай-то не так прост, с глубинным смыслом:

Тут не приличье, не мода,
А чуткость вместе с добротой —
Душа российского народа,
Его характер золотой.

«Русский поклон»

Философские этюды автора, его размышления о быстротечности времени, о желании оставить свой след на земле, о трудной любви к людям окрашены элегическим настроением грусти:

Зори весен со мною,
Просыпаюсь — смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.

Это меньше всего похоже на гимн безнадежности или безысходности: поэт верит в вечную «силу жизни», в обновление, в мудрую закономерность бытия:

За даль берез и сосен
В сырой ноябрьский час
Не просто скрылась осень,
А что-то скрылось в нас.
...Не просто наступила
Зима, свежа, светла,
А что-то жизни сила
В нас новое внесла.

Щемяще-нежно сказано о бесконечно близком и навсегда незабвенном:

Вот дом. Крыльцо.
Окно с поблекшей рамой...
В последний раз я виделся тут с мамой.
Уже моя в седирах голова...
Ах, как мертвы, никчемны все слова!..

Такие строки рождаются в минуты душевной наполненности, ясности мысли, доброго творческого настроения. А когда этого нет, появляются однообразные прописи-повторы о том, что «жизнь на земле всеильна», что «все-таки жизнь впереди», что «была бы цель —

преграды нипочем», что надо трудиться и всю душу вкладывать в дело. Стоит исчезнуть Небогатову-лирику, как тотчас сменяет его Небогатов-моралист, декларирующий понятия, известные и школьникам начальных классов. Похоже—заговорил другой автор, узко и утилитарно представляющий свои творческие задачи. Диву даешься, как порой совмещает поэт в себе, казалось бы, несовместимое.

Дьявольски трудно постоянно держать свой поэтический «аппарат» на творческом «взводе», но иначе для пишущего нельзя. Известно, что Михаил Небогатов охотно и часто выступает в прессе с откликами-однодневками на текущие события. Дело это важное и нужное, но создается впечатление, что какие-то из однодневок проникают потом в сборники, где место стихам лишь по самому требовательному счету и вкусу.

«ТЫ — МОЯ БОЛЬ И НАГРАДА, ТЫ — МОЯ СОВЕСТЬ И ЧЕСТЬ»

Поэтический мир Небогатова тяготеет к свету, гармонии, красоте, естеству. Это особенно отчетливо прослеживается в любовном цикле стихов, который воспринимаешь как благодарность судьбе за счастье, обретенное в образе земной, реальной женщины. Драматические нотки звучат приглушенно и выглядят случайными временными тучками на чистом и ясном небосклоне счастья:

И сколько солнца средь зимы,
И счастья сколько!..
А и не виделись-то мы
С утра лишь только.

«Хорошая», «славная», «милая», «любимая», «светлая и нежная», «солнышко ясное», «единственная» — в небогатовском контексте эти и другие «запетые» эпитеты, сравнения, метафоры часто свежи, правомерны. Они в ключе народно-песенного склада его лирических миниатюр, согреты изнутри теплом застенчивого целомудренного интима. У поэта иного мироощущения подобный словесный арсенал обернулся бы грубейшим баналом.

Не касаясь противоречивых жизненных кол-

лизий любви, автор берет ее мажорную сторону и как бы стоит на одном — цените то, что вам дано, оберегайте, не пытайтесь объяснить холодным рассудком, почему это так, а не иначе:

Хорошей, славной называю.
А разобраться, почему,
За что люблю тебя, не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.
Но будь в тумане мир, будь в звездах,
Ты — вечной радости родник...
Не объяснить, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.

По заслугам воздано бескорыстной и щедрой женской душе:

О женская душа!
О вечная забота —
Теплом, добром дыша,
Любить, жалеть кого-то.

По-юношески восторженно пишет поэт о любви зрелой, проверенной годами. Имя любимой для него вечно ново, и он никогда не устанет повторять «светлое и нежное: Мария».

Мудрая житейская суть заложена в замысле стихотворения «Свет в окне». Здесь нет признаний в «вечном чувстве», вздохов о единственной, зато есть всех роднящий образ «милого теплого света» — света твоего очага, твоей родины. Тема любви раскрыта гражданственно, на, казалось бы, обыденном факте, далека от келейно-интимной замкнутости.

И все-таки такой замкнутости автор не избежал. Более всего она свойственна коротким лирическим стихам, написанным в духе раннего Шипачева, когда из любовных ситуаций извлекается годный на тот или иной жизненный случай афоризм. У Небогатова это: «Очень жаль, что не одной тропой в жизнь вступают мудрость и любовь», «Счастлив я, что ты, моя родная, на одной со мной земле живешь», «Не знать до старости разлук, оберегать сердца от скуки» и прочее.

Бытовизмом, комнатным мирком «придавлено» поэтическое настроение в стихотворении «Когда ты спишь, мне грустно почему-то...» Влюбленному кажется, что у предмета его симпатии «нет уже дыхания в груди», и он

сверлит взглядом обожаемую женщину, и той ничего не остается, как прервать отдых и «приоткрыть сонные глаза».

Вяло и монотонно передано ощущение разлуки с любимой в стихотворении «О привычке»: «И как мне стало грустно, одиноко, и как тебя сегодня я люблю!», «Хочу; чтоб лучше было все, иначе, чтоб ссор, обид не знать нам никогда» и т. д. Мало своеобразия в стихах с рефренами «Я помню о тебе» и «Тебя за то благодарю». Последнее невольно ассоциируется с лермонтовским «За все, за все тебя благодарю я...» и не оригинально по замыслу.

**«ТАК МАЛО НАДО
СЕРДЦУ ЧЕЛОВЕКА,
ЧТОБ МНОГОЕ НА СВЕТЕ
ПОЛЮБИТЬ...»**

Оселком, на котором проверяется лирическое дарование поэта, по праву считается умение слушать, видеть, понимать природу и передавать услышанное, увиденное, осмысленное читателям, умение обращать их в свою «веру». Природа — тот уникальный камертон, который заставляет звучать самые потаенные струны поэтической души.

Художественное дарование автора «Земного поклона» несомненно. Художественное — в прямом значении этого понятия, то есть в способности живописать словом, давать зримо осязаемую картину времен года, раскрывать «нестареющую, вечную красоту земли родной»... Вот описание грозы. И не просто описание, а восторженная признательность за ее яркий, праздничный, поистине «небесный подарок людям:

Прогромыхала бочками за тучей,
До капли расплескала все гроза.
И вот пустые,
С неба, словно с кручи,
Скатили их куда-то за леса.
А чтобы мир зеленый, бирюзовый,
Был сказочно прекрасен, а не сир,
Широкой, семицветною подковой
На счастье! — увенчала этот мир.

Трава, солнечный луч, деревья, дождь, тропка, летний вечер — все это не отвлеченные

понятия, а нечто единое с человеком, живое и трепетное, полное очарования и загадочности. В небогатых пейзажах, этюдах, картинках с натуры улавливаешь задор и непосредственность взрослого ребенка, которому все любопытно, до всего хочется дознаться, все видится будто в первый раз. Вот почему «Ель вековая шукою огромной в синь погружает ветки-плавники», «Дождинки звонкая игла проткнуть попробовала крышу», «А в небе стая журавлиная дни лета клином выбивает».

Дело не столько в образности этих строк, сколько в добром, человеческом заряде всей «природной» лирики Небогатова. Наиболее достойные ее образцы могли быть с полным правом адресованы детскому читателю.

Поэт далек от внешнего-самоцельного любования природой, она не уводит его от непосредственной жизни, помогает осознать и почувствовать скрытые в повседневности пласты, увидеть ранее не замеченные грани, заставляет задуматься о многом:

Полями ли шагаю,
На лес ли засмотрюсь,
Во всем я замечаю
Задумчивость и грусть.
Томит молчанье стога,
Но нет, не скажет он,
Что думает дорога,
О чем вздыхает клен.
Вдали закат пылает.
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
Б его сухом огне.

Вид деревца, грустного, жалкого ранней весной и прекрасного, одетого в яркий изумрудный наряд летом, напоминает поэту судьбу девушки, которая до поры до времени незаметна и вдруг расцветает и удивляет нежданной красотой. Читатель не пройдет мимо стихов-раздумий «По весне, когда благоуханно...», «С утра в глазах ребят снежинки», «Спасибо сентябрю», «Стога», «Осенние думы». Неравнозначные по своим поэтическим достоинствам, они свидетельствуют о мастерстве автора и богатстве его духовного мира.

Цикл о природе наиболее удачен и органичен в книжке, придает ей аромат и колорит, но и здесь не обошлось без этой злополучной частицы. Рядом с плодами, рожденными от прямого

контакта с природой, в сборник замешался плод под названием «Доброй ночи», появившийся на свет в результате созерцания картин ночи из окна квартиры. Видно, автор был не в духе, и ночные видения настроили его на несвойственный мрачный лад: «Все кончится. Все порастет быльем».

И еще одно замечание. Пейзажи, написанные в разные годы и встретившиеся вместе на страницах «Земного поклона», теснят друг друга. Если с весенней, летней и осенней тематикой обстоит более или менее благополучно, то зима «погоняет» зиму: «Зима светло и бескорыстно...», «Бесснежье», «Снег выпал», «Зимний бор», «С утра в глазах рябят снежинки», «Капризы зимы» и т. п.

«ВСЕ ДОЛЖНО НА ЭТОМ СВЕТЕ ЛИШЬ СВОЕ ЛИЦО ИМЕТЬ»

В чем же она, суть поэзии? Об этом написаны целые трактаты, а ясный, всех устраивающий ответ так и не найден. Может ли называться поэтом тот, кто не пишет стихов? Небогатов, для кого творчество стало делом жизни, всегда близко к сердцу принимал и принимает все, что касается извечных споров о творческом лице поэта, его задачах, содержании и форме стихов, традициях, учителях... Еще в 1961 году родилось небольшое стихотворение «Родник поэзии», тяготеющее по жанру к притче и весьма популярно объясняющее коренное сомнение:

Один сказал:

— Опять у нас осадки!

— Ах, что за ливень! — ликовал другой.

Один увидел лужу, воду в кадке,

Другой представил море и прибой.

— Вот грязи будет! — первый чертыхался.

Второй мечтал:

— Теперь садам расцвести!

И под дождем стоял и улыбался...

Не в этом ли поэзия и есть?..

Для второго оппонента и претерпевает автор творческие муки, ему на суд несет все, чем богат, что почерпнул из бездонных родников жизни. Читатель, видящий в благодатном ливне предвестника грязи, останется глухим и к

поэтическому слову об этом ливне. Благо, что читателей второй «группы» большинство.

Родство душ, единый внутренний настрой — неперемненное условие «Рождения песни». Идут «полями и лесами» два человека, их разделяет расстояние, но оба они смотрят на мир «влюбленными глазами». У одного сложились слова о красоте земной, да не хватает им легких крыльев музыки. У другого родилась мелодия, да нет нужных слов.

И, уловив минуту дорогую,

Одна душа услышала другую —

Как глубока их родственная связь!

Словам дано привольное звучанье,

А смутным звукам — точное названье.

Поют.

Ты слышишь?

Песня родилась?

«Рождение песни» — одно из программных стихотворений Небогатов на тему о творцах и творчестве как таковом, не зря в книжке отведена ему почетная роль открывателя литературного цикла.

Схематично, в общих чертах поэтическое кредо нашего автора можно свести к следующему. Пиши и о сложном просто. Будь самим собой, не гонись за модой, не фокусничай. Уважай и свой труд, и читателя с неизбалованным вкусом. Пусть твое слово будет искренним, непосредственным, задушевным:

Увы, у многих нет родства

Иль дружбы с простотой природной,

Не с той, что хуже воровства,

А с той — высокой, благородной.

Михаил Небогатов со свойственной ему скромностью и откровенностью признается: «В искусстве я сам доньне ученик». А учится он главным образом у классика советской поэзии Александра Твардовского. Характер этой учебы представляется нам несколько односторонним, внешним. В отличие от учителя, поэзии его последователя недостает эпохальности, глобальности мышления, глубинных обобщений и примет времени.

Да и с чисто технической стороны творчества ритмика учителя при всей кажущейся простоте современна, гибка, изящна. Ученик

же упорно держится за когда-то полюбившиеся ему ритмические «колодки», в которые зачастую не укладывается разноголосое бурное содержание сегодняшнего дня. Так, интересная мысль о значимости творческих находок для будущего читателя приглушена частушечной «приплясывающей» формой ее выражения:

По капельке-словечку
Скоплю я свой ручей.
Журчи, вливайся в речку,
Чей путь — в простор морей.

Современный молодой читатель (не гурман от поэзии, не верхогляд, а эрудит и человек с развитым вкусом, мыслящий) вправе упрекнуть автора в наивности и простоватости некоторых его вещей.

Рост поэта от книжки к книжке бесспорен, но и читатель не стоит на месте. Все труднее становится «на этом свете... свое лицо иметь». Понимая это, вдумчивый лирик Небогатов, как и четверть века назад, мучительно ищет в поэзии все то же — «где видимость, где суть».

Наши встречи

В этом юбилейном году особенно активно проводятся творческие встречи писателей и литераторов Кузбасса с читателями на фабриках и заводах, в учреждениях и учебных заведениях, в совхозах и колхозах.

В апреле группа писателей и литераторов: А. Волошин, И. Киселев, С. Донбай, В. Рудин побывала в Ленинске-Кузнецком. На высоком творческом уровне при переполненном зале прошла встреча в центральном Доме культуры города. Хорошо принимали гостей в общегитити камвольно-суконного комбината, в ДК строителей треста Ленинскпромстрой и других.

В Новокузнецк выезжали в июне И. Киселев, С. Печеник. Особо хочется отметить встречи в библиотечном коллекторе, на алюминиевом заводе и заводе ферросплавов.

В дни, когда в Москве проходил Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце», писатели и литераторы Кузбасса побывали в пионерских лагерях «Спутник», «Чайка» и других.

В летние каникулы в районах области работают студенческие строительные отряды. В Тисульский, Тяжинский, Ижморский и Яйский районы выезжала группа литераторов: В. Матвеев, С. Донбай, Н. Колмогоров. Там проводились творческие встречи со студентами-строителями.

До конца года планируются выезды в совхозы Кемеровского района: Елькаевский, Щегловский, Октябрьский и другие.

А. ГУКОВСКИЙ,

уполномоченный Западносибирского бюро пропаганды
художественной литературы при Кемеровской писатель-
ской организации

М. Сироткин

Очевидная напраслина

Бесспорно, что осел — упрямый,
Что нет в лесу лисы хитрей,
Но мы сравнением, эпиграммой
Унизить рады всех зверей.
До красных слов бываем падки
И приписать не стыдно нам
Свои «родные» недостатки
Четвероногим существам.
Друг друга уличить намерен,
Запасся фразой — кирпичом:
«Чего ты врешь, как сивый мерин!»
А мерин вовсе ни при чем.
Муж поздно ночью появился.
Жена кричит:
«Подам на суд!
Опять ты, как свинья, напился!»
А свиньи отродясь не пьют.
Идут на улице дебаты.
Бранятся кто во что горазд:
«Собачий сын ты!»
«Пес проклятый!»
А пес нам верен, не предаст.
И я живу не без порока,
Читатель, выход предлагай —
Болтлив бываю, как сорока,
Твержу одно, как попугай.

Шапочное знакомство

Обычай старины
Считая пустяком,
Не снимет шапку
Перед стариком,
Зато не дрогнет
У юнца рука
Снять шапку поновей
Со старика.

В одном учреждении

Загружен день Петровой
До предела,
Она минуты
Не сидит без дела:
То вяжет сыну
Теплые носочки
То достает
Учебники для дочки,
То в парикмахерской
Наводит маникюр,
То выбирает
Новый гарнитур...
Петрова прочно
Занимает ставку,
Считает хлопотливым
Свой удел.
Петровой платят
В месяц раз надбавку
За... отдаленность
От рабочих дел.

Новаторы от эстрады

Поиск становится
Все интересней,
В эстраде
Явные сдвиги намечены:
Русские парни
Русские песни
Для русских поют
На заморском наречии.

Нерасторжимые узы

У него — душа, у нее — «душёнка»,
Они по-разному смотрят на мир,
У нее на уме — свиная тушёнка,
У него на уме — великий Шекспир!
Зачем же он рядом с мещанкой находится,
Не рвет супружества пошлую нить?
Она без Шекспира прекрасно обходится,
Ему без тушёнки и дня не прожить.

ПАРОДИЯ

Стихи

о божественной Натали

Ах, Наташа Ростова, Наташа Ростова!
До чего ты мне нравилась, честное слово.
...И друзья меня спрашивали некрасиво:
— Что за муха, приятель, тебя укусила?

Игорь Киселев

Ах, Наташа Ростова, Наташа Ростова!
Сентиментален я, честное слово.
Мне воспеть красоту бы реальную,
ближнюю.

Ну, а я предпочел идеальную, книжную.
Ни блохой и ни мухой укушен я не был,
Перепутал я, девочка, правду и небыль.
Твое имя забвенью предать не посмею,
Я молиться готов на роман-эпопею.
Ах, Наташа Ростова, Наташа Ростова,
Почему не моя ты, а графа Толстого?

НАШИ АВТОРЫ

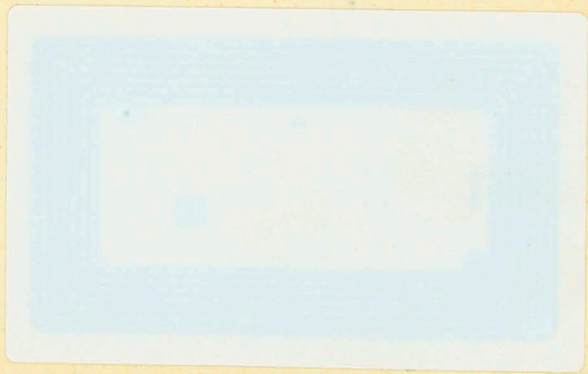
Беркович Михаил Фаддеевич. Родился в 1929 г. в г. Ачинске Красноярского края. Окончил Новокузнецкий педагогический институт. Публиковался в периодической печати. Работает в газете «Кузнецкий рабочий». Член Союза журналистов СССР.

Кругляков Анатолий Иванович. Родился в 1934 г. в г. Новокузнецке. Окончил Кемеровский педагогический институт. Работает в Кемеровском ЦНТИ заведующим отделом. В альманахе «Огни Кузбасса» в последние годы опубликованы его повести «Такая долгая весна» и «Найти себя».

Березин Леонид Михайлович. Родился в 1935 г. в п. Барзас Кемеровской области. Автор сборника стихов «Песня моя, тайга». Работает учителем физкультуры в школе г. Березовского.

Троицкий Андрей Семенович. Персональный пенсионер республиканского значения, член Кемеровского городского совета ветеранов партии и комсомола. Член Союза журналистов СССР.

Могутин Юрий Николаевич. Родился в 1937 г. в г. Волгограде. Окончил Волгоградский педагогический институт. Его книги стихов для детей выходили в Кемерове, Новосибирске и Москве. «На перевале Трех Волков» — последняя из вышедших книг Ю. Могутина рассказывает детям о строителях БАМа. Живет в г. Кемерове.

45 коп.

КЕМЕРОВО 1977